А.С. Смыкалин

ПЕРЛЮСТРАЦИЯ ПОЧТОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ПОЧТОВАЯ ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА В РОССИИ И СССР

Монография

Москва
2015

А.С. Смыкалин

ПЕРЛЮСТРАЦИЯ ПОЧТОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ПОЧТОВАЯ ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА В РОССИИ И СССР

Монография

Москва
2015

УДК 343.2/.7(470+571)(075.8)
ББК 67.408(2)я73
С52

Рецензенты:
И.Я. Козаченко, д-р юрид. наук, проф.,
В.П. Мотревич, д-р юрид. наук, проф.

Смыкалин, А.С.
С52 Перлюстрация почтовой корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР : монография / А.С. Смыкалин. — М. : Издательство «Русайнс», 2015. — 268 с.

ISBN 978-5-4365-0448-3
DOI 10.15216/978-5-4365-0448-3

В работе исследуются малоизученные в отечественной науке вопросы способа изучения мнения широких слоев населения - перлюстрации корреспонденции, тайной почтовой цензуры и политического сыска, являющиеся одним из важнейших направлений подразделений органов государственной безопасности императорской России и Советского государства. Монография написана со строго научных позиций с использованием большого количества архивного материала, ведомственных актов и материалов зарубежной печати. Путем ретроспективного подхода автором изучены механизмы и формы тайного политического контроля, деятельности спецслужб в условиях царской России и советского периода, проанализированы методы политической цензуры, что позволило приоткрыть занавес над процессами идеологического манипулирования общественным сознанием.

Книга предназначена для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических факультетов вузов, работников правоохранительных органов, а также всех интересующихся вопросами оперативно-розыскной деятельности и историей ее развития.

УДК 343.2/.7(470+571)(075.8)
ББК 67.408(2)я73

ISBN 978-5-4365-0448-3

Содержание

Смыкалиной Татьяне Александровне –
жене, другу и помощнику посвящаю.

Предисловие

В последнее время значительно возрос интерес к деятельности спецслужб. Примером этого может служить поток книжной литературы посвященной различным аспектам их деятельности. Однако, литература предлагаемая читателю, в основном мемуарного жанра, либо биографические хроники руководителей российских спецслужб, либо справочные издания подготовленные бывшими сотрудниками.

Естественно, что в силу закрытости многих тем, раскрывающих формы и методы работы разведки и контрразведки серьезные научные исследования не доходлт до массового читателя, скрываясь за соответствующим грифом секретности.

Данное исследование является в некотором роде исключением. Написанное со строго научных позиций, с использованием большого количества архивного материала, ведомственных актов и материалов зарубежной печати оно приоткрывает завесу над деятельностью одного из направлений органов государственной безопасности – перлюстрацией корреспонденции.

Исторической эпопее подразделений занимавшихся этой совершенно секретной деятельностью в императорской России и Советском государстве посвящена данная работа. Спецслужбы на протяжении всей истории любого государства играли значительную роль в формировании внутренней и внешней политики, принятии судьбоносных решений высшими руководителями государства. И полученная информация в результате тайного прочтения корреспонденции играла здесь не последнюю роль.

Причем, если в условиях царской России эта негласная деятельность спецслужб носила выборочный характер, поскольку главными противниками были, прежде всего, различного рода «бунтовщики и революционеры», то в советский период эта деятельность стремится к полному и всеобщему охвату.

В условиях тотального коммунистического режима политический контроль над умонастроениями людей становится всеобъемлющим. Поражают масштабы этой глубоко засекреченной деятельности в рамках СССР.

Еще с первых дней становления советской власти В.И. Ленин рекомендует продолжать активно заниматься этим видом деятельности уже советским спецслужбам. Почтовый контроль особенно усиливается в годы сталинских репрессий. Советские люди, свято доверяя сталинской Конституции 1936 г.,

гарантировавшей охрану тайны переписки, в большинстве своем не допускали возможность, что в их переписке существует и третье лицо – государство, которое прекрасно осведомлено о содержании написанного.

Антиконституционная деятельность спецслужб продолжалась и в годы Великой Отечественной войны, существуя совместно с легальной формой перлюстрации корреспонденции – военной цензурой и в послевоенные годы. Примером тому служат архивные документы и рассекреченные ведомственные акты НКВД-МГБ-КГБ СССР.

Роль спецслужб в реализации репрессивной политики советской власти на протяжении многих десятилетий советского периода являлась запретной темой. Политическая цензура не позволяла публиковать научные работы объективно освещающие роль органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ и уже совсем запретной темой была деятельность отдельных структурных подразделений осуществлявших оперативную работу.

Подразделения, осуществлявшие антиконституционную деятельность по перлюстрации корреспонденции были настолько глубоко законспирированы, что являлись своего рода «разведчиками в собственной стране». Они представляли собой, так называемый негласный состав, не подлежавший расшифровке перед остальными сотрудниками органов государственной безопасности. Кандидаты на эту работу проходили специальный психофизиологический отбор, должны были иметь отменное физическое здоровье, отвечать необходимым морально-нравственным качествам. Вплоть до конца 60-х гг. XX века этим видом засекреченной деятельности занимался исключительно офицерский состав органов государственной безопасности.

Меняющаяся политическая ситуация в стране, естественным образом отражалась на задачах, которые были поставлены перед спецслужбами. Но всегда сохранялось главное – обладание информацией. Н перлюстрация корреспонденции являлась одним из способов ее получения.

Еще в январе 1921 г. Ф.Э. Дзержинский говорил: «Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе… нужно держать на учете, выяснить, проверить. Это гигантская информационная работа, которая должна выступить на первый план… Здесь надо иметь в руках точные улики, конкретные данные, которые опять-таки можно получить лишь хорошей информацией…»[1]. В 1922 г. в составе ОГПУ создается Отдел политического контроля, целью которого является наблюдение, сбор информации и соответствующие профилактические меры, направленные против диссидентствующей интеллигенции.

---

[1] Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917-1921 гг. М., 1972. С. 418-419.

О том, что перлюстрация корреспонденции активно проводилась в 20-е гг. свидетельствуют рассекреченные данные. В 1924 г. по сообщению начальника Политконтроля ОГПУ И.З. Сурты Ф.Э. Дзержинскому отмечалось, что «полная обработка писем доведена до 250 штук на одного человека. Всего за 1924 год было перлюстрировано 5 млн. писем и 8 млн. телеграмм».

Вышеприведенные цифры свидетельствуют о приближении к всеобъемлющему политическому контролю всего населения страны.

Монография состоит из шести глав. Первая глава охватывает период со второй половины XVIII века по начало XX века. Здесь рассмотрено создание органов политического сыска в России, и особое внимание в оперативной деятельности этих органов уделено такому направлению как перлюстрация корреспонденции. Особо выделяются формы тайного политического контроля в России и перлюстрационная деятельность спецслужб, в историко-сравнительном плане в Европе и Америке.

Вторая глава посвящена почтовой военной цензуре как средству контроля контрразведки в годы Первой мировой войны. Сравнительно небольшой, в хронологическом плане период 1914-1918 гг., тоже имеет свою специфику в этом виде деятельности, и она отражена в работе.

Изменившиеся экономические и социально-политические условия в стране, после Октябрьской революции 1917 г. поставили новые задачи перед молодой советской Республикой, но отказываться от тайного политического контроля советское правительство не собиралось. Более того, глава государства В.И. Ленин рекомендовал заниматься этим важным делом более энергично. Анализу тайного политического контроля в 1917-1930 гг. посвящена третья глава монографии.

В четвертой главе рассматривается это направление деятельности советской контрразведки в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны, использованы архивные источники ФСБ РФ.

Глава пятая охватывает послевоенный период (1946-1960-е гг.) в условиях кризиса партийно-государственного социализма и зарождающегося диссидентского движения эта форма деятельности советских органов государственной безопасности приобретает важное значение. Заключительная (шестая) глава посвящена некоторым техническим приемам вскрытия корреспонденции имевшим место в недалеком историческом прошлом.

В Заключении предлагается, с учетом анализа современного законодательства, пересмотреть и уточнить некоторые коллизионные нормы закона об оперативно-розыскной деятельности с целью его совершенствования, о чем неоднократно говорилось и на страницах юридической печати.

С закреплением в первом Законе РФ (1992 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» основных правовых и

организационных параметров ОРД, преодолено представление о ней в обществе как выходящей за рамки законности и противоречащей нравственным принципам. Получила законодательное подтверждение правомерность и социальная обусловленность ОРД – важной составной части правоохранительной деятельности.

Определенные шаги сделаны в направлении развития оперативно-розыскного законодательства. В 1995 г. был принят новый федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». В условиях демократизации и гуманизации общества это имеет исключительно важное значение, поскольку на законодательном уровне, обеспечиваются гарантии неприкосновенности личности, защиты ее прав, интересов и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации и другими законами.

Вопросы оперативно-розыскной деятельности напрямую связаны с таким понятием как политическая безопасность и стабильность общественной жизни государства.

Понятие политической безопасности можно определить как систему мер, устраняющих определенные опасности для общественно-политического строя и политической власти в стране. К этим опасностям можно отнести: замыслы и действия зарубежных спецслужб, нацеленных на разрушение власти в данной стране; политическое и моральное разложение самой власти; действия властей, вызывающие возмущения населения; деятельность политических партий, экстремистских, радикальных групп, несущих угрозу существующему строю и власти; действия экстремистов-фракционеров в самой власти; появление и расползание националистических настроение и группировок в обществе.

Если эти угрозы для политической безопасности и стабильности страны – поле деятельности спецслужб, то основной способ действия для них – политический сыск[1], а дело сыска это изучение настроений и мнений, как элиты общества, так и населения, особенно для тоталитарных государств.

Вопрос о роли политического сыска в жизни современного демократического государства чрезвычайно сложен и, прежде всего с морально-нравственной точки зрения. «Сыск – это грязная работа, связанная с проникновением в личную жизнь, съемом информации, провокацией», считают одни. «Сыск – это разновидность аналитической и политической деятельности, связанной с полемикой, с убеждением оппонента», считают другие.

Таким образом, границы между категориями нравственен или безнравственен политический сыск весьма размыты. Все зависит от того, с

---

[1] Макаревич Э. Политический сыск. М., «Алгоритм». 2002. С. 6.

каких позиций рассматривать политический сыск. Руководители любого государства не могут в полной мере реализовать свое решение не опираясь на мнение населения. Игнорирование этого приводит к социальным революциям, а это значит, что необходимо знать намерения, которые можно выявить только оперативным путем. Еще царский генерал, один из руководителей российского политического сыска П.Г. Курлов справедливо писал: «правительству приходится иметь дело не только с фактами, но и с намерениями».

Трудностью своевременного ознакомления с такими намерениями, в целях предупреждения преступления, объясняется и трудность розыска, которая почти непонятна для рядового обывателя, вследствие того, что политический розыск оперирует не после, а до совершения преступления[1]. Иногда в угоду политическим амбициям, забывается превентивная сторона этой деятельности.

Демагогические высказывания, сделанные на рубеже 1990-х гг., о необходимости ликвидации политического сыска были несостоятельны и уже вскоре Сергей Степашин, возглавивший органы государственной безопасности заявил: «В связи с появлением разного рода экстремистских организаций, в том числе и откровенно фашистского толка, я подумал о создании структуры, которая бы занималась политическим сыском. Потому что если не защищать Конституцию и власть, то для чего нужны органы госбезопасности?»[2].

Поэтому, начиная с 1992 г. стали вновь говорить о возрождении политического сыска.

Власть в стране не могла существовать без политического сыска, даже в спокойной, благополучной и стабильной стране.

Не политическая демагогия, плюрализм мнений и деструктивная критика «укрепляют» государство, а концентрация усилий и продуманные решения лежат в основе деятельности специальных служб государства. И это не только в исторических традициях Российского государства, подобная практика существовала и существует в любом цивилизованном государстве.

После падения царского режима в России, уже упомянутый бывший товарищ (заместитель) министра внутренних дел П.Г. Курлов отмечал: «Нет ни одного правительства в мире, начиная с абсолютной монархии и кончая советской властью большевиков, которое не было бы вынуждено, в целях своего существования и самосохранения, отказаться от борьбы со

[1] Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., «Современник». 1992. С. 121.

[2] Михайлов А.Г. Портрет министра в контексте смутного времени: Сергей Степашин. М., «Олма-Пресс». 2001. С. 175.

своими политическими врагами, признавая направленные против существующей власти действия лиц иных убеждений преступлениями, а потому не только карать их на основании уголовного закона, но и в большей части случаев предупреждать самое возникновение этих преступлений»[1].

Политическая стабильность в любом государстве всегда определялась эффективностью деятельности спецслужб, и одним из важных инструментов в их работе являлся политический сыск.

Способом изучения мнения широких слоев населения и в царской России и в советском государстве являлась перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура, подробно рассматриваемая в представленной на суд читателя работе.

Когда туман эйфории анархизма и вседозволенности рассеивается, а это бывает, в конце концов, после каждой революции, на смену приходит здравый рассудок и трезвая оценка ситуации, становится понятной важность политической стабильности государства. И здесь возникает другая опасность выход за пределы границ очерченных правовым полем деятельности спецслужб.

Наглядным примером может служить история советского государства, когда накопление информации антисоветского содержания приводило в результате к уголовной ответственности конкретного фигуранта. Примером может служить диссидентское движение в СССР.

Позитивным моментом является то, что автор не ограничивается констатацией фактов, но и дает им правовую оценку, а это в свою очередь дает возможность выявить наличие коллизии и даже пробелов в законодательстве.

В качестве примера, приводится действующая Конституция РФ 1993 г. Исторический ракурс исследования дает возможность сравнить конституционные нормы, касающиеся гарантии тайны переписки. Нынешний состав норм Конституции РФ 1993 г. «тайна переписки» составлен разработчиками, весьма своеобразно (ст. 23, п. 2). Если, в ранее действующих Конституциях СССР и РСФСР прямо и недвусмысленно говорилось, что: «тайна переписки охраняется законом» (ст. 128 Конституции СССР 1936 г., ст. 56 Конституции СССР 1977 г., статья 54 Конституции РСФСР 1978 г.) и гарантируется государством, то ныне действующая Конституция РФ 1993 г. значительно ослабила императивность норм, сейчас мы лишь имеем право на тайну переписки. Ну а разница между понятием «гарантия» и «право» ясна даже не юристу. Снижение императивности нормы, отмечает автор исследования, превращает ее в юридическую фикцию, ни к чему не обязывающую государство.

---

[1] Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., «Современник». 1992. С. 121.

Как пробел в законодательстве можно рассматривать и вопрос о контроле оперативно-технической деятельности спецслужб. Действительно закон об ОРД разработанный в строгом соответствии с действующей Конституцией РФ 1993 г. разрешает проводить эти мероприятия перечисленным в законе об ОРД органам. Но, возникает вопрос о контроле за этой деятельность государства. Оказывается, такого контроля нет, именно в части, касающейся использования новой секретной техники. Прокурор такого права не имеет (см. ст. 24 «Прокурорский надзор» Закона о ФСБ от 22 февраля 1995 г., с изменениями и дополнениями).

Нет такого права и у судьи, даже имеющего соответствующую форму допуска к государственной тайне. Технические средства проведения ОРД ему никто и никогда не покажет. Следовательно, судья, дающий разрешение, скажем органам ФСБ на проведение почтового контроля «перлюстрации корреспонденции» не имеет право на ознакомление с техническими средствами, применяемыми при проведении мероприятия. Этот вывод можно сделать, исходя из п. 6 ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изменениями и дополнениями). Интересно то, что и Конституционный Суд не вправе требовать ознакомления с технической стороной оперативно-технической деятельности, являющейся государственной тайной. Значит, возможен только ведомственный контроль? ФСБ контролирует ФСБ. Возникает резонный вопрос, а если в спецтехнике использованы новые технологии, разрушающие здоровье граждан и даже представляющие опасность для сотрудников самих спецслужб? В лучшем случае это может закончиться только внутренним служебным расследованием, иного контроля нет.

Возможно, наличие пробелов в законодательстве и вызывает различные споры во время совещаний руководителей подразделений спецслужб осуществляющих эту деятельность. Отсутствие правовых гарантий в правовом демократическом государстве недопустимо. Поэтому сколько бы не были деликатными вопросы в этой специфической сфере деятельности они не должны ограничиваться секретными ведомственными инструкциями, а получить законодательное, конституционное закрепление. Только тогда на деле мы перейдем от государственной целесообразности к государственной законности.

Актуальным является и вопрос о злоупотреблении политическим сыском. Недопустимо, например, его использование в борьбе с оппозицией, как это было в тоталитарном советском государстве.

Целью политического сыска должно быть обеспечение безопасности государства и как следствие этого незаконное изменение Конституции и незаконной смены власти.

В заключении, хотелось бы отметить, что представленное историко-правовое исследование рассматривает лишь одно из направлений деятельности спецслужб нашего государства. Естественно, что в разных исторических условиях и у разных социальных слоев общества отношение к нему было различное. Но в любом случае это история нашей родины, которую надо знать и помнить.

Председатель Комитета по законодательству
Государственной Думы РФ, профессор
П.В. Крашенинников

Opening and Inspection of Correspondence and Postal Military Censorship in Russia and the USSR (monograph)

This historical legal research is devoted to one of the directions of the activities of Russian and Soviet special services.

The author takes a comparative approach to the analysis of opening and inspection of correspondence in the 19th-20th centuries in similar structures in Europe and America.

Great attention is given to postal military censorship, especially in extraordinary circumstances of the Russian civil war and the Great Patriotic War.

The archives of the FSB (the Russian federal security service) of the Russian Federation, the State Archive of the RF, regional state and departmental archives, foreign literature, periodicals, memoirs, normative sources are used in this work.

In this monograph the author chronologically analyses the establishment of departments which carried out opening and inspection of correspondence in Russia from the mid18th century to the mid1970's.

In the Appendix, various schemes, blueprints, excerpts from archival documents, departmental normative acts and reports can be found.

Chapter One deals with theoretical questions of operational technical activity, shows how organs of political control in Russia were established and how the system of political police investigation appeared.

Chapter Two analyses the activities of postal military censorship as a means of counterintelligence control in times of World War I.

Chapter Three is devoted to secret political control in the USSR in 1917-1930.

Chapter Four explores working conditions of the postal military censorship as well as opening and inspection of correspondence during World War II.

Chapters Five and Six consider the activities of Soviet special services in the period of party-state socialism (1946-1960) and various techniques of opening and inspection of correspondence.

In conclusion the author pays special attention to conflict of laws and gaps in the legislation on operational search activity and provides legal treatment of the history of special services of Russia.

«Шпионство есть язва народа,
губящая право»

В.А. Жуковский

Введение

Глобализация информационных процессов, развитие новых компьютерных технологий, создание культуры виртуальной реальности ставит вопрос о защите личности от информационного насилия. И в этих условиях приобретает качественно иное звучание проблема цензуры, как система сдержек и запретов государства любого типа. В правовом государстве конституционным гарантом является запрет цензуры (см., например ст. 29 Конституции РФ 1993 г.), чем в свою очередь обеспечивается свобода слова и информации.

Но, задача данного исследования заключается в ретроспективном подходе к изучению и анализу механизмов советской политической цензуры, что позволяет приоткрыть занавес над процессами идеологического манипулирования общественным сознанием. К сожалению, теоретические проблемы правового статуса органов цензуры учеными юристами пока не разработаны.

При тоталитарном режиме характеристика и порядок запретов существенно отличаются. Являясь частью пропагандистской тоталитарной системы, цензура осуществляет контрольно-запретительные, полицейские и манипулятивные функции, направленные на управление обществом, а также отдельными гражданами. Как отмечает исследователь Горяева Т.М. «В полицейском государстве функции цензуры во многом совпадают и переплетаются с функциями репрессивных органов, которые совместно осуществляют политический сыск и надзор, выражавшийся в контроле за частной перепиской (перлюстрация), подслушиванием телефонных разговоров и других массовых нарушений прав и свобод человека»[1].

По мнению российского исследователя Н. Панарина, несмотря на то, что средства воздействия (пропаганда, дезинформация, слухи и т.д.) остались прежними, принципиально иными стали средства получения и доставки информации. Это, прежде всего, системы глобального телерадиовещания. Они теперь доносят информацию о реальных событиях, ком-

---

[1] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.» М. РОСПЭН, 2002. С. 6

ментарии, специально подобранные факты и аргументы до аудиторий многих стран мира. Использование спутников прямого вещания, когда лидер одного государства без согласия руководства других стран может напрямую обратиться к населению этих стран, является совершенно новым явлением мировой политики[1].

Использование психологических средств информационной войны предполагает знание структуры, особенностей СМИ противника, их постоянный мониторинг, что становится задачей органов сыска. Они дают первоначальный материал для организации противодействия на направлениях информационной агрессии как внутри страны, так и вовне...[2]

Таким образом, понятие цензуры многопланово. С одной стороны это контроль, который осуществляет государство за средствами массовой информации (печать, радио, телевидение, кинематограф). Который проявляется в том, что в лице специальных контролирующих органов государства налагается запрет на опубликование или воспроизведение другими способами авторских идей идущих в разрез с политикой или идеологией тоталитарного государства.

Но, есть и другая форма цензуры связанная с секретными функциями государства по реализации оперативных мероприятий политического сыска и тотальным контролем над общественным сознанием. Это перлюстрация корреспонденции и тайная почтовая цензура.

Именно этим направлением политического сыска и посвящена данная работа. Вопросы эти мало изучены, особенно в открытой печати. Ибо в любом обществе и при любом режиме, пускай даже авторитарном, правительство декларировало своим гражданам тайну переписки, создавая видимость у населения заботы о соблюдении элементарных человеческих прав. И в тоже время спецслужбы всех стран грубо попирали их. Именно всех потому что, как показывает история «черные кабинеты» существовали с глубокой древности. Т.е. уже с момента образования государства, в системе его органов появлялась спецслужба в задачу, которой входило тайный «съем информации» методом подсматривания (наружное наблюдение), подслушивание, тайное вскрытие корреспонденции (перлюстрация) и т.п.

Естественно, что по мере развития новейших технологий способы такого съема информации совершенствовались из века в век, из десятилетия в десятилетия, из года в год.

Но, обратимся к истории.

---

[1] Панарин И. «Информационная война XXI века: готова ли к ней Россия?». «Власть». № 2. 2000. С. 101-104.

[2] Макаревич Э. «Политический сыск». М. «Алгоритм». 2002. С. 18.

Глава I. У истоков оперативно-технической деятельности

Как ни странно цензура родилась задолго до изобретения книгопечатания. Еще в древнем Риме существовала должность цензора, который в частности, обязан, был следить за благонравием населения. Фактически он действовал как строгий критик, взыскательный судья, учитель нравственности, суровый моралист.

Позднее, христианская церковь учредила цензуру как средство предупреждения искажений при переписке религиозных книг, как орудие борьбы против ереси. В 1471 году папа Сикст IV предписал, чтобы ни одна книга духовного содержания не выходила в свет без предварительного рассмотрения и одобрения церковных властей. Происхождение церковной цензуры в России было связано с решениями Стоглавого собора (1551 г.) и позднее – указом Петра I от 1721 г.[1]

Но, если в данном случае цензура рассматривалась как форма контроля, налагающая запрет на обнародование сведений определенного рода, то параллельно с ней развивалась и почтовая цензура (перлюстрация) как форма политического контроля.

Еще в начале XVI века основатель разведывательной службы в Англии Оливер Кромвель учредил в рамках этой службы на правах отделения («черного кабинета») специальную дешифровальную службу, которая оказал ему серьезные услуги в борьбе с противниками короля.

В XVI-XVII вв. в Англии министр королевы Елизаветы сэр Френсис Уолсингем создал эффективную тайную разведку. Большое внимание он уделял дешифрованию перехваченных депеш. Наиболее яркой личностью в плеяде дешифровальщиков оказался Томас Феллиппес, работавший под руководством Кристофера Марло. Именно он сыграл роковую роль в судьбе шотландской королевы Марии Стюарт, соперницы Елизаветы по правам на английский престол.

Перехватив и дешифровав депеши Марии, в которых имелись сведения о заговоре против Елизаветы, Феллиппес почерком и шифром королевы Шотландии сделал приписку в одном из писем, из которой следовало, что она является организатором покушения на Елизавету, что и предрешило судьбу Марии Стюарт.

---

[1] Федотов М.А. «Гласность и цензура: возможность сосуществования». Журнал «Советское государство и право». 1989. № 7. С. 31.

Таким образом, перлюстрация корреспонденции далеко не всегда сводилось к праздному любопытству заглянуть в частую жизнь, но в данном случае даже изменило ход развития целой страны.

Спасение от прочтения корреспонденции уже тогда виделось в создании специальной криптографической службы, которая первоначально возникла в дипломатических органах многих европейских государств. XVII – XVIII в.в. уже вошли в историю криптографии как эра «черных кабинетов» – секретных государственных органов по перехвату, перлюстрации и дешифрованию переписки (в первую очередь, дипломатической). В штат «черных кабинетов» входили криптографы-дешифровальщики, агенты по перехвату почты, специалисты по вскрытию пакетов (не оставляющих никаких следов), писцы-копировальщики, переводчики, специалисты – граверы по подделки печатей, химики (для выявления «невидимых чернил») специалисты по подделки почерков и так далее.

Таким образом, «черные кабинеты» состояли из высококвалифицированных специалистов в различных областях знаний. Эти специалисты ценились «на вес золота» и находились под особым покровительством властей. От них требовалось строгое сохранение тайны и преданность монарху. Предателей сурово наказывали[1].

В русской истории известен случай, когда император Александр III собственноручно отобрал четыре золотых портсигара с гербами и бриллиантами и передал их секретному чиновнику в качестве благодарности императора служащим «черного кабинета» в Петербурге. Так, высоко оценивалась деятельность этой спецслужбы государем.

Деятельность «черных кабинетов» широкое распространение получила во Франции в конце XVII вв., в годы правления Людовика XIV, при следующем короле Людовике XV этот «кабинет» курировала любовница короля, известная маркиза де Помпадур.

Интересно то, что деятельность по перлюстрации документов активно переплеталась у французов с оперативно-агентурной работой. Так, например, в середине XVIII вв. в штат английского посла в Константинополе Джона Мэррея был внедрен французский разведчик, многие годы передававший в Париже ключи к шифрам и копии шифрованных сообщений посла. В это же время аналогичном образом англичане получали сообщения министра иностранных дел Франции в Мадрид. Полученная информация позволила Англии занять жесткую позицию на переговорах с Испанией по поводу Фолклендских островов.

Подобная практика, подкупа и шантажа, имела место и в деятельности российского (петербургского) «черного кабинета». Дешифровка ди-

---

[1] Бабаш А.В., Шанкин Г.П. «История криптографии». М. «Гелиос – АРБ». 2002. С. 105.

пломатической почты велась в особом режиме, она доставлялась за несколько часов до отправления, на поезде, время было предельно ограничено. Перлюстрацией корреспонденции занимались сотрудники высшей квалификации, поскольку любая неосторожность могла вызвать международный скандал. Кроме этого надо было постоянно думать о том, что отправкой подобного рода дипломатической корреспонденции тоже занимались не «новички», которые заранее презумировали возможность вскрытия почтово-телеграфной корреспонденции.

Легче было подкупить служащих посольства отвечавших за шифровые коды. Кроме этого в «черном кабинете» имелась полная коллекция копий печаток и пломб всех иностранных посольств, консульств, миссий и агентств.

Один из бывших сотрудников петербургского «черного кабинета» приводит своего рода прейскурант цен, по которым покупались шифровые коды у служащих иностранных посольств в Брюсселе и Париже. Так коды менее значимых государств – Греции, Болгарии, Испании – стоили от полутора до двух тысяч золотых рублей; коды Северо-Американских Штатов, Германии и Японии – от 5 до 15 тысяч рублей золотом[1].

Сильный «черный кабинет» существовал в XVII веке в Англии. Яркой личностью в криптографии и дешифровке был выдающийся английский математик, предшественник И. Ньютона Джон Валлис. Этот человек обладал уникальными способностями, он в уме извлекал квадратные корни из 50-значных чисел с точностью до 20 – 30-го знаков. Записав результат, утром перепроверял его и ошибок не находил. Карл II высоко ценил искусство Валлеса и называл его «драгоценным камнем для короля...».

Король высоко ценил свою службу перехвата, перлюстрации и дешифрования корреспонденции.

В истории дипломатической службы описан случай, когда, в XVI веке курьеры Испании везли тайные послания в металлических запаянных трубках, а на месте пайки ставилась печать. Сама трубка, тоже находилась в опечатанной сумке, которая цепью прикреплялась к телу курьера. Однако, усыпив курьера, англичанам удалось тайно перлюстрировать послания[2].

Со временем совершенствовалась и сама техника перлюстрации корреспонденции. Во времена Карла II специалист по фамилии Морленд изобрел специальную машину, которая давала возможность читать письма без нарушения печати, а также быстро снимать копии (1 минута на две страницы текста). Изобретатель был щедро вознагражден королем, а само техническое изобретение строго засекречено.

---

[1] Майский С. «Черный кабинет» из воспоминаний бывшего цензора». Петроград. 1922. С. 23

[2] Бабаш А.В., Шанкин Г.П. «История криптографии». М. «Гелиос – АРБ». 2002. С. 164.

В России цензуирование светских изданий началось при Петре I и продолжалось с небольшими перерывами вплоть до октября 1905г., а в измененном виде – до февраля 1917 г.[1]

Что касается перлюстрации корреспонденции, то по мнению некоторых авторов, начало создание «черных кабинетов» в России относится к концу XVIII века, периоду правления Екатерины II. Хотя, как видно из ранее описанных случаев перлюстрация корреспонденции велась с незапамятных времен. Однако она носила эпизодический характер, связанный с оперативно-агентурными мероприятиями правительства.

Лишь в середине XVIII века, при царице Елизавете Петровне учреждается специальная секретная служба перлюстрации. Ее возглавил канцлер А.П Бестужев-Рюмин. Но и она еще не занималась тотальной перлюстрацией корреспонденции. Речь, прежде всего, шла о дипломатической переписке имевшей государственное значение для России.

Дешифрованная корреспонденция докладывалась непосредственно императрице, которая с пониманием относилась к такого рода деятельности. Основной перехват почты осуществлялся через Петербургский почтамт, руководителем которого был Ф. Аш, этот почт-директор непосредственно подчинялся Бестужеву-Рюмину. В одном из донесений он сообщает канцлеру «... куверты не токмо по углам, но и везде клеем заклеены, и тем клеем обвязанная под кувертом крестом на письмах нитка таким образом утверждена была что онный клей от пара кипятка, над чем письма несколько часов держал, никак распуститься и отстать не мог. Да и тот клей под печатями находился (кои я искусно снял) однако же не распустился. Следовательно же, я к превеликому моему соболезнованию никакой возможности не нашел онных писем распечатывать без совершенного разодрания конвертов. И тако я онные паки запечатал и в стафету в ея дорогу отправить принужден был...»[2].

Возникали технические проблемы и с подделкой поврежденных печатей. Печати были весьма «замысловатыми» и отпечатывались на красном сургуче. Процесс требовал привлечения все большего количества людей обладавших специальными знаниями в различных областях науки и техники. Постепенно формировался целый штат специалистов из числа граверов, химиков, графологов, математиков. Одним из таких математиков, приглашенным в русскую криптографическую службу был немец Христиан Гольбах (1690-1764г.г.), специалист по теории чисел и математическому анализу.

---

[1] Аксаков И.С. «Биография Ф.И.Тютчева». М. 1886.

[2] Бабаш А.В., Шанкин Г.П. «История криптографии». М. «Гелиос-АРБ». 2002. С. 219-220.

В монографиях по истории дипломатической службы упоминается, что с июля по декабрь 1743 года он дешифровал более 60 писем лишь «министров прусского и французского дворов».

Анализ материалов, тех лет, показывает, что до Х. Гольдбоха перехваченные письма копировались на почте только по «клеру», т.е. по кускам открытого текста содержащегося в письмах. Шифрованная часть не копировалась. С момента появления Гольдбаха в «черном кабинете» России Бестужев-Рюмин дал распоряжение Ашу копировать письма целиком. Аш старался выполнить распоряжение, но у него постоянно возникали проблемы с безуликовостью вскрытия писем.

Гольдбах стремился разъяснить Бестужеву-Рюмину серьезные проблемы его работы по дешифрованию. Он, в частности, подчеркивал необходимость абсолютно точного копирования перехваченных писем, и в связи с этим просил «каждое число или каждую цифру весьма прилежно засвидетельствовать», поскольку ошибки копировальщика значительно затрудняли работу дешифровальщика.

Так, перлюстрация и криптография шли рука об руку с момента своего возникновения.

Императрица высоко оценила труды Гольдбаха. Помимо крупных денежных вознаграждений, он получил очень высокое звание – тайный советник. К примеру, знаменитый математик того времени, работавший в России Л.Эйлер, несмотря на все его научные достижения, такого звания не получил[1].

Дешифрованные Гольдбахом материалы оказывали заметное влияние на внутреннюю и внешнюю политику России. И хотя, перлюстрация в тот период времени, как подчеркивалось выше, еще не являлась общей, но сам факт уже указывал «верный» путь в этом направлении, чем больше прочитанных писем поданных, тем выше шанс соответствующим образом отреагировать на политические настроения в обществе, принять правильное решение в управлении «толпой».

Сам собой напрашивался вывод управленческая функция государства становилась менее эффективной без истинного знания положения вещей в социуме. Цензура в обществе, как тайная (перлюстрация), так и открытая, все активнее внедряется в жизнь.

Непосредственно осуществляя регулирования информационных потоков, цензура становится одним из важнейших механизмов защиты общественно-политической системы.

Ряд авторов выделяют до десятка функций, которые обеспечивают ей власть: 1. функция контроля заключается в отслеживании, оценке, классификации и селекции информации в соответствии с принятыми в

[1] Там же. С. 221.

социальной среде нормами; 2. регламентирующая функция направлена на определение критериев и установления порядка циркуляции информации посредством рекомендаций, предписаний, указаний, замечаний; 3. охранительная функция нацелена на сохранение в тайне государственных, военных и других важных секретов; 4. репрессивная функция служит для применения карательных мер против производителей, распространителей, потребителей и хранителей информации, виновных в нарушении правил цензуры; 5. манипулятивная функция выражается в том, что цензура, регулируя потоки информации, определенным образом воздействует на восприятие фактов социальными объектами и принимаемыми ими решения; 6. профилактическая функция призвана предупредить возникновение конфликтных ситуаций между социальными объектами и упрочить социальную стабильность; 7. санкционирующая функция обеспечивает введение в социокультурный контекст информации двух видов:

а) не претерпевших изменений из – за цензуры; б) искаженной, адоптированной ею; 8. эталонизирующая функция предназначена для фиксации и закрепления известных образцов (произведений искусства, художественных направлений и стилей, научных теорий в социокультурном континууме; 9. своеобразная «побочная» функция стимуляции общественного интереса обуславливает пробуждение повышенного внимания к малодоступной информации со стороны не посвященных[1].

Так, видят функции цензуры социологи, юристы предлагают свои виды и формы контроля.

На наш взгляд перечень предложенных функций не является исчерпывающим. Как минимум можно назвать еще две функции в деятельности цензуры, связанные с наиболее секретными ее аспектами, а именно: оперативно-профилактическая, сюда относится перлюстрация почтово-телеграфной корреспонденции, подслушивание телефонных разговоров, наружное наблюдение и иные не гласные способы съема информации и дезинформационная – заключающаяся в создании литературного произведения, фильма или научной теории по специальному секретному, социальному заказу правительства, имеющая цель увести в сторону (дезинформировать) широкую общественность.

Так, параллельно шло развитие политической цензуры и перлюстрации корреспонденции, как одно из секретных форм вторжения в личную жизнь подданных.

В работе использованы материалы архивов: ФСБ РФ; ФСБ РФ по Свердловской, Пермской, Челябинской областей; Центра документации об-

---

[1] Левченко И.Е. «Цензура как общественное явление» Автореф., канд. дисс… Екатеринбург, 1995, С. 11.

щественных организаций Свердловской, Пермской областей (бывшие партийные архивы). Архивные материалы Национального архива США (Вашингтон), периодическая печать, монографическая литература, мемуары.

1.1. Перлюстрация корреспонденции в России (этапы развития), создание специальных органов политического контроля во второй половине XVIII века

Деятельность спецслужб любой страны всегда окутана плотной завесой тайны. Это в полной мере относится и к такому направлению, как политический контроль за личной жизнью граждан государства, в частности за частной перепиской якобы строго охраняемой государством. И лишь политические скандалы, разглашение государственной тайны сотрудниками спецслужб или технические промахи приводят к тому, что тайное становится явным.

В данной работе на основании анализа скрупулезно собранного материала, автор попытается рассмотреть генезис и дальнейшее направление работы спецслужб России как перлюстрация корреспонденции. Для этого придется обратиться к далекой истории государства Российского.

Вообще, вопрос о перлюстрации корреспонденции в России и СССР долгое время не являлся предметом специального рассмотрения в открытой печати.

В настоящее время существует не более десятка работ посвященных этой проблеме. Это связано опять таки с тем, что органы государственной безопасности тщательно скрывали за грифом «совершенно секретно» это направление в своей работе, которое плохо соотносилось с советским законодательством. Еще в Конституции СССР 1936 года было торжественно провозглашено, в статье 128 «тайна переписки охраняется законом...».

Однако принцип государственной целесообразности не редко превалировал над принципом социалистической законности. И государство, в лице органов ВЧК – ОГПУ – НКГБ – МГБ – КГБ, всячески старалось, хотя бы одним глазком, заглянуть в личную жизнь своих граждан. Воспитанные же в духе строгого соблюдения социалистических законов большинство советских граждан даже не допускало мысли о сознательном нарушении Конституции СССР и советских законов. Представление о размахе проводимой работы поражают воображения, в отдельные годы практически вся почтовая корреспонденция подлежала перлюстрации. Официальные статистические данные, из архивов органов государственной безопасности подтверждают этот факт. Но, сначала о истории создания этого направления работы спецслужб России.

Активно вмешиваться в личную жизнь своих подданных государство начало еще в первой четверти XYIII века, в период правления Петра I. В это время создается и новая система политического сыска. Если, в XYII веке политическим сыском занимались на местах воеводы, а в центре Приказы, особенно территориальные (Сибирский, Казанский и др.) военные (Стрелецкий, Рейтарский и др.), Боярская Дума и лично Государь, т.е. система не была централизованной, то пришедший к власти в результате жестокой борьбы Петр I совершенствует политический сыск. С конца XVII начала XVIII века важнейшим органом политического сыска становится Преображенский приказ, который является уже центральным и общегосударственным учреждением.

В 1718 году для производства следствия по делу царевича Алексея была образована Тайная канцелярия, которая затем была переведена в Петербург и там стала вторым постоянно действующим центральным органом политического сыска, независимо от Преображенского приказа. Все, кому было известно о преступлении против государя и государства, должны были заявлять об этом. Расследование проводилось в форме жесткого розыскного процесса.

Довольно широкое распространение в этот период получили корыстные должностные преступления. Раскрывать их было достаточно сложно. Для борьбы с ними создается специальная карательная служба – ФИСКАЛАТ. Этот институт, заимствованный из Пруссии, в России появился одновременно с созданием Сената в качестве его подразделения. Возглавлял фискальную службу вначале обер-фискал, позднее генерал-фискал, которые не только информировали Сенат о выявленных ими злоупотреблениях по службе, но и тайно следили за членами и служителями Сената, в том числе и тайно контролировали их служебную и личную переписку.

Под руководством генерал и обер-фискалов создавалась разветвленная система фискалата: 4 фискала следили за центральными государственными учреждениями, по 4 фискала определялись при каждой губернской канцелярии, в том числе прикрепленные к провинциям провинциал-фискалы, по одному-два фискала закреплялись за городом.

С 1722 года фискалы прикреплялись ко всем коллегиям. Фискальные службы в вооруженных силах и при церковном управлении. Они должны были за всеми тайно «надсматривать» и «проведывать», выявлять казнокрадство и взяточничество, а также расследовать случаи, которые могли быть корыстными преступлениями. Позднее фискалы обязывались доносить о злоупотреблениях также и местным администраторам, обличать в суде обвиняемых ими людей. Если при этом фискалы имели какой-то личный интерес, то подлежали жестокому наказанию. Им было запрещено вступать в подряды. Назначаемые из незнатных семей, стимулирус-

мые за доносы половинной налагаемого на виновного штрафа и освобожденные от ответственности за недоказанный донос, а также, пользуясь личной поддержкой царя, фискалы были опасны чиновникам и крайне непопулярны в бюрократической среде[1].

Особенность деятельности фискалов было то, что она особо не конспирировалась, а материалы добытые, в том числе и перлюстрацией корреспонденции нередко становились доказательствами для суда. Следовательно, вопрос о легализации добытой оперативным путем информации особо не стоял. По всей видимости не составлялись и специальные меморандумы о политических настроениях поданных Российской империи. Перлюстрация преследовала пока только одну цель доказательство виновности должностного лица.

Более того, п. 7 Именного указа от 27 апреля 1722 года « О должности генерал-прокурора» предлагал, **открыто «фискалам в коллегиях и надворных судах доносить о всем своим прокурорам»** (выделено А.С.)[2].

В отличие от общей полиции, созданной в этот период времени, органы политического сыска были малочисленные и максимально приближены к царствующим особам, состояли из особо доверенных им лиц, порой совпадая с высшими коллегиальными органами государственной власти[3].

Постоянные преобразования, которые проводились Петром I касались всех звеньев государственного аппарата. Подверглись реорганизации и органы политического сыска. С ликвидацией Тайной канцелярии (1726 г.) и Преображенского приказа (1729 г.) расследование дел по государственным преступлениям было передано в ведение Сената и Верховного тайного Совета.

Большинство этих дел возбуждалось по существовавшей ранее системе доносов («слово и дело государево»). Через Тайную экспедицию и ее Московский филиал до 1775 года прошли такие политические процессы, как ростовского архиепископа А.Мацеевича, выступившего против секуляризации в 1763 году, дело офицера В.Я.Мировича, пытавшегося летом 1764 г. освободить заключенного в Шлиссельбургскую крепость императора Ивана Антоновича и другие процессы.

Основным материалом для расследования и возбуждения уголовного дела были устные и письменные доносы. Поэтому особое внимание в

---

[1] Сизиков М.И. «Государство и право России в период утверждения абсолютизма (конец XVII – первая четверть XVIII века)». М. 1994. С. 20.
[2] Российское законодательство X – XX веков. М. 1986. Юрид. лит-ра. Т. 4. С. 198.
[3] Сизиков М.И. «История государства и права России с конца XVII до начала XIX века». Учебное пособие. М. Инфра-М. 1998. С. 80.

деятельности спецслужб стало уделяться вскрытию и прочтению корреспонденции.

Однако на государственную основу это дело было поставлено лишь во второй половине XYIII века, а точнее в правление Екатерины II, когда перлюстрация корреспонденции стало делом не эпизодическим, а регулярным. Именно со времен Екатерины II в почтамтах стало проводиться ознакомление с письмами без ведома корреспондентов и адресатов (перлюстрация), что послужило дополнительным источником информации. Если полученные таким путем сведения заслуживали внимания, то начинался процесс, вызывались свидетели, проводились очные ставки и допросы. Причем, вопрос о формах легализации добытой таким путем информации особо и не стоял, поскольку государство, в тот период времени, и не гарантировало тайну переписки. Поэтому проблема имела больше нравственно-этическую форму, нежели юридическую.

Проникновение в личную жизнь поданных Российской империи, путем подсматривания, подслушивания, перлюстрации корреспонденции свидетельствует о том, что с установлением абсолютизма в России установился полицейский политический режим.

Особенностью перлюстрации, в этот период, было то, что она не носила еще тотального характера, а была выборочной и эпизодической. Государство интересовало не столько политические настроения граждан, сколько готовящиеся заговоры и покушения. Говорить о том, что анализ корреспонденции использовался для управления государством, в этот период мы не можем.

Период управления Екатерины II, получил название в исторической литературе как век просвещенного абсолютизма. Действительно, покровительство, со стороны императрицы, развитию образования, наукам и искусству значительно продвинули Россию по пути прогресса. Но, вместе с тем, развитие народного просвещения, увеличение печатной продукции и рост светской литературы усилили внимание правительства к регулированию издательской деятельности, к контролю за тем, что пишет и что читает поданный России. Появились и первые нормативные акты свидетельствующие о введении цензурных ограничений, число их постоянно росло. Вся ввозимая из-за рубежа литература подлежала цензурированию. В восьмидесятые годы XYII века уже было указано на недопустимость издания и распространения книг сомнительного содержания. Цензура возлагалась на Сенат и коллегии, а с 1790 года на Управы благочиния. В 1796 году цензурные подразделения из духовных и светских лиц были созданы в столицах, на таможнях Риги и Одессы. Вводилась и предварительная цензура[1].

---

[1] Сизяков М.И. «Государство и право России в период расцвета абсолютизма (1725-1800 г.г.)». М. (Юридический институт МВД РФ).1995. С. 41.

Создание министерской системы в России в 1802 году и образование первых восьми министерств, повлекло некоторые изменения в структуре и направлении их деятельности. В 1806 году на основе обобщения и анализа деятельности министерства внутренних дел В.П.Кочубей и М.М.Сперанский подготовили проект его реорганизации, который был утвержден Александром I. Некоторые функции по руководству государственным хозяйством были переданы в другие министерства и ведомства. Зато в состав МВД вошел Почтовый департамент, что максимально приближало политический контроль за настроением людей, путем перлюстрации корреспонденции. Теперь все замыкалось в одном ведомстве. С точки зрения сохранения государственной тайны, такое преобразование было очень целесообразным. Департамент делился на экспедиции. Были созданы и новые структурные отделения, так называемые столы, во главе столоначальниками.

В 1810 году появляется Манифест «О разделении государственных дел по министерствам, который предусматривает создание специального Министерства полиции. В задачи нового министерства помимо борьбы с преступностью должны были войти: проведение рекрутского набора в армию, охрана государственных запасов продовольствия, таможенный контроль, содержание и трудоиспользование осужденных, обеспечение исправности и безопасности путей сообщения. Министерство полиции должно было также осуществлять явный и тайный надзор за иностранцами в России (функции контрразведки), а также выполнять цензурные функции и перлюстрацию корреспонденции. О введении Положения о министерствах в России и создании Министерства полиции было объявлено в Манифесте от 25 июля 1811 года. Он назывался «Общее учреждение министерств»[1].

В Министерстве полиции для ведения секретного делопроизводства была образована Особенная канцелярия при министре. Она выдавала заграничные паспорта, регистрировала иностранцев, проводила постоянную цензурную ревизию, выполняла личные поручения министра.

Таким образом, и перлюстрация корреспонденции принимает все более всеобъемлющий характер.

Особенная канцелярия постоянно расширялась и к 1819 году состояла из трех подразделений, так называемых «столов» и секретной части. Первый «стол» занимался вопросами выезда заграницу и въезда в империю как российских, так и иностранных поданных. Второй «стол» собирал сведения о книжных лавках и типографиях, таким образом, осуществ-

---

[1] «Органы и войска МВД России (краткий исторический очерк)». Объединенная ред. МВД РФ. М. 1996. С. 15.

лял цензурные функции. Третий «стол» тайно наблюдал за религиозными сектами и раскольниками. Секретная часть Особенной канцелярии контролировала «размещение по городам высланных из столиц», организовывала слежку за политическими неблагонадежными лицами, тем самым выполняя функции службы наружного наблюдения.

Проект графа А.Х. Бенкендорфа «Об устройстве высшей полиции» отмечал, что «... вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и при этом самое лучшее, так оно действует постоянно и обнимает все пункты империи. Для этого нужно лишь иметь в некоторых городах почтмейстеров, известных своей честностью и усердием. Такими пунктами являются: Петербург, Москва, Киев, Вильно, Рига, Харьков, Одесса, Казань и Тобольск[1].

Особый комитет при правительстве разработал специальные инструкции для осуществления перлюстрации (31 августа 1826 г.). Указывались следующие условия: 1) чтобы вскрытие почтовых отправлений осуществлялось в величайшей тайне, 2) перлюстрация должна быть сосредоточена в одном управлении, т.е. в почтовом ведомстве[2].

Особое место теперь в перлюстрации корреспонденции уделялось тайне. В 1839 году III Отделение предписало Главному управлению почт учредить «бдительный надзор за пограничной перепиской в районе Одессы и Бессарабской области. С 16 марта там ввели вскрытие корреспонденции с целью, как писал А.Х. Бенкендорф, «благонадежнейшего очищения, в предотвращении внесения в пределы России чумной заразы». Круг лиц знающих о перлюстрации корреспонденции был весьма ограничен. О ней знали только три человека. Шеф жандармов, главноуправляющий почтовым ведомством и бессарабский генерал-губернатор. Осуществляли ее под непосредственным руководством III-го Отделения, назначенные с его ведома особо доверенные чиновники. Как сообщают мемуарные источники, техника вскрытия писем была достаточно примитивной. Конверт вскрывался обычным способом и единой методики еще не было разработано. Так, вятский вице-губернатор Д.И. Батурин позднее вспоминал, что в молодости он имел поручение тайно читать частные письма, но незаметно вскрывать конверт удавалось не всегда.

Поэтому чиновники додумались размачивать клей «той жидкостью, которые люди обычно выбрасывают». Письма, утверждает он, теряли свежий вид, но «дело» пошло быстрее, а «изобретателя» повысили в чине.

---

[1] Записка, поданная А.Х. Бенкендорфом в январе 1826 года Николаю I. «Русская старина». 1900. № 12. С. 615.

[2] Чукарев А.Г. «Перлюстрация как метод осведомления в III–м Отделении во второй четверти XIX века». Российский исторический журнал. 1998. № 3. С. 12.

Наиболее крупные перлюстрационные центры находились в Петербурге и Москве, где работало большее число секретных сотрудников при почтамтах, вскрывающих письма, делавших из них нужные III-му Отделению выписки.

Таким образом, речь идет уже не просто о политическом контроле, в форме цензуры за корреспонденцией, а о составлении политических меморандумов для правительства, с целью контроля в управлении государственными службами.

Перлюстрации во второй четверти XIX века подлежали письма многих лиц, прежде всего государственных преступников по делу «декабристов» от 14 декабря 1825 года, в том числе и персон близких ко двору, известных сановников, поэтов, писателей и т.д. Вскрывались даже письма поэта Жуковского В.А., воспитателя наследника престола, будущего Александра II. Возмущенный Жуковский писал в конце 1827 года своему приятелю А.И. Тургеневу: «Удивительное дело! – пишет он Тургеневу – Ты только 12 ноября получил первое письмо мое. Итак, ты не получил многих. Не понимаю, что делается с письмами. Их читают, это само по себе разумеется. Но те, которые их читают, должны бы по крайней мере исполнять с некоторою честностию плохое ремесло свое. Хотя бы они подумали, что если уже позволено им заглядывать в чужие тайны, то никак не позволено над ними ругаться и что письма, хотя читанные, доставлять должно. Вот следствие этого проклятого шпионства, которое ни к чему вести не может. Доверенность публичная нарушена; то, за что в Англии казнят, в остальной Европе делается правительствами....Часто оттого, что печать худо распечаталась, уничтожают важное письмо, от которого зависит судьба частного человека. И хотя была бы какая-нибудь выгода от такой неправственности, обращенной в правило! Что ж выиграли, разрушив святыню – веру и уважение к правительству? – Это бесит! Как же хотеть уважения к законам в частных людях, когда правительства все беззаконное себе позволяют? Я уверен, что самый верный хранитель общественного порядка есть не полиция, не шпионство, а нравственность правительства.... Шпионство есть язва народа, губящая право. А государю не честит и не льстит, но волнует его и наводит на думы. В Англии за открытие писем вешают»[1].

Постоянному вскрытию подвергались письма А.С. Пушкина. Неосторожное выражение в одном из них при Александре I стало поводом к высылке его из Одессы в село Михайловское. Вскрытие писем поэта продолжалось и при новом царе (после его всемилостивейшего «прощения» Николаем I). Читали даже частные письма, написанные к его жене.

---

[1] Афанасьев В. «В.А.Жуковский». Серия ЖЗЛ. 1987. С.С. 251-252.

Контролировалась переписка и других литераторов. Письма ссыльных декабристов перлюстрировались в г. Тобольске. В 1826 году петербургский почтмейстер К.Я. Булгаков представил управляющему почтовым ведомством А.Н. Голицину проект по созданию специального органа для просмотра писем в Сибири. На основе его предложений 18 декабря того же года царем было утверждено «Положение для учреждения при Сибирском почтамте секретной экспедиции». Первоначально она создавалась только для просмотра переписки ссыльных декабристов. Однако позднее деятельность экспедиции распространена была на всех политически неблагонадежных лиц. Штат ее сперва состоял из 4-х чиновников, старшим из них назначали «служившего по такой же экспедиции в Москве титулярного советника Бана. Жалованье этим чиновникам выплачивалось из секретных сумм по 1,5 тысячи рублей ассигнациями старшему и по 1 тысячи рублей трем остальным. Чтобы скрыть занятие членов тайной экспедиции и для поощрения их «трудов», они прикомандировывались к Сибирскому почтамту как обычные служащие с окладами соответственно 750, 600 и 500 рублей в год ассигнациями[1].

Помимо установленного в несколько раз большего по сравнению с сибирскими чиновниками жалованья, Бану при отправлении в Сибирь было решено выделить сверх прогонов на четыре лошади, две тысячи рублей на необходимые издержки. На расходы экспедиции по перлюстрации писем выделялось 2 875 рублей ежегодно. Финансирование производилось помимо «расписания годовых расходов Министерства финансов, а по особым на каждый год императорским рескриптом и направлялась секретным порядком к Сибирскому почт-директору». Для Бана Московским почт-директором было подготовлено особое наставление.

Тобольская секретная экспедиция вошла в число и завершила создание особой сети перлюстрации, включавшей кроме этой Санкт-Петербургскую, Московскую, Литовскую и Финляндскую экспедиции с выделением на эти цели 59 725 рублей ежегодно. В соответствии с указанием центральных властей эти учреждения взяли под надзор всех неблагонадежных лиц. В «черных кабинетах» с корреспонденции поднадзорных лиц снимались копии с «интересных» писем и направлялись в III-е отделение и в Почтовый департамент для принятия мер.

Т.е. уже в этот период функция политического контроля переходила в ведение органа политического сыска, каким являлось III-е отделение Собственной Канцелярии Его Императорского Величества.

После реорганизации почтового ведомства в 1830 году чиновники экспедиции были «замаскированы» под гласные должности – цензоров,

---

[1] Кодан С.В. «Управление политической ссылкой в Сибирь (1826-1856 г.г.)». Иркутск. 1980. С.С. 30-31.

переводчиков, и, «состоя открыто под теми наименованиями, будут секретно употреблены по точному своему назначению» (выделено А.С.).

В связи с уничтожением Сибирского почтамта «четверо чиновников, – как предписывалось Главноуправляющему над почтовым департаментом, – выйдут в штат гласных... чиновников губернской почтовой конторы в Тобольске».

Одновременно было указано, что «всем чиновникам, употребляемым по секретной части, производить жалованье из положенных по оной сумм, сверх того, какое по гласным своим должностям или местам будут иметь, открыто».

Секретная перлюстрация, еще более была законспирирована и существовала «под большим покровом секретности», а экспедиция являлась специальным местным подразделением центральных органов управления политической ссылкой для контроля за перепиской ссыльных революционеров[1].

Целью вскрытия корреспонденции являлось не просто накопление информации или политический контроль за жизнью общества, она рассматривалась гораздо шире, например, как профилактика совершения государственных преступлений, в связи с этим вопрос перлюстрации писем стоял в центре внимания правительства еще до учреждения III отделения собственной его императорского величества канцелярии (1826 г.).

Сведения о перлюстрации корреспонденции в этот период весьма скудны. Они в основном отразились в секретной переписке министра внутренних дел О.П. Козодавлева и московского почт-директора Д.П.Рунича. Переписка относится к периоду 1813-1817г.г.

Характерно то, что либеральный государь Александр I в проектах государственных реформ России не забыл о таком важном направлении политического сыска, как перлюстрация корреспонденции. Уже в 1805 году в секретном наставлении высшей полиции говорилось: «через сношения с дирекцией почт комитет должен получать немедленные и верные сведения о подозрительных переписках», а в параграфе третьем положение комитета от 13 января 1807 года («комитета общей безопасности») записано: «Для получения таковых сведений (о проживающих в столице и вновь приезжающих подозрительных людях, о разглашаемых слухах, сочинениях и известиях, вредные последствия иметь могущих, и о скопищах и собраниях подозрительных) комитет дает нужные предписания обер-полицмейстеру и, буде нужно, употребит к тому по своему усмотрению и

---

[1] Кодан С.В. «Управление политической ссылкой в Сибирь (1826-1856 г.г.)». Иркутск. 1980. С. 32.

другие лица. Министр внутренних дел сообщать будет оному известия, через губернатора из губерний получаемые и открываемые по дирекции почт о подозрительных переписках»[1].

К концу царствования императора Александра I правительственный шпионаж распространился достаточно широко, и перлюстрация занимала здесь важнейшее место. При нем перлюстрировалась корреспонденция августейших особ, родственников императора, что особо его не смущало.

В тайну вскрытия писем был посвящен очень узкий круг людей, поэтому ценность переписки О.П. Козодавлева с Д.П. Руничем является не просто редким историческим источником, по данному вопросу, но и свидетельствует об ее уникальности. Она охватывает период с 1813 по 1817 г.г.

Что собой представляли эти люди, допущенные к государственной тайне?

Козодавлев Осип Петрович являлся министром внутренних дел России, был членом Российской академии наук, занимался литературной деятельностью, участвовал в разработке ряда законопроектов, в частности Указа о вольных хлебопашцах 1803 г. и об освобождении остзейских крестьян, был деятелем народного просвещения, до назначения на пост министра работал в комиссии об учреждении училищ в России, считался либеральным и прогрессивным деятелем своего времени.

В отличие от О.П. Козодавлева Д.П. Рунич являл собою противоположность умеренному министру внутренних дел.

Являясь московским почт-директором, он уже тогда проявил себя крайним реакционером, о чем свидетельствует анализ его писем как служебных, так и личных. Но наиболее громкую славу Рунич заслужил на посту попечителя петербургского учебного округа, который он занимал с 1821 по 1826 г.г. Его преследования либеральных профессоров, полицейские приемы управления округом, попытки свести дело просвещения к религиозно-нравственным проповедям – все это создало Руничу известность среди современников непримиримого реакционера.

Не удовлетворяясь ролью перлюстратора, которую ему поручил его непосредственный начальник министр внутренних дел, он добровольно брал на себя обязанность осведомителя о слухах, разговорах и настроениях в Москве[2].

Такое инициативное шпионство особо поощрялось начальством, ибо время к которому относится переписка, требовало от правительства особой бдительности, поскольку этот период царствования Александра I вызывал резкое недовольство прогрессивной части русского общества.

---

[1] Исторический журнал «Красный архив». 1927. № 6 (25) М-Л. С.С. 201-202.

[2] Предтеченский А.В. «О перлюстрации писем в начале XIX века». Журнал «Красный архив». 1927. № 6 (25). М-Л. С. 202.

Поскольку эпистолярное наследие, указанных авторов, достаточно пространно и касается вопросов не только перлюстрации, мы позволим оставить в стороне то, что находится за пределами тайной деятельности, составлявшей государственную тайну.

1.Письмо Д.П. Рунича к О.П. Козодавлеву (сентябрь 1813 г.)

Милостивый государь Осип Петрович!... Занимаясь при перлюстрации лично чтением переписки вместе с секретным экспедитором и наблюдая всемерно, чтобы что-либо достойное внимания не было пропущено, по неимению чиновников, которым бы полную доверенность в столь важном деле дать было можно, я принужденным нахожусь и самою перепискою занимать экспедитора; а так как петербургские почты приходят ныне против назначенного времени позднее целыми сутками, привыкшая же к обыкновенному получению публика по целому дню ожидает оных на дворе почтамта, то перлюстрация в отвращение всякого подозрения производится с величайшей поспешностью, которая была главнейшей причиною ошибки, сделанной во время списывания письма секретным экспедитором, принявшим по печати герба А. и самое письмо писанным С.С.

2.Письмо О.П. Козодавлева к Д.П. Руничу.

М. г. мой Дмитрий Павлович! От всего сердца сожалею, что перлюстрация московских писем не удается и что вы мало в московской переписке находите интересного. Я хочу поговорить с вами о сем предмете не официально, но дружески. Выписки, доставляемые вами ко мне всякую почту, без сумнения интересны, я разумею переписку французскую гр. М., надв. сов. К. и г-жи Н., но их переписка перлюстрируется по моему предписанию и открыта при вашем предместнике. Неужели, кроме сей переписки, другой совсем и нет, которая заслуживала бы внимание? Неужели любезный мой Дмитрий Павлович не может по соображениям своим обратить внимание на чью-нибудь переписку?

Из всех доставленных вами выписок есть самая интереснейшая и полезнейшая из письма арзамасского лекаря. Сею выпиской отвратится зло и сделается добро. Что до политических рассуждений касается, то полезно ведать – как об них у нас, а не в чужих краях рассуждают. Я бы желал, чтобы вы обще с г-м Рушковским обратили на сие самое строжайшее и деятельнейшее внимание. Не подумайте, чтобы кому-либо могло произойти такое зло: нет, надобно токмо все знать, а, кроме добра, ничего из сего выйти не может. Тайна, и самая непроницаемая тайна, долженствует быть наблюдаема; все таковые выписки у государя предаются огню, а также и у меня, а потому и следов никаких не остается. Разве бы случилось, что нужно такую выписку оставить для справок, что однакож весьма и

весьма случается редко, то таковая огню не предается; отпусков никаких не оставляется. Все сие для соблюдения верной тайны и вам делать надлежит... верьте, что я навсегда с совершенным почтением пребываю вашим покорнейшим слугою.

Осип Козодавлев.

В С.-Петербурге 23 сентября 1813 г.

3.Письмо Д.П. Рунича к О.П. Козодавлеву.

1813 г. 29 сентября.

...Вникнув всесовершенно в дела и намерения вашего превосходительства при получении уже первого повеления на счет перлюстрации московской почты, я обратил все внимание мое на сей предмет и продолжая наблюдение за несколькими почтами к ряду и подвергая перлюстрации те письма, которые по надписям и печатям представлялись мне могущими заключать в себе переписку столь же любопытную, какова та, о коей в почтеннейшем письме вашем, м. г., упомянуто и которая при предместнике моем по предписанию вашего превосходительства открыта; но все сделанные опыты оказывались неудовлетворительными.

Проведя большую часть жизни в Москве, имея в ней по связям родства обширные знакомства, а по немалому кругу, в котором оные обращаться меня заставили, зная и лично, и через других близких мне свойства многих здешних и знатных и частных особ, конечно, удобнее другого мог бы я по соображениям моим обращать и наблюдение мое за московскою перепискою, а через то открыть, может быть, любопытную. Несмотря, однакож, на все сии удобности, при всех усилиях моих успеха в том не было, чему, как благодетелю моему, и осмелюсь представить здесь причины.

Главнейшая из них есть та, что насильственное нынешнее правление Москвою[a] весьма вероятно, многих сделало осторожными, особенно тех, которые по неведению предполагают, что почтовая часть в Москве в непосредственной от начальствующего оной состоит зависимости. Известные объявления в газетах и изданиях, подобные небылицам в лицах, всеконечно, каждого от всякого рассуждения в письмах удержать могут, и сему перлюстрация многие доставила доказательства; ибо из нескольких десятков перлюстрированных писем ни в одном не найдено ничего друго-

---

[a] После ухода Наполеона из Москвы и возвращения в нее русских власти обратили усиленное внимание на сношения с французами тех, кто оставался в Москве во время пребывания там наполеоновских войск. Начались дознания о лицах, заподозренных в сношениях с неприятелем. Полиция обнаружила большое рвение в поисках виновных, часто арестовывая лиц, совершенно не причастных, и поэтому москвичи должны были соблюдать крайнюю осторожность.

го, кроме семейных дел, или интересных предположений, или расчетов. Другая причина, столь же затрудняющая открытие какого-либо канала и на предыдущей имеющая основание, есть отправление многих писем под одним адресом, что положительно сказать можно делается для того, чтобы скрыть переписку от наблюдения по адресу. В почтамте получается немалое количество огромных пакетов на имена здешних чиновников и служителей от таможних, в которых замечаются не только иностранные, купеческие и частные письма, но даже и письма от знатных лиц, что, без сумнения, или по недоверчивости к почтовому месту, или с другим каким видом делается. В числе же сих писем находятся такие, которые еще в себе другие вмещают, так что для открытия такового письма нужно снимать несколько оберток и делать слепки со многих печатей, что по кратковременности чрезвычайное представляет затруднение, ибо набираемые здесь в почтовые дни в Петербург письма, прием коих начинается в 2 часа пополудни, в 9 часу уже по установлению должны быть отправлены. Получаемые же из Петербурга, по причине чрезвычайного опаздывания почт, не могут быть долго задерживаемы, как потому что по прибытии почт публика неотступно их требует, и мне для отвращения и тени подозрения само малейшее остается на перлюстрацию время. Так, например, с одной из последних почт не оказавшееся от известной иностранки Ноазель письмо с немалыми затрудиениями найдено уже в пакете экзекутора почтамта Фетисова в числе других в него вложенных. Почему великое было в сем деле облегчение, да и самое зло отвратилось бы, если бы вашему превосходительству благоугодно было приказать за коренное в почтовых местах правило, чтобы пересылка нескольких писем в одном пакете между чиновниками отнюдь не производилась... В управляемом мною почтамте есть некоторые лица, служащие, так сказать, проводным каналом для таковой переписки. На имена их адресуются преогромнейшие пакеты из всех почтовых мест, особенно же из Петербурга, как равно подобные и отсюда туда отправляются. Но сие делается так скрытно, что нет возможности получить во время приема сии пакеты, ибо отправляющие их умеют скрывать сие до самого почти запечатывания почт, почему всякое по сему предмету изыскание обнаружит только тайну перлюстрации и людям сим ясно покажет, что уловка их, по существу своему подозрительная и корыстная, а по последствиям могущая быть предосудительная для почт. деп., открыта. Я беру смелость представить здесь мнение сие, как такое, которое довольно продолжительным служением моим в почт. деп. мне удавалось проверять неоднократно.

Что касается до предварения вашего превосходительства, чтобы я не подумал, что через перлюстрации могло кому-либо произойти зло, то зная довольно и христианские и благороднейшие свойства и правила ваши, м. г., и тень подобного предположения мысли моей коснуться не может...

В заключение сего и обращаясь паки к перлюстрации, долгом почитаю присовокупить, что из всех известных мне в Москве лиц никто, кроме Кр., неудобен доставлять сведения, подлинно замечания достойные. По связям его со всеми знатными здешними домами и лицами, великому обращению в свете и, можно сказать, особой любезности, он имеет средства узнавать и мнения частные и общие слухи, что никто с ним в сем случае поравняться не может. Но несмотря на то, что я не оставлю усугубить всех усилий моих, чтобы открыть подобный сему канал чрез перлюстрацию, я особливо счастливым почту себя, если успех в том соответствовать будет и желаниям вашего превосходительства, и усердному во всех отношениях стремлению моему сделать вам, м. г., угодное и обращать через то на себя благоволение ваше.

4.Письмо Д.П. Рунича к О.П. Козодавлеву.

18 ноября 1813 г.

М. г. Осип Петрович! Почтеннейшее предписание вашего превосходительства от 11 числа я имел честь получить с прибывшею вчерашний день почтою и во исполнение оного не премину представлять выписки из тех только писем, которые будут заключать сведения, касающиеся до происшествий в Москве и России, или сведения, почему-либо заслуживающие внимания...

Продолжая более двух месяцев перлюстрацию московской и С.-петербургской почт, несмотря на все трудности, с тем соединенные, я не оставил ни одного средства, которое, по соображению моему, почитал могущим открыть внимания достойный канал, и сказать осмеливаюсь, что подобного наблюдения до вступления моего в управление почтамта не производилось, в чем и могу сослаться на единственного моего по сей части помощника г. Рушковского. Победы, одержанные под Лейпцигом[6] и по занятии сего города, казалось, оживили было переписку, и я долгом поставил представить упоминаемые в письме вашего превосходительства выписки не потому, что считал известия в них помещенные, новыми, но по уважению того, как оные были описаны и посчитал описания сии скрывающими расположение, с каким оные писаны. Приемля ныне за основа-

[6] После битвы под Лейпцигом (октябрь 1813 г.) можно было считать окончательно обеспеченной независимость Германии. В России многие находили, что после ухода из нее Наполеона нет никакого смысла продолжать войну за дело, русским совершенно чуждое – освобождение Германии, что дальнейшее продолжение войны грозит России большими бедствиями. Лейпцигская битва, стоившая русским около 22 000 выбывших из строя, должна была особенно содействовать оживлению разговоров на эту тему.

ние волеизъявленную мне на сей счет волю вашего превосходительства, исполнять буду оную во всей точности…

5.Письмо Д.П. Рунича к О.П. Козодавлеву.
(ноябрь 1813 г.)

М. г. Осип Петрович! Два собственноручные письма вашего превосходительства от 20 и 24 ноября я имел честь получить одно за другим. За первое и приложенное при нем, которое называть изволите полуофициальным и полусекретным, приношу глубочайшую благодарность. Оно не только облегчает мне придирку (?) к устранению известного беспорядка, открывающегося по перлюстрации, но развязывает мне совершенно руки и подает возможность прекратить такое относительно секретной части неудобство, которое скрывать может крайнее злоупотребление. Подношу у сего на помянутое полуофициальное предписание полуофициальное донесение мое, присовокупляя, что я решился немедля сделать по почтамту изъясненные в нем распоряжения, от которых ожидаю наилучшего успеха. Показывать приятельским образом письмо вашего превосходительства ко мне Лук…[в)] я не решился, опасаясь, чтобы он из того не сделал какого-либо замечания, ибо не один он пересылает в своих пакетах и получает многие десятки писем, а также и экспедиторы П.А. Трескин и Харламов и еще другие чиновники; а потому и счел, что общее по сей материи распоряжение коснется как его, так и других, и прекратит с давнего времени укоренившееся злоупотребление, от коего по многим отношениям происходят неисчислимые по службе беспорядки и затруднения. Я приложу всемерное старание к пресечению оных по управляемому мною почтамту, но беру смелость донести, что если злоупотребление сие равномерно и по петербургскому почтамту прекращено не будет, то я останусь в прежнем по секретной части стеснении, ибо некоторые чиновники петербургского почтамта всякую почту присылают на имена здешних, особенно трех вышеупомянутых, преогромные пакеты, в которых…подвергаемые перлюстрации письма находились. Если вашему превосходительству благоугодно будет распространить сделанное мною по московскому почтамту распоряжение и на петербургский, тогда отвечать можно будет, что и ропот публики, обращаемый на позднее и неисправное получение писем, прекратится и никакое уже письмо не укроется от надлежащего наблюдения, что ныне скорее случиться может. Я взял смелость со всею подробностью изъяснить в прилагаемом у сего донесении все беспорядки в пересылке писем, через почтовых чиновников происходящие. Все сие передаю главноначальственному усмотрению вашего превосходительства.

в) Очевидно, Лукьян Яковлевич Яковлев – экспедитор почтамта (Адрес-календарь на 1813 г. Стр. 289).

6.Письмо О.П. Козодавлева к Д.П. Руничу.

21 июня 1815 г.

...По причине нынешних обстоятельств, до политики относящихся наверное полагать можно, что политические разглагольствия в Москве весьма распространяются, и уездные политики пространное имеют поле распускать умные свои замечания и заключения. Посему прошу вас, любезный мой Дмитрий Павлович, обратить на сие внимание ваше и сверх обыкновенной перлюстрации сообщать мне почасту и московские вести и рассуждения уездной политики, в Москве все умы обуявшей...

7.Письмо О.П. Козодавлева к Д.П. Руничу.

4 января 1816 г.

...Прошу вас убедительнейше обратить самое живейшее внимание ваше на перлюстрацию. Приехавший сюда Б. верно будет писать, а также и другие. Напишите ко мне о иезуитах, что и как у вас о сем говорят, а также и о других разглагольствованиях так, чтобы я мог показать ваше письмо вместе с перлюстрированными. Мое правило есть все подобное доводить до сведения государя. Сверх того, что я ему предан и люблю от его от всего сердца, почитаю я для него нужным все знать, что говорят и как рассуждают. Напишите ко мне, что у вас говорят и делают, а я письмо ваше подлинником доставлю...

8.Письмо Д.П. Рунича к О.П. Козодавлеву.

(Январь 1816 г.)

...Нелепости московские подобны пожару, которого ни вода, ни все усилия остановить не могут. Что в опровержение их не доходит сюда, все то не прекращает их, а как будто подогревает. Умолкнут на минуту и потом с новой дерзостью распространяются. В последние дни прошедшей недели нелепости, разглашаемые по городу, по существу своему заслуживают, однако же, некоторого внимания. Например, сказывали мне, будто из Петербурга получены известия о строгостях по военной части и что во дворце на дверях найдены сделанные мелом надписи «1812 год», что гр. Аракчеев для того назначается президентом Гос. Совета и Комитета Министров, что государь не желает заниматься гражданскими делами, и что гг. министры гр. Аракчееву по всем делам докладывать будут; что министр юстиции не хочет сему подвергнуть себя и потому идет в отставку. К сим слухам можно бы присовокупить и другие, менее значущие, но все они почти к тому клонятся, чтобы обратить неудовольствие и недоверчивость к тому, что в правительстве происходит, а чтобы придать вероподобие в сем случае, то всегда возобновляют прежний припев, что Д.П. Трощинский[г], который и не останется в службе, на новые введения не согла-

[г] Министр юстиции с 1814 по 1817 г.

сится. Как будто он из всех государственных людей – мудрейший и один в состоянии управлять всею империей, разумеется, старообрядчески, ибо его почитают непримиримым врагом всего нового. Все сии разглашения, хотя в самом деле и ничтожны, но распространение их порождает суждения; последние бывают иногда так дерзки, что, конечно, заслуживают быть остановлены. К несчастью Александра Петровича Тормосова[д] при всех добрых качествах своих не довольно имеет силы побуждать строптивых властью своею, а полиция вообще так слаба, что обратила на себя по всем отношениям негодование. Всяко желая прослыть добрым, о том только и думает, как бы снисхождением нажить доброжелателей, а буйные головы, пользуясь тем, забывают всякие пристойности и переходят границы. Здесь, в Москве, в обществах никогда, кажется, не существовало такой ненависти к лицам, в правительстве первые места занимающим, и сие расположение никто не скрывает, видя, что оно не останавливается, ибо нет лица, на счет которого не говорили бы даже публично самых оскорбительных речей. Сия дерзость поставила меня вчерашний вечер в самое неприятное положение в доме тестя моего. Тут нашелся некто Ф.М. Полторацкий, который, ругая все, что только можно, русское, сказал, наконец, что у нас и людей нет, кому бы что поручить можно было, и что вообще Россия в таком варварстве, что это приводит в жалость и что мы должны признавать пред целым миром, что мы всем просвещением, которое имеем, обязаны французам. Таковое, самыми наглыми и дерзкими речами на счет русских и государственных лиц подкрепляемое суждение заставило меня забыть всю благопристойность, тем более, что оно объявлено было вслед почти по прочтении, можно сказать, боговдохновенного манифеста, в первый день года последовавшего, и который у многих извлек слезы благодарности к господу и чувства удивления к государю, и в котором именно употреблено выражение на счет Парижа что он есть гнездо разврата. Я признаюсь, что сказал посему сему офранцуженному малороссиянину такие вещи, которые и генерал-бас, родитель его, пропеть не умел бы и которые подкреплены были всеми при том. Дерзость открывает всегда повод к таким суждениям, а дух Христов, толь обильно излиянный спасителем на помазанника своего и через него изливаемый на подвластных ему подданных, сильно остервеняет дух сатаны, который так укоренился в сердцах космополитов и санкюлотов, философия XVIII в. и для нравов тлетворный Париж (sic!). Горестно сказать, что немногие радуются о царе своем и о благоденствии, которое правление его обещает, читая последние две пьесы: Акт союзный[е] и манифест 1816 г. Большая часть не только его находит ничтожным, на проповедь похожим, но даже смешным, и только что с со-

---

[д] Московский главнокомандующий.

[е] Акт Священного Союза, заключенного осенью 1815 г. и обнародованного в России только 25 декабря этого же года.

хранением некоторой благопристойности то объявляют. Вот, почтеннейший благодетель мой, каким духом лучшее общество наше напитано.

Сегодня К. был у меня и спрашивал, правда ли, что тариф все разрешающий подписан, что сие весь город утверждает. Я показал ему одно число последнего собственноручного письма вашего и сказал, что в сем письме нет о том ни слова, и он заключил, что сие все… вздор из большой книги московского вранья. Другой посетитель из сиятельных и украшенных уверял меня, что министерство внутренних дел отошло к министерству полиции и что г. Калинин сделан главным директором почт. Слухи о возвышении и восхождении министра юстиции не вообще, однако же, равную во всех радость производят, ибо здесь стали уже известны некоторые пристрастные его действия, особенно же по делу кн. Белосельской с купцом Старковым…

Вот, почтеннейший благодетель, что ум мой осужден ежедневно слышать, а сердце, слыша скорбеть. Не могу того скрыть от вас, как по беспредельной моей к вам любви, так и по чувствам верноподданных… государя нашего, к которому преданность ваша сердечная равно мне известна. Остается всеми, принадлежащими к … молить и просить господа сил и всякие мудрости, чтобы он отца отечества нашего укрепил и осилил ими и дал ему совершить великое дело восстановления государства, которое, быв в продолжение нескольких лет терзаемо внешними врагами, изнуряется не менее того внутренними, у которых отечество – чрево, а побуждения – всякого рода и нравственные и физические сладострастия.

Анализ приведенных выше писем, показывает, что перлюстрация корреспонденции в начале XIX века принимает всеобъемлющий характер и является важным элементом политического сыска в России. Об этом свидетельствует последнее, 8-е письмо Д.П. Рунича к О.П. Козодавлеву, которое, по сути дела представляет собой политический меморандум об умонастроениях в Москве и С.-Петербурге в 1815 начале 1816 года.

Обращает внимание на себя и тот факт, что почтовое ведомство было подчинено министерству внутренних дел, выполнявшему контрразведывательные функции.

Еще 5 сентября 1805 года предполагалось на время отъезда Александра I в действующую армию создать принципиально новый орган «высшей полиции» – межведомственный комитет, который в делопроизводстве называли либо «Комитетом по делам высшей полиции», либо по дате создания «Комитетом 5 сентября 1805 года». В его состав должны были войти министры военно-сухопутных сил, юстиции и внутренних дел.

Основная цель «Комитета от 5 сентября 1805 г.» сбор информации в отношении умонастроения людей «для принятия разумных мер к восстановлению безопасности». Казалось бы, ничего особенного в этом нет, но вот способ получения этой информации, мягко говоря, был противозаконным. Законолюбивый император фактически санкционировал перлюстрацию.

Рассказывают, что пункт «3» законопроекта «Наставление Комитету высшей полиции 1805 г.» император в задумчивости особо подчеркнул карандашом, а в нем, кстати говорилось: «Через сношение с Дирекцией Почт Комитет должен получить немедленные и верные сведения о подозрительных переписках».

Естественно, эта деятельность должна была совершаться в тайне, чтобы не возбудить подозрение у подданных в нарушение тайны переписки, которую уже в то время декларировало правительство, впрочем, так никогда официально и не признававшего перлюстрацию корреспонденции. В записке одного из авторов законопроекта Новосильцева говорилось: «Само собой разумеется, что существование сего Комитета, равно и советование его по вышеуказанным предметам и сношения с полицией и Дирекцией почт, должны сохраняемы быть в совершенной тайне...»[24].

Таким образом, по своему замыслу «Комитет высшей полиции», как считает исследователь Измозик В.С., был не столько органом политического розыска, сколько органом политического контроля: он должен был не столько карать, сколько бдительно следить за настроением общества, как в столице, так и во всей империи и благотворно влиять на него. И в связи с этим немаловажная роль отводилась здесь тайному вскрытию и прочтению писем[25].

Деятельность по перлюстрации корреспонденции в России продолжалась и в последующие годы, более того, если, так можно выразиться аппарат перлюстрации все более совершенствовался и укреплялся организационно и финансово. Правительство по-прежнему желало знать, о чем действительно думают его подданные. Поэтому главной задачей становится глубочайшее засекречивание этого мероприятия. И здесь, естественно возникал вопрос о правовых основаниях перлюстрации.

Например, личный друг Александра I князь А.Н. Голицын получив должность Главноуправляющего Почтовым департаментом, просил литовского почт-директора сообщить ему «с какого времени, по каким предписаниям и на каком основании и правилах» перлюстрация производится в подведомственных тому учреждениях. Подобное же донесение составил для князя санкт-петербургский почт-директор[26].

Однако, нам не удалось найти специальных секретных инструкций регулирующих техническую и правовую сторону перлюстрации, относящихся к началу XIX века. Исключение составляет лишь вышеупомянутый

---

[24] «Жандармы в России (Политический розыск в России XV-XX в.в.)». СПб. 2002. С. 213.
[25] Там же. С. 212.
[26] Измозик В.С. «Черные кабинеты в России (XVIII-начало XX в.в.)». В кн. «Жандармы в России (Политический розыск в России XV-XX в.в.)». СПб. 2002. С. 341.

документ от 5 сентября 1805 года о высшей полиции. Можно говорить лишь об общих рассуждениях на эту тему отложившихся в мемуарных, эпистолярных и иных литературных источниках.

Так, в июле 1809 г. Александр I своим указом министру внутренних дел князю А.Б. Куракину предписал восстановить перлюстрацию в Минской губернской почтовой конторе, «обратив меру сию особенно на тех жителей губернии, кои наиболее привлекают на себя примечание Правительства». В сентябре 1810 года, по Указу Александра I была учреждена секретная почтовая экспедиция в Яссах. Имеются сведения, что и сам государь занимался перлюстрацией и лишь на время своего отсутствия в столице он дал указание новому министру внутренних дел О.П. Козодавлеву в марте 1812 года передавать копии перлюстрированных писем председателю Комитета министров.

Первые нормы, регулирующие перлюстрацию, как считают историки права, были изложены в циркуляре министра внутренних дел от 5 января 1883 года, то есть уже во второй половине XIX века. Устанавливался порядок извлечения информации из переписки лиц, состоящим под гласным надзором полиции. Циркуляр существенно расширял права административных властей, закрепленные Положением о гласном надзоре от 12 марта 1882 г.[27]

Он требовал, чтобы ни одно письмо или телеграмма, как отправленные поднадзорными, так и адресованные им не миновали перлюстрации. Аналогичный порядок устанавливался и для контроля лиц, привлеченных к дознаниям по политическим делам. В 1884, 1885 и 1897 г.г. по мнению исследователя Л.И. Тютюнника, были изданы циркуляры, содержавшие нормы организации технической стороны перлюстрации: о необходимости экспертизы корреспонденции поднадзорных и на предмет выявления «химического текста», выяснения содержания переписки и установления адресатов[28].

1.2. Перлюстрация корреспонденции – одно из направлений работы III-го Отделения собственной канцелярии его императорского величества в первой половине XIX века

Нарастающее революционное движение, раскрытие заговоров все более и более усиливало подозрения Николая I к собственному государственному аппарату и привело к тому, что государь посчитал возможным сосредоточить все нити государственного управления у себя в руках. Была

---

[27] ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Изд. III. Т. 2. № 730.

[28] Тютюнник Л.И. «Департамент полиции в борьбе с революционным движением на рубеже XIX-XX в.в.». Дисс. канд. ист. наук. М. 1986. С. 106.

создана собственная канцелярия его императорского величества, имевшая шесть отделений. Наиболее важным из них было III–е Отделение, ставшее известным вскоре как орган политической полиции России. Ее исполнительной структурой стала жандармерия.

И теперь все чиновники Особенной канцелярии министра внутренних дел во главе с ее начальником были переведены в состав III-го Отделения С.К.Е.И.В. Следовательно из компетенции МВД были изъяты функции политической полиции и эта работа была сосредоточена в III-ем Отделении. Руководителем III-его Отделения был назначен граф Александр Христофорович Бенкендорф, ставший одновременно и шефом жандармов.

Было сформировано два ведомства общей и политической полиции. Более полувековое совместное существование этих двух органов приводило к постоянным трениям между ними.

Именно в III-ем Отделении и была сосредоточена такая важная часть работы секретного аппарата, как перлюстрация корреспонденции. Она осуществлялась, как в столицах, так и в крупных городах. Граф Бенкендорф очень высоко оценивал это направление работы органов тайной полиции. Давая оценку перлюстрации в деле политического сыска, он писал: «Вскрытие корреспонденции одно из средств тайной полиции и при этом самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи. Для этого нужно лишь иметь в некоторых городах почтмейстеров известных своей честностью и усердием. Такими пунктами являются Петербург, Москва, Киев, Вильно, Рига, Харьков, Одесса, Казань и Тобольск»[29].

Любопытным является вопрос, а где же правовая основа перлюстрационной деятельности, пускай даже в форме секретной инструкции? Поскольку вскрытие частной корреспонденции являлось составом уголовного преступления.

В частности, статья 1104 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1912 г.) гласила: «Почтовый чиновник или служитель, распечатавший, хотя бы из одного только любопытства, отданное для отправления с почтою или полученное на почте письмо, адресованное на имя другого лица, подвергается за сие – удалению от должности; Буде же сие учинено им для сообщения содержания письма кому-либо другому, то он приговаривается – к заключению в тюрьме на время от 4-х до 8-ми месяцев».

Статья 1102 определяла: «Если почтовый чиновник или почталион, или иной служитель почты не по неосторожности, а из-за каких либо видов, согласится с кем- либо передавать ему письма, адресованное на имя

---

[29] Журнал «Русская старина». 1900. Октябрь-декабрь. С. 615.

другого, без дозволения сего последнего, то он за сие подвергается лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и ссылке в одну из отдаленных губерний, кроме сибирских, или заключению в тюрьме...»[30].

Само собою, разумеется, что вскрытие почтовой корреспонденции являлось грубейшим нарушением международных конвенций и прежде всего правил Всемирного почтового союза, членом которого являлась и Россия. Уголовное законодательство любой страны сурово карало почтовых служащих, вплоть до уголовного наказания за незаконную перлюстрацию корреспонденции.

И все - таки, вернемся к вопросу о «правовой» стороне вскрытие корреспонденции. Ведь едва ли, даже самые высшие сановники государства могли производить указанные действия лишь по собственной инициативе.

Статья 53 Основных законов Российской империи, изданий 1832 по 1892 г.г. объявляла: «Законы издаются в виде уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного Совета и **докладов, удостоенных Высочайшего утверждения**» – (выделено – А.С.).

Вот она лазейка для издания совершенно секретных инструкций! В том числе и определивших правовую и техническую сторону перлюстрации[31].

Известный русский правовед Н.И. Лазаревский отмечал, что при этом было совершенно «...безразлично, в какой форме было дано Высочайшее утверждение, в форме ли подписи, в форме собственноручной надписи, **или даже устно**; (выделено – А.С.) в последнем случае требовалось лишь то, чтобы это устное Высочайшее утверждение было удостоверено одним из тех лиц, которые по закону признавались заслуживающими доверия»[32].

Позднее, в конце XIX столетия, появляются и секретные инструкции, регулирующие перлюстрацию почтово-телеграфной корреспонденции. В совершенно секретной инструкции «О перлюстрации» от 5 января 1895 года отмечается «Главная цель перлюстрационной деятельности – извлечение из частной корреспонденции таких сведений о государственных событиях, таких заявлений общественного мнения, относительно хода дел в Империи и такой оценки действий правительственных лиц, какие

---

[30] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. 1912. С. 701.
[31] Жаров С.Н. «Обеспечение законности оперативно – розыскных мероприятий». Журнал «Правоведение». 2001. № 5. С. 199.
[32] Лазаревский Н.И. «Лекции по русскому государственному праву». Т. 1; «Конституционное право». СПб. 1910. С. 35.

официальным путем почти никогда не могли быть высказываемы».... «Производство перлюстрации, не допускающее никаких, в чью бы то ни было пользу, изъятий, при составлении извлечений из писем и поэтому представляющее важную государственную тайну (выделено – А.С.), поручается весьма ограниченному числу чиновников, в коих положительно дознаны: безграничная преданность Особе Государя Императора и Отечеству, полное беспристрастие, постоянная готовность к труду, нравственность, скромность и умственное развитие, словом, качества, дающие им право на неограниченное доверие»[33].

Нестабильная политическая обстановка и возрастающее революционное движение потребовали к имеющимся до 1881 года семи перлюстрационным пунктам (в С-Петербурге, Москве, Варшаве, Вильне, Одессе, Киеве и Харькове) открыть еще три пункта в городах Тифлисе, Казани и Нижнем Новгороде.

Деятельность почтовых чиновников, занимающихся перлюстрацией, помимо глубокой секретности и щедро оплачивалось из суммы Департамента полиции. Негласное жалование было порою выше основной ставки почтового работника.

Перлюстрация корреспонденции это лишь одно из направлений в деятельности органов политического сыска. Ее необходимо рассматривать не изолированно от других направлений деятельности российской контрразведки, а в совокупности с ними. И для этого необходимо обратиться непосредственно к структуре самого аппарата отвечающего за политический сыск в первой половине XIX века.

При образовании III-го Отделения (1826 г.) в него вошли три составные элемента: Особенная канцелярия Министерства внутренних дел, возглавлявшаяся фон – Фоком, находившаяся в ведении того же Фока тайная агентура и жандармерия. Последняя была тоже сложным образованием.

Отдельный корпус жандармов – сложился из двух элементов: из жандармского полка, несшего военно-полицейскую службу при войсках, из жандармских частей корпуса внутренней стражи. Жандармы при войсках в первые появились 10 июня 1815 года, когда главнокомандующий Барклай-де-Толли предписал избрать в каждом кавалерийском полку по одному благонадежному офицеру и по пять рядовых, на коих возложить наблюдение за порядком на марше, на бивуаках и кантонир-квартирах, ... поимку мародеров и т.п. Чины эти наименованные жандармами были отданы в распоряжение корпусных командиров.

---

[33] «Жандармы в России. Политический розыск в России XV-XX в.в.». М. 2002. С.С. 582-583.

Само по себе III Отделение являлось учреждением с сравнительно небольшим аппаратом. Первоначально личный состав был определен в 16 человек, которые должны были обслуживать четыре отделения (экспедиции).

Функции между этими экспедициями распределялись следующим образом: I-я экспедиция занималась политическими делами – «предметами высшей полиции и сведениями о лицах, состоящих под полицейским надзором»; II-я экспедиция – раскольниками, сектантами, фальшивомонетчиками, уголовными убийствами, местами заключения и ... крестьянским вопросом; III-я экспедиция занималась специально иностранцами, проживающими в России, тем самым выполняла функции контрразведки; IV-я вела переписку о «всех вообще происшествиях», ведала личным составом и пожалованиями. Работа III Отделения усложнялась. В 1828 году кругу его деятельности была причислена и театральная цензура, а в 1842 году появилась и V-я экспедиция. К 1860 году штат сотрудников уже насчитывал сорок человек. Однако функции между экспедициями не были строго разграничены в законе.

На местах политической полиции ведали местные жандармские управления. Вся страна была разделена на пять, а потом на восемь округов, во главе которых стояли жандармские офицеры. Округа в свою очередь распадались на отделения. Одно отделение на две-три губернии; начальниками назначались жандармские штаб-офицеры.

Начинают широко использоваться данные «наружного наблюдения», «толки и слухи» и «перлюстрация писем». Деятельность секретных сотрудников еще не приносила желаемого результата. До 90% сообщений секретных сотрудников оказывались ложными; чаще всего доносы эти появлялись в результате сведения мелких личных счетов. Хотя процесс накопления информации начался.

Не приносило значительных материалов и перлюстрация корреспонденции. Подавляющая масса писем носила бытовой характер, и казалось бы, не представляла интереса для контрразведки. Однако и здесь процесс накопления информации «пошел».

Нарастание революционного движения в стране, недовольство крестьян, брожение в армии – поставили во главу угла все-таки работу агента, секретного сотрудника, внедряемого в революционную организацию. Однако агентурная записка являлась не единственным источником информации. Другим столь же важным, была перлюстрация писем, которая велась в широчайших размерах.

«Некоторые письма конфисковывались, другие фотографировались, с третьих снималась копия, с четвертых переводилась на кальку не разобранная подпись, а то и целая строка. Это была сложнейшая работа ...

приходилось устанавливать не только адресата и адресанта, но и каждое лицо, упомянутое в письме, иногда только уменьшительным именем, одной буквой или описательным выражением. Были тома устанавливаемых адресов, толстые тетради догадок об имени, целая система регистров переписки, с обозначением куда, кому, кто упомянут в письме и т.д. Это была по истине Сизифова работ! Прибавьте, что каждое письмо, сочтенное важным, поступало в разработку за нумером, для каждого заводилось дело, о каждом имени выписывались карточки в регистре агентурного отдела и даже в общий регистр архива» – вот о каких трудностях говорит один из бывших перлюстраторов в дореволюционной России[34].

Постепенно целью вскрытия корреспонденции уже являлось не просто накопление информации или политический контроль за жизнью общества, она рассматривалась гораздо шире, например, как профилактика совершения государственных преступлений.

В 1826 году почтой было перехвачено письмо государственного преступника декабриста Шафирова, сосланного в Сибирь «раскрутка» которого вывела на целую подпольную военную организацию, готовившую заговор. По каждому перехваченному письму проводилось расследование. Характерным являлось то, что правительство особо не заботилось о конспирации акта перлюстрации и сохранности источника информации. Не нужно было продумывать хитроумные операции о легализации информации. Государь или граф А.Х. Бенкендорф прямо заявляли при личной беседе фигуранту о том, что они располагают информацией, из которой ясно становилось, что она получена путем перлюстрации.

Особенно надзор за корреспонденцией усиливался в военное время, а также во время революционных процессов в Западной Европе и во время польского восстания 1830-1831 г.г. Правительство пыталось выяснить отношение русского общества к революционным волнениям. Принимались меры к пресечению распространения информации о революциях на Западе.

Чтобы прервать нежелательные контакты с заграницей, 15 декабря 1832 года Николай I распорядился все письма, приходившие из Парижа, обязательно просматривать. Те из них, при которых окажутся восхвалением революций или «возмутительные от польского Комитета к российскому народу прокламации, были доставляемы к Бенкендорфу». О повелении императора главноуправляющий почтовым ведомством довел до сведения руководителей почт на местах[35].

---

[34] Осоргин М.А. «Охранные отделения и его секреты». М. 1917. С. 5.

[35] Чукарев А.Г. «Перлюстрация как метод осведомления в III-м Отделении во второй четверти XIX века». Российский исторический журнал. 1998. № 3. С. 16.

Руководство политической полиции считало, что использование материалов перлюстрации может быть успешным при соблюдении двух основных условий: во-первых, перлюстрация должна осуществляться в «величайшей тайне» чтобы сохранять «в публике доверие к почте» и «не лишать правительство возможности посредством перлюстрации узнавать какие-либо замыслы политические»; во-вторых, «она должна быть сосредоточена в одном управлении» - в почтовом ведомстве, которому отводилась роль «ближайшего и беспристрастнейшего хранителя тайн корреспонденций»[36]. В его функции входили техническое осуществление перлюстрации частной корреспонденции и представление перлюстрационных выписок лично императору, который затем передавал их руководству III Отделения. В то же время, как высший орган политического сыска, III Отделение само перлюстрировало корреспонденцию «государственных преступников», и в частности декабристов и членов их семей, также брало под свой контроль надзор за всей корреспонденцией «политически неблагонадежных» лиц.

Одновременно III Отделение стремилось придать нужное ему направление перлюстрационной деятельности почтового ведомства. Вмешательство политической полиции чаще всего выражалось в конкретиых указаниях почт.

В целях «предупреждения» в империи «замыслов политических» почтовое ведомство регулярно информировало III Отделение о малейших проявлениях «неуважения» к существующему образу правления и политике правительства, а политическая полиция принимала «соответствующие меры». Так за одну только фразу в письме «предосудительного суждения» в отношении июльской революции 1830 г. во Франции чиновник М.Кирьяков был вынужден подать в отставку, и был взят под строгое наблюдение полиции. При почтамтах Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Вильно, Тифлиса, Тобольска, Томска, Иркутска и других городов существовали особые секретные экспедиции, чиновники которых занимались перлюстрацией.

В годы польского восстания 1830 года, перед правительством встала серьезная проблема доставлять ли письма от бежавших польских повстанцев адресатам или нет? Вначале эта корреспонденция изымалась. Ио, по мнению III Отделения, «от этого всякий раз рождаются сомнения на лиц к коим они адресованы». При этом отмечалось, что «сомнения часто может быть не основательно». Опыт показывая, что многие письма отправлялись на имя лиц благонадежность которых была вне подозрений. Поэтому вна-

[36] Оржеховский И.В. «Самодержавие против революционной России (1826-1880 г.г.)». М. Мысль. 1982. С.С. 72-73.

сти пришли к выводу, что письма приходящие из-за границы, надо не удерживать, а после перлюстрации вручать адресатам. Николай I одобрил рекомендацию графа Бенкендорфа о вручение таких писем получателям[37].

Революционное движение, охватившее Европу в 1848–1849 г.г. сказалось на усилении работы перлюстрационных служб России. Дополнительные меры были приняты для усиления контроля за корреспонденцией в центральных губерниях России, особенно в Московской, Петербургской и примыкавших к ним.

В этот период вскрытию подвергались письма и многих известных людей России, общественных деятелей. Об этом сообщает сын известного историка Карамзина – А.Н.Карамзин, писатель И.С.Аксаков.

Особое внимание, в рассматриваемый период, перлюстрационные службы уделяли столице – Петербургу. По данным И.В.Оржеховского, только на столичном почтамте в 1848-1849 г.г., было вскрыто и прочитано свыше 42 тысяч писем и дипломатических депеш, а секретные расходы на перлюстрацию возросли с 60 до 80 тысяч рублей серебром в год[38].

Перлюстрация корреспонденции это лишь одно из направлений работы политической полиции России. Возможно и не самая главная. Но, тем не менее, полученная таким образом информация о жизни общества, безусловно, учитывалась правительством и использовалась в управлении страной.

Как справедливо отмечал известный российский исследователь профессор Ерошкин Н.П.: «… большинство сведений Департамент полиции получал от охранных отделений, жандармских управлений, заведующих заграничного сыска и от так называемых «черных кабинетов»…»[39].

Любопытна сама технология перлюстрационного процесса. В исторической литературе есть упоминание о том, что примерно с 80-х годов XIX века в плоть до падения самодержавия в России при смене каждого министра внутренних дел в здании министерства появлялся старичок в потертом мундире. Он записывался на приём к новому министру и оказавшись в его кабинете молча протягивал министру конверт. Распечатав его, министр обнаруживал указ Александра II, дававший право старшему цензору М.Г. Мардарьеву руководить делом перлюстрации писем на Петербургском почтамте. Почтительно попросив вновь запечатать конверт, Мардарьев удалялся. Больше его никто не видел в министерстве до следующей смены министра.

---

[37] Чукарев А.Г. «Перлюстрация как метод осведомления в III-м Отделении во второй четверти XIX века». Российский исторический журнал. 1998. № 3. С. 17.
[38] Оржеховский И.В. «Самодержавие против революционной России». М. 1982. С. 73.
[39] Ерошкин Н.П. «Россия под надзором». Журнал «Преподавание истории в школе». Январь-февраль 1966. № 1. С. 91.

О существовании «черных кабинетов» при почтамтах крупных городов России знали буквально считанные лица даже в органах политического сыска и их деятельность была окутана глубочайшей тайной (выделено – А.С.)

Они не значились ни в каких законах Российской империи. Вход в «черный кабинет» был замаскирован, и обслуживающие его чиновники проходили в своё учреждение ... через шкаф[40]! По воспоминаниям бывшего цензора С. Майского дверь в цензуру была всегда заперта американским замком, и всем, приходившим туда как на службу, так и по делу, надо было звонить. Дежуривший в передней старичок-сторож «своих» впускал в канцелярию, а посторонних просил посидеть в приёмной, куда к ним выходил для переговоров начальник цензуры или кто-либо из чиновников. «Канцелярией» назывался ряд комнат, куда подавались из газетной экспедиции почтамта все без исключения иностранные бандерольные отправления (прейскуранты, печатные листки, газеты, журналы и пр.) для просмотра. Бандероли, не содержавшие в себе повременных изданий, просматривались очень поверхностно и тот час же отправлялись вниз, в экспедицию, для сортировки и доставки адресатам, а газеты и журналы задерживались в цензуре и поступали в цензировку.

Цензорами иностранных газет и журналов состояли люди весьма почтенные, все с высшим образованием и служившие кроме цензуры, где они были заняты только по утрам и в дежурные дни по вечерам, ещё и в других учреждениях: в министерстве иностранных дел, университете, или учителями средних учебных заведений.

Эти цензоры в общей сложности владели всеми европейскими и азиатскими языками и среди них были даже выдающиеся лингвисты-полиглоты, свободно говорившие на 15-20 а один даже на 26 языках.

За помещением «канцелярии», называемым иначе «гласным» отделением цензуры, был кабинет старшего цензора Михаила Георгиевича Мардарьева, который подобно церберу, караулил вход в «негласную» или «секретную половину» т.е. в «чёрный кабинет». Официальное название этого учреждения было – «секретная экспедиция»[41].

Вход в «чёрный кабинет» был замаскирован большим жёлтым шкафом, казённого типа, являвшемся входом в «секретную экспедицию». Хотя возможно это лишь просто легенда, поскольку протокол осмотра Петроградского почтамта в мае 1917 года засвидетельствовал, что иностранная цензура имела два изолированного друг от друга помещения, в одно из которых посторонние не допускались. Шкаф в кабинете старшего цензора

[40] Там же. С. 96.
[41] Майский С. «Черный кабинет» из воспоминаний бывшего цензора». Изд-во «Былое». Петроград. 1922. С. 4.

вполне прозаично использовался по прямому назначению и не прикрывал никаких секретных ходов. На Петроградском почтамте не было ни лифтов, ни подъемников, связывавших перлюстрационный пункт с подвальными помещениями. Иа Московском почтамте имелось примитивное устройство из блоков и верёвок. Только в Киеве корреспонденция при помощи элеватора подавалась на стол перлюстраторов.

Иным было устройство перлюстрационного пункта в Тифлисе. Пункт находился в квартире В.К. Карпинского, командированного якобы от Министерства народного просвещения для усовершенствования в восточных языках. Он жил под чужим именем по фальшивому паспорту, выданному Департаментом полиции. На случай недоразумений с местной полицией Карпинский носил при себе удостоверение, в котором говорилось, что он является чиновником особых поручений при товарище министра внутренних дел и обыск в его квартире может быть произведён только с разрешения Департамента полиции[42].

Особая секретность перлюстрационной деятельности обуславливалась тем, что она была ни просто противозаконной, но и преступной. Устав уголовного судопроизводства (статья 368 и статья 1035) допускал выемку корреспонденции лиц, против которых возбуждено было уголовное преследование, но только с разрешения окружного суда. Жандармы должны были получить разрешение Министерства юстиции. Во всех других случаях Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, 1885 года грозило нарушителю ссылкой или тюремным заключением.

Ограниченный штат чиновников (в Петербурге – 12, в Москве – 7, в других городах от 2 до 5 человек успевали ежедневно ознакомиться с огромным числом писем. Например, в Петербурге 2 – 3 тысячи писем), как важных политических и общественных деятелей, так и крупнейших чиновников. Интересно то, что вступив на пост министра внутренних дел в 1902 году Плеве, обнаружил в столе своего предшественника бывшего министра Сипягина выписки из собственных дел его, Плеве и писем жены, добытые путем перлюстрации. Перлюстрации подлежали вообще подозрительные корреспонденты и адресаты. Особенно тщательно проверялись письма поступающие из-за границы или направленные из России за рубеж. Они прочитывались, из них делались выписки, наиболее интересные письма фотографировались.

Выписки из перлюстрированных писем поступали в Департамент полиции. **Ежегодно Департамент полиции составлял сводный отчет о перлюстрации за год (выделено – А.С.)**[43].

---

[42] Рууд Ч., Степанов С. «Фонтанка – 16: политический сыск при царях». «Мысль». 199... С. 112.

[43] Ерошкин Н.П. «Россия под надзором». Журнал «Преподавание истории в школе». Январь-февраль 1966. № 1. С. 96.

В конце XIX века на много расширился аппарат министерства внутренних дел, в частности штаты полицейских учреждений. Об этом наглядно свидетельствует следующий пример. Половина всех чиновников России, а это 32 395 человек – состояло на службе в двух министерствах: внутренних дел и юстиции. Причем удельный вес чиновников приходился в основном на суд и полицию, в том числе тайную. В содержании этого аппарата ложилось тяжелым бременем на государство, хотя эффективности было мало. В огромных размерах процветало взяточничество и воровство. Вообще государственный аппарат, в конце XIX века, рос быстрее в три раза, чем население страны[44].

Для перлюстраторов корреспонденции особый интерес представлял, в связи с этим круг чиновников, относящийся к понятию «губернского начальства» – губернаторы, вице-губернаторы, председатели палат, прокуроры... Анализ документов показывает, что за внешней парадно-положительной стороной, скрывалась тайная, дающая отрицательные сведения о личности.

И хотя считалось, что местные розыскные органы не должны соприкасаться с перлюстрацией. На практике это правило сплошь и рядом нарушалось. В Москве старший цензор помещал выписки в конверт с надписью: «Анненкову» – и опускал в ящик градоначальства. Письма с этой фамилией-кодом попадали в охранное отделение. В других городах жандармские офицеры доплачивали почтовым чиновникам из агентурных сумм и регулярно получали доступ к частной переписке.

Перлюстраторы признавались, что «не стесняются никакими лицами, как бы оно ни было высоко поставлено и как бы оно ни было близко к особе его величества». Только два человека в империи – царь и министр внутренних дел – могли быть уверены в том, что их переписка скрыта от любопытных глаз. Парадоксально, что перехватывались письма товарищей министра, заведовавших полицией, и директоров Департамента полиции. Командир корпуса жандармов П.Г.Курлов с сарказмом писал старшему цензору Фомину, что он вынужден, «если письма его подвергаются перлюстрации, просить распоряжения вашего превосходительства о том, чтобы они не носили явных признаков вскрытия»[45].

Уходя в отставку, министры внутренних дел уничтожали доказательства слежки за коллегами и подчиненными. Тайна раскрывалась в том случае, если министров настигала внезапная смерть в результате покуше-

---

[44] Зайончковский П.А. «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке». М. «Мысль». 1978. С. 70.

[45] Рууд Ч., Степанов С. «Фонтанка – 16: политический сыск при царях». М. «Мысль». 1994. С. 114.

ния террористов. Когда директор Департамента полиции А.А. Лопухин вошел в кабинет только что убитого Плеве, он обнаружил пакет своих собственных писем. Большинство их было перлюстрировано, но имелось и два оригинала, которые так и не дошли до адресата. Это еще раз доказывает, что от перлюстрации корреспонденции не были застрахованы даже высшие сановники в государстве.

Перлюстрация корреспонденции использовалась не только для полицейских целей, но и служило важным подспорьем в работе разведки и контрразведки в царской России.

Поскольку цель оправдывала средства, объем перлюстрации постоянно возрастал. В 1882 году было вскрыто 38 000 писем и сделано 3 600 выписок. В 1900 году выписок было 5 431, в 1904 году – 8 642, в 1905 году – 10 182, в 1907 году – 14 221. Все эти выписки направлялись в Департамент полиции, где с ними знакомились чиновники Особого отдела. Чтобы не расшифровывать источники информации (перлюстрированные письма) применяли завуалированную формулу: «по агентурным данным»[46].

Естественно, что любое секретное мероприятие правительства требовало не малых расходов, не являлись исключением и «черные кабинеты». Расходы на перлюстрацию состояли из нескольких частей.

Во-первых, на содержание личного состава и различные канцелярские расходы. Во-вторых, на поощрение чиновников в столь нужной государству деятельности. До 1882 года на «не гласное жалование» и не большие канцелярские расходы отпускалось 92 000 рублей в год. Александр III утвердил секретный бюджет в 107 000 рублей. С 1894 года Высочайшим соизволением на перлюстрацию пошло еще 8 000 рублей «из секретных сумм, отпускаемых Департаменту полиции». С 1910 года секретная сумма из средств Департамента полиции выросла до 28 000. Как никак дело было общее, и Департамент полиции денег на чтение частной корреспонденции российских подданных старался не жалеть. К концу 1915 года общие учтенные расходы на перлюстрацию равнялись 163 338 рублей в год. Из них 108 376 рублей на содержание личного состава и на канцелярско-почтовые затраты, 24 914 рублей на вознаграждение косвенных участников (почтово-телеграфных служащих), 9 000 рублей на премиальные служащим перлюстрации по итогам года, 10 300 рублей полагалось раздать в конце года косвенно причастным и еще 10 746 рублей шли на секретные добавочные пенсии, пособия вдовам и сиротам участников этой секретной службы[47].

---

[46] «Секреты «Черного кабинета»». Российская газета. 1994. № 64.
[47] Измозик В.С. «Черные кабинеты» в России (XVIII-начала XX веков)». В кн. «Жандармы в России. Политический розыск в России XV–XX в.в.». М. 2002. С.С. 346-347.

По данным исследователя проф. В.С. Измозика общее количество чиновников, занимавшихся перлюстрацией, к 1913 году было не более 50 человек. При этом часть чиновников цензуры занималось своими прямыми обязанностями – цензурой иностранных газет и журналов и перлюстрации не касалась. Другая же большая часть, в основном занималась перлюстрацией и по совместительству цензурой.

Не стабильная политическая обстановка вызванная убийством императора Александра II 1 марта 1881 года, ряд покушений на его сына Александра III настоятельно требовали от спецслужб усилить борьбу с консперативными революционными организациями и важная задача отводилась здесь перлюстрационной деятельности. По мнению бывшего шефа жандармов А.Спиридовича «Агентурные сведения, данные наружного наблюдения и перлюстрация, являлись тремя главными источниками осведомления политической полиции»[48].

Поэтому представляется целесообразным этот период истории российских спецслужб выделить в отдельный этап.

1.3. Форма тайного политического контроля российских спецслужб на рубеже XIX-XX веков.

Среди методов борьбы политической полиции с нарастающим революционным движением в России важное место занимала перлюстрация. Она служила источником информации о деятельности революционных организаций, о настроениях среди населения в различных кругах общества.

Общее руководство перлюстрацией до 80-х годов XIX века осуществлял почт-директор Санкт-Петербургского почтамта. Но у него было много и других обязанностей. Поэтому с 1886 года эту роль выполнял старший цензор санкт-петербургской цензуры иностранных газет и журналов, который формально именовался помощником начальника Главного управления почт и телеграфов и одновременно подчинялся министру внутренних дел. Эту должность в течение сорока лет, с 1886 по 1917 г.г. занимали последовательно три человека: тайные советники К.К. Вейсман, А.Д. Фомин и М.Г. Мардарьев.

Используя опубликованные исторические источники, попытаемся дать краткую биографическую справку о каждом из них. Это важно, с точки зрения развенчания мифа об исключительно интеллектуальном составе тайных перлюстраторов, хотя, безусловно, исключения имели место и здесь.

---

[48] Спиридович А. «Записки жандарма». М. 1991. Репринтное издание. С. 61

Карл Карлович Вейсман представлял целую династию почтовых служащих. Его прадед начал службу в почтовом ведомстве в середине XVIII века. Дед и отец были почтмейстерами в г. Перново (Пярну). Карлуша закончил в возрасте 18 лет Перновское высшее уездное училище, а в 20 лет уже состоял чиновником, знающим иностранные языки, в санкт-петербургской цензуре иностранных газет и журналов. Чиновником он, видимо, был весьма добросовестным и через 17 лет стал старшим цензором. К концу службы грудь его украшало множество орденов (Св. Анны трех степеней, Св. Станислава 2-й и 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени, ордена Пруссии и Австрии). Он имел чин тайного советника. По «Табелю о рангах» это был чин третьего класса, равнявшийся генерал-лейтенанту. С 1887 года под его началом служил и единственный, из пятерых детей, сын Отто. В ноябре 1891 года К.К. Вейсман подал прошение об увольнении от службы «по расстроенному здоровью». Ему была пожалована пенсия 3 310 рублей в год. Умер он в 1912 году, 75 лет от роду.

Александр Дмитриевич Фомин был сын дворянина и генерала, закончил привилегированное Училище правоведения, пришел в цензуру в конце 1884 года и уже через семь лет возглавил службу перлюстрации. Нес он службу добросовестно. Достаточно сказать, что за первые пятнадцать лет в цензуре иностранных газет и журналов, по 1898 год, он только дважды брал отпуск... Всего на государственной службе он прослужил 50 лет и 16 дней. Второго июня 1914 года его по болезни уволили в отставку с присвоением чина действительного тайного советника. Это соответствовало званию генерала от инфантерии.

Михаил Георгиевич Мардарьев, подобно Вейсману прошел в службе перлюстрации все ступени служебной лестницы, начав в 23 года, в 1881 году с чиновника знающего иностранные языки. По словам самого Михаила Георгиевича, первые три года службы в отделении цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте он «ничего не знал» о существовании Секретного отдела, ибо «в эти две комнаты никто из лиц, не посвященных в тайны перлюстрации, не имел доступа».

После отставки Фомина в сентябре 1914 года министр внутренних дел Н.А. Маклаков направил Мардарьеву распоряжение: «Предлагаю Вам принять управление цензурою иностранных газет и журналов и особой при ней частью в империи». Именно ему пришлось давать показания в июне-августе 1917 года по делам перлюстрации в Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством[49].

Таким образом, служба перлюстрации, с 1870 года в России существовала под официальной «крышей» Цензуры иностранных газет и жур-

---

[49] «Жандармы в России. Политический розыск в России XV-XX в.в.». СПб. «Нева». 2002. С.С. 347-348.

налов, а с 1881 года почтовое ведомство передается в состав МВД и до 1917 года эта служба находилась там. И это дает основание говорить, что именно с 1881 года перлюстрационная деятельность становится одной из форм политического контроля российских спецслужб. Теперь это было оформлено и организационно.

Особое внимание уделялось при этом двум факторам: знанию иностранных языков и абсолютному молчанию, неразглашении государственной тайны. Отмечалось, что: «тайна перлюстрации есть государева тайна». В докладе от 5 июня 1882 года, в частности, говорилось: «Учреждение перлюстрации, или тайного досмотра частной корреспонденции, пересылаемой по почте, имеет целью представления Государю Императору таких сведений о происшествиях, таких заявлений общественного мнения относительно дел в империи и такой оценки действий влиятельных лиц, какие официальным путем не могли бы дойти до его Величества. Достижение этой цели обуславливается полной независимостью перлюстрационной деятельности, от каких бы то ни было властей, кроме императорской, ибо в представлении Государю копий или выписок из корреспонденции, согласно Высочайшей воле, не стесняются никаким лицом, как бы ни было оно высоко поставлено и как бы оно ни было близко Особе Его Величества»[50].

Секретность этой деятельности обеспечивалась и существованием «трудовых династий» перлюстраторов. Например, О.К. Вейсман, Н.В. Яблочков, Э.К. Зиверт - чиновники «черных кабинетов» были сыновьями уже известного К.К. Вейсмана. По «почтовому ведомству» служили и их родственники, кузены, племянники и прочие.

Думается, что это было неспроста, учитывалась психология личности человека. Связанные на работе и дома родственники являлись своего рода гарантом, того, что государственная тайна не станет достоянием гласности более широкого круга. Человеческая слабость «поделиться с кем-либо секретной информацией» останется в рамках семьи, допущенных к государственной тайне.

Кстати, этот психологический прием, был взят на вооружение органами МГБ-КГБ СССР. Как показывает анализ источников советского периода, в работе перлюстрационных служб контрразведки участвовали тоже, прежде всего родственники.

На поприще перлюстрационной деятельности в России попадались и настоящие уникумы. Так, младший цензор В.И. Кривош свободно владел 24 языками! Но этот полиглот более известен как изобретатель и рационализатор в своем деле. Он изготовил несколько приспособлений, облегчав-

---

[50] Измозик В.С. «Черный кабинет» – к истории перлюстрации в России». Журнал «Родина». 2000. № 10.

ших труд его коллег, в частности электрический аппарат, нагревавший пар для вскрытия писем. Сам П.А. Столыпин ходатайствовал о поощрении Кривоша за разработку этого аппарата. Однако, некоторые предложения изобретателя, например, пневмопочта для «черного кабинета» натолкнулись на бюрократические преграды.

Тогда Кривош установил контакт с Морским министерством обещая создать сеть пунктов для перлюстрации дипломатической и шпионской корреспонденции. На этом этапе его деятельность была прервана. Кривошу предложили подать в отставку, что он и сделал, как отмечалось в специальной справке Департамента полиции, «после долгих переговоров и грубых выходок», в декабре 1911 года. Старший цензор Фомин предупреждал полицию, что преследовать бывшего сотрудника нецелесообразно и небезопасно: «При представлении Кривоша к ордену святого Владимира 4-й степени в докладе было, между прочим, неосторожно упомянуто о способах вскрытия корреспонденции. Этот доклад, на котором государь император изволил начертать собственноручно: «Согласен», Кривош сфотографировал и снимок хранит у себя»[51].

Интересна и сама техника перлюстрации. Дело в том, что громадное количество корреспонденции проходящей по почтовому ведомству вызывает определенное недоумение по поводу возможности всю ее перлюстрировать. Например, за 1903 год по внутренней почте было переслано 597,2 миллиона писем, 100,3 миллиона бандеролей, 7,2 миллиона посылок, а по международной почте – 89,7 миллионов писем, 30,2 миллиона бандеролей, 1,2 миллиона посылок[52]. Такие масштабы наводят на мысль, что перлюстрировалась далеко не вся корреспонденция, а существовала определенная система просмотра писем.

Главными целями просмотра на рубеже XIX-XX веков были: политический сыск, борьба со шпионажем, получение конфиденциальной информации из сферы высших слоев общества, включая придворную знать, депутатов Государственной Думы, высших сановников. Именно в соответствии с этими целями и отбирались на просмотр письма. Безусловно, это была трудная работа, недаром она очень хорошо оплачивалась из секретных статей бюджета России.

До 1902 года секретные чиновники сами занимались отбором писем подлежавших перлюстрации. Но расширение масштабов работы потребовало привлечения новых кадров. И важным фактором здесь являлось уме-

---

[51] Рууд Ч., Степанов С. «Фонтанка-16: политический сыск при царях». М. «Мысль». 1999. С. 116.

[52] Черняев В.Ю. «К изучению эпистолярных источников начала XX в. (контроль почтовой переписки)». «Проблемы отечественной истории». М-Л. 1976. С. 139.

ние молчать. С привлеченных к этой работе бралась подписка о неразглашении государственной тайны.

В связи с усилением контрразведывательных функций полиции нередко и на местах жандармские управления, охранные отделения «грешили» просмотром корреспонденции.

Согласно секретной инструкции, вскрывать запрещалось письма двух человек министра внутренних дел и Государя императора. В литературе описаны случаи перлюстрации писем Великого князя Николая Михайловича, а также дяди Николая II Великого князя Николая Николаевича, командовавшего в то время Кавказским фронтом. Имеются утверждения, что государь император поручал перлюстрировать письма родного брата Михаила, находящегося за границей.

Вся перлюстрация подразделялась на «алфавит» и «служебную выборку». «Алфавит» означал список лиц, чья корреспонденция подлежала обязательному просмотру. «Алфавит» составлялся, в основном, министром внутренних дел и Особым департаментом полиции. По стране он, в разные годы, насчитывал от 300 до 1000 фамилий[53].

При случайном отборе обращалось внимание на объем письма, почерк, адрес корреспондента и отправителя.

В рассматриваемый период политический сыск, выходит на первый план, в связи с ростом революционных организаций в России. Письма революционеров выявлялись двумя путями: «по наблюдению» и «по подозрению». В первом случае сортировщики руководствовались уже вышеназванными «алфавитами» департамента полиции с именами и адресами. В примечаниях к ним указывалось, что делать с письмами: особо строгое наблюдение, точные копии, фотографии, представление в подлиннике и т.д. Письма «по подозрению» отбирались по адресам, подчеркиванием отдельных слов, назначением для передачи по почерку.

Квалификация цензоров была настолько высока, что по почерку они могли определить: пол, социальное положение, возраст и даже с определенной долей вероятности профессию респондента. Возможно, совокупность этих эмпирических знаний и легла в основу будущей науки распознавания по почерку – графологии.

По словам одного из сотрудников «черного кабинета», проработавшего десять лет С. Майского, цензоры обладали своеобразным нюхом определить принадлежность письма по наружному виду и почерку.

Цензоры были убеждены, что, несмотря на отпечаток своеобразия личности, в каждом из почерков существует профессиональное сходство: у

---

[53] «Жандармы в России. Политический розыск в России XV-XX в.в.». СПб. «Нева». 2002. С.С. 350-351.

аристократов почерк нервно крупный, остроконечный, в «готическом стиле»; у бюрократии – круглый, уверенный, резкий; у литераторов – неразборчивый, скорописный; у генералов – бисерный, четкий; у коммерсантов – каллиграфический, вычурный; у банкиров и врачей – небрежный, безалаберный…[54]

Каждый день «в черных кабинетах» вскрывалось от 100 до 500 писем на почтамтах Варшавы, Киева, Москвы, Одессы, Харькова, Тифлиса и от 2000 до 3000 писем в Петербурге. Поступившую корреспонденцию надо было вскрыть, прочитать, при необходимости сделать выписки, сфотографировать, проявить скрытый «химический» текст, затем аккуратно заклеить и вернуть конверт на почтамт.

Конверты вскрывались особыми косточками, отпаривались паром, отмачивались в ванночках. Дело это было достаточно трудоемкое, поэтому любое рационализаторское предложение получало поддержку. Уже небезызвестный сотрудник «черного кабинета» по фамилии Кривош за свои новации в технике перлюстрирования корреспонденции получил орден святого Владимира 4-й степени «за выдающиеся отличия». Особенностью было и то, что письма нельзя было задерживать в «черных кабинетах» более чем на два часа.

Перлюстрационные пункты работали не только на Департамент полиции, но и получателями информации были Министерство иностранных дел, Военное и Морское министерства.

Все нарастающее революционное движение, в конце XIX века, потребовало провести реорганизацию ряда центральных отраслевых органов. Реформированию подверглось и МВД. Правительство впервые столкнулось с новым явлением – политическим терроризмом (подчеркнуто – А.С.). Именно к нему стала прибегать такая организация как «Народная воля». В этих условия 3-е Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, как орган политической полиции оказалось несостоятельным. В 1878 году террористами был убит начальник 3-го Отделения Н.В. Мезенцев, а в феврале 1880 года был организован взрыв в Зимнем дворце. Специально созданная комиссия, изучавшая деятельность 3-го отделения признала его неэффективность в новых политических условиях и 6 августа 1880 года Александр II упраздняет 3-е Отделение. Его функции были переданы в «Департамент полиции исполнительной» МВД, в последствии переименованный в Департамент государственной полиции. Одновременно из МВД был выделен Почтовый департамент, на основе которого было образовано Министерство почт и телеграфов. Но упускать такое

---

[54] Черняев В.Ю. «К изучению эпистолярных источников начала XX в. (контроль почтовой переписки)». «Проблемы отечественной истории». М-Л. 1976. С. 140.

важное направление политического контроля за населением, как перлюстрация корреспонденции было нельзя, поэтому министром был назначен бывший министр внутренних дел Л.С. Маков. Но и этого было недостаточно. Лучше всего почтовое ведомство было иметь под своим крылом. Поэтому, вскоре Министерство почт и телеграфов было ликвидировано, а его функции вновь переданы МВД. Новым министром внутренних дел стал М.Т. Лорис-Меликов, который являлся и шефом жандармов.

Факт, подтверждающий тесную связь почтового ведомства, просматривается и из кадровых назначений руководителей. Первым директором Департамента государственной полиции стал барон Иван Осипович Велио, в прошлом руководитель Почтового департамента МВД.

В 1883 году Департамент государственной полиции был переименован в департамент полиции, состоящий из пяти делопроизводств. Первое (распорядительное) – ведало вопросами назначения, увольнения, награждения сотрудников полиции. Второе (законодательное) – занималось «организацией полицейских учреждений во всех местностях Империи», а также мерами «по предупреждению и пресечению явного соблазна, разврата в поведении, по прекращению пьянства и нищенства». Третье собирало негласным путем сведения о людях, изъявивших желание издавать газеты, журналы, открывать частные школы, выехать за границу, а также поступить на государственную службу. Оно вело переписку «по доносам и заявлениям частных лиц, по преступлениям общеуголовного характера и другим предметам», а также контролировало розыск преступников. Четвертое организовывало работу Особого совещания при министре внутренних дел и контролировало проведение дознания по делам о государственных преступлениях. Пятое – делопроизводство наблюдало за исполнением «состоящихся решений по делам о государственных преступлениях». В нем был справочный стол, в котором имелись списки и фотографии лиц «обративших на себя внимание правительства». Введение в 1894 году винной монополии, рост забастовочного движения, распространение и широкое применение не только в технических целях динамита обусловили создание в составе Департамента полиции нового делопроизводства.

Оно было образовано в 1894 году и контролировало производство и хранение взрывчатых веществ, соблюдение винной монополии, законодательства о евреях, а также занималось проблемами взаимоотношений владельцев предприятий и рабочих. В 1898 году был создан Особый отдел Департамента полиции, руководивший заграничной внутренней агентурой, обобщавший результаты перлюстрации писем (подчеркнуто – А.С.)[55].

[55] Органы и войска МВД России (краткий исторический очерк). Объединенная редакция МВД России. М. 1996. С. 30.

Анализу перлюстрированной корреспонденции придается особое значение. С этого момента можно говорить о новом этапе этой деятельности, на основе постоянно перлюстрируемой и цензурированной корреспонденции составляются политические сводки и меморандумы, которые докладываются правительству. Эта работа носит уже не эпизодический, а регулярный характер. Деятельность Особого отдела по перлюстрации корреспонденции носит все более засекреченный характер.

В компетенцию этого отдела входила также и борьба с антиправительственными изданиями, выходившими как в России, так и за рубежом. В конце XIX начале XX века в центральный аппарат министерства помимо Департамента полиции входило еще 20 учреждений. По значимости МВД было центральным министерством среди всей министерской системы России.

Рост революционного движения в России привел к более активным формам борьбы с ним. С 1880 года в Москве и Варшаве при канцеляриях обер-полицмейстеров и градоначальников появляются «отделения по охране общественной безопасности и порядка». В Петербурге это отделение появилось еще раньше, в 1866 году. Эти секретно-розыскные отделения, называвшиеся с 1903 года «охранными отделениями» получили широкое распространение.

Вхождение охранных отделений в состав канцелярий обер-полицмейстеров и градоначальников имело конспиративный смысл. Цель заключалась в отвлечении общественности от истинного назначения этих подразделений секретной полиции России. В ведении каждой «охранки» находилась агентура наружного наблюдения (филеры) и негласные агенты, внедренные в партийные и революционные организации. Московское охранное отделение претендовало на роль организатора политического сыска на территории всех центральных губерний России.

По мнению специалистов, занимающихся историей охранки, методы подрыва революционного движения в стране были разнообразными, но в основном их можно было свести к трем: а) провокация, основанная на внедрении агентов полиции в политические партии; б) наружное наблюдение; в) перлюстрация корреспонденции (подчеркнуто – А.С.)[56].

В условиях кризисных явлений политического строя, перлюстрации корреспонденции уделяется особое внимание, поскольку она является важной формой осведомления правительства о состоянии общества.

В конце XIX века в ведении Министерства внутренних дел находились местные почтовые и телеграфные учреждения – почтово-телеграфные

[56] Анисимов Н.Н. «Тайная политическая полиция самодержавия и Российская социал-демократия (1903-февраль 1917 г.)». Автореф. док. дисс. Екатеринбург. 1992. С. 18.

конторы и их отделения, объединенные в 1885 году в территориально-телеграфные округа. В столицах сохранились почтамты, создавались управления столичными телеграфами. При ряде почтамтов возникли, так называемые «черные кабинеты», где велась активная перлюстрация корреспонденции[57].

Что касается «охранки», то она внесла большой вклад и в проведение царской внешней политики. Именно здесь впервые в России была создана служба перехвата и дешифровки правительственных сообщений.

Последний начальник «охранки» А.Т. Васильев постоянно пытался убедить всех в том, что их деятельность была направлена исключительно на борьбу с заговорщиками и преступниками: «у правомыслящих граждан, безусловно, никогда не было никакого резона опасаться цензуры, поскольку на частные дела, в принципе, не обращается никакого внимания». В действительности же, как и в старорежимные времена, вскрытие писем было источником, как слухов, так и разведывательной информации. В результате расшифровки тайной корреспонденции архиепископа Иркутска стало известно, что у него была тайная любовная связь с настоятельницей монастыря[58].

Поскольку подданные России смутно догадывались о том, что «охранка» перлюстрирует корреспонденцию, то прибегали к эзоповскому языку, а иногда и к зашифровке писем. Следовательно, стояла задача их обратной дешифровки. Главным криптографом «охранки» был Иван Зыбин, который являлся настоящим гением в своем деле. Начальник московского отделения «охранки» П. Заварзин рассказывал: «он был фанатиком, если не сказать маньяком, своей работы. Простые шифры он разгадывал с одного взгляда, а вот запутанные приводили его в состояние близкое к трансу, из которого он не выходил, не решив задачу». Таким образом, царская «охранка» привлекала для своей перлюстрационной и дешифровальной работы весьма талантливых людей.

Первоначально главной задачей службы дешифровки «охранки» была расшифровка корреспонденции революционеров внутри и за пределами России, но постепенно «охранка» включила в поле своей деятельности и дипломатические телеграммы иностранных посольств, находящихся в Санкт-Петербурге.

Еще начиная с сороковых годов XVIII века, разведывательная служба время от времени пользовалась перехватом дипломатической кор-

---

[57] Ерошкин Н.П. «История государственных учреждений Іореволюционной России». М. Высшая школа. 1983. С. 231.

[58] Кристофер Эндрю, Олег Гордиевский «КГБ-история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева». «Nota Bene». 1990. С. 45.

респонденции в качестве источника информации. В 1800 году член коллегии Министерства иностранных дел И.П. Панин писал своему послу в Берлине: «Мы располагаем шифрами переписки короля (Пруссии) с его поверенным в делах здесь. Если Вы заподозрите Хаугвица (министра иностранных дел Пруссии) в вероломстве, найдите предлог для того, чтобы он направил сюда свои сообщения по данному вопросу. Как только сообщение, посланное им или королем, будет расшифровано, я немедленно сообщу Вам о его содержании»[59].

В начале XIX века в связи со значительным увеличением использования курьеров для доставки дипломатической почты, число расшифрованных сообщений, перехваченных «черными кабинетами» стало постепенно сокращаться. Однако широкое использование телеграфа в конце прошлого века значительно упростило передачу дипломатической информации и ее перехват. Во Франции, дипломатическая переписка расшифровывалась в «черных кабинетах» как Министерства иностранных дел, так и службе безопасности «Сюрте». То же самое происходило и в России, где сотрудники «черных кабинетов» Министерства иностранных дел и «охранки» постоянно обменивались расшифрованной дипломатической перепиской. Под руководством Александра Савинского, начальника «черного кабинета» Министерства иностранных дел с 1901 по 1910 г.г., служба перехвата и дешифровки получила новый статус, и ее организация была значительно улучшена.

Следовательно, наряду с «черными кабинетами» «охранки» существовали и «черные кабинеты» Министерства иностранных дел, где перлюстрировалась дипломатическая и иная переписка иностранцев в России и за ее пределами.

Вместе с тем, в этой области «охранка» занимала лидирующее положение по отношению к Министерству иностранных дел. Здесь были собраны наиболее квалифицированные специалисты. Раскрытие сложнейших кодов и шифров зависит не только от способностей дешифровальщиков, но и от той помощи, которую ей оказывают разведывательные службы. «Охранка» стала первой современной разведывательной службой, которая ставила перед собой задачу выкрасть иностранные дипломатические коды и шифры, а также оригинальные тексты дипломатических телеграмм, которые можно было впоследствии сравнить с перехваченными шифровками. Так, перлюстрация корреспонденции становится серьезным и важным направлением в работе разведывательной службы России. Опыт «охранки» приемы и методы работы были впоследствии использованы в деятельности КГБ СССР.

---

[59] Кристофер Эндрю, Олег Гордиевский «КГБ-история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева». «Nota Bene». 1990. С. 46.

Поскольку главное направление деятельности «охранки» было направлено на борьбу с революционным движением в стране, то соответственно и революционерам приходилось искать новые формы конспирации. Одной из такой форм являлась тайная переписка.

Революционеры догадывались о существовании тайной перлюстрации и поэтому наряду с легальной перепиской велась нелегальная. Деловые письма писались с помощью шифра, конспиративных терминов и химических средств, между строк книг или журналов. На языке конспираторов такие письма звались «ласточками». По прочтении они обычно уничтожались. Публикация переписки редакции газеты «Искра» с Россией показывает, сколь сложна и обширна была деловая переписка революционеров. Не прекращалась она и позднее. «Пользуюсь оказией, чтобы побеседовать откровенно, – писал В.И. Ленин В.А. Карпинскому осенью 1914 г., – ...не пишите прямо в письмах ничего. Если надо что-либо сообщить, пишите химией. (Знак химии – подчеркнутая дата в письме)». С предельной осторожностью вели конспираторы и легальную переписку, поскольку их личная жизнь и революционная деятельность тесно переплетались. Чтобы не навлечь внимания полиции на друзей и знакомых, они избегали упоминания имен и фамилий, заменяли их намеками и кличками. Открыто упоминали только тех, знакомство с кем было известно полиции или не носило политического характера. В годы мировой войны, по воспоминаниям А.И. Ульяновой-Елизаровой, легальная переписка сильно сократилась, но конспирация продолжалась успешно.

Конспиративность деловой переписки революционеров весьма усложнила работу перлюстраторов и стимулировала развитие дешифровального дела в полиции. Охранникам далеко не всегда удавалось выявить нелегальную переписку, добыть ключи к шифрам через провокаторов. Добрую службу им сослужило изданное «Бундом» руководство по шифровке, ключами которого пользовались некоторые революционеры. Шифрованные и написанные с помощью химических средств письма отсылались к дешифровщикам Департамента полиции. Упоминаемый уже, И.А. Зыбин, являлся крупнейшим специалистом по дешифровке и преподавал ее на курсах для офицеров, поступавших в жандармский корпус. Химические письма проявляли. Если охранка была заинтересована в продолжении выявленной конспиративной переписки, по адресу высылалась умело исполненная копия. Виртуозом таких подделок был В.И. Зверев. Начав карьеру писарем в московской «охранке», он, благодаря покровительству С.В. Зубатова, который заметил его талант, достиг положения помощника И.А. Зыбина.

Письма, представлявшие интерес с точки зрения перлюстраторов, обычно копировались полностью либо частично в трех экземплярах: один

оставался при цензуре, второй шел к высшему полицейскому должностному лицу отправителя или получателя письма, третий – в Департамент полиции. В столице копии писем ежедневно поступали в запечатанных секретных конвертах полностью министру внутренних дел, а о революционном движении и настроениях в стране – начальнику Департамента полиции. Министр внутренних дел сам отбирал и вручал перлюстрацию Николаю и Александре, а также знакомил с некоторыми из писем председателя Совета министров и других министров. Исключением был Б.В. Штюрмер, который в бытность свою председателем Совета министров добился представления ему всей перлюстрации. Департамент полиции рассылал копии с выявленных писем революционеров в соответствующие местные отделения для расследования и составлял отчеты о перлюстрации. «Обзор результатов перлюстрации писем по важнейшим событиям и явлениям государственной и общественной жизни России в 1903 году» состоял, например, из трех разделов. Первый был посвящен отношению населения к самодержавию и Николаю II, второй – толкам о правительстве и его мероприятиях, третий – революционерам, рабочему, крестьянскому, студенческому и национальному движениям, либеральной оппозиции, буржуазии. Отчеты о перлюстрации носили конфиденциально-информационный характер. Как указывалось в отчете 1908 г., цель перлюстрации писем состояла в том, чтобы «по мере сил и возможности извлекать для правительства верные сведения о ходе жизни страны, беспристрастные мнения отдельных лиц о том или другом проводимом правительством законе, сведения о том, как отразилось действие закона на населении и т.п.»[60].

Судя по частично опубликованным отчетам о перлюстрации за 1903 и 1908 г., они давали неприукрашенное отражение настроений в частной переписке.

По данным Департамента полиции, через цензуру проходило ежегодно по всей стране примерно 380000 писем, из которых делалось от 8000 до 10000 выписок.

Исследователь З.И. Перегудова попыталась провести более точный подсчет количества перлюстрированных писем за 1907-1914 г.г. Согласно этим подсчетам наибольшее количество выписок падает на 1907 г. (11522). Затем идет спад – до 7935 в 1910 г., а затем поток вновь возрастает – до 8658 в 1911 г. и более 10 тыс. в 1912 г.

Таким образом, общий объем перехваченной переписки к 1912 г. вновь почти достигает уровня 1907 г. Следует отметить, что одновременно возрастает количество шифрованных и химических писем как результат

---

[60] Черняев В.Ю. «К изучению эпистолярных источников начала XX в. (контроль почтовой переписки)». «Проблемы отечественной истории». М-Л. 1976. С.С. 141-142.

резкого повышения конспиративности партийных организаций, существенно меняется соотношение между простыми письмами, с которых снимается копия, и письмами, которые написаны химическими чернилами и с использованием шифра.

Наглядное представление об этом дает помещаемая ниже таблица[61].

Годы	Число простых писем, с которых сняты копии	Число химических и шифрованных писем, с которых сняты копии	Число писем, прошедших перлюстрацию по требованию министра внутренних дел, с которых сняты копии	Итог
1907	10618	904	нет сведений	11522
1908	7242	1029	нет сведений	8271
1909	4579	2280	112	6971
1910	3197	4260	478	7935
1911	3066	4396	1196	8658
1912	2454	5039	3146	10639
1913	1875	2777	1276	4655
1914	1593	1538	2231	5362
(сведения за январь-сентябрь)				

Перлюстрация не только позволяла охранке брать под наблюдение и арестовывать отдельных лиц, но и «давала нити для больших дел». В 1902 г. по перехваченным письмам были «разработаны» и арестованы члены петербургского комитета «Искры». В 1903 г. перлюстрация помогла выявлять вернувшихся в России делегатов II съезда РСДРП. В 1902-1903 г.г. через Департамент полиции проходила вся переписка эсеров между Петербургом, Киевом, Харьковом и Саратовом и заграничного комитета Бунда с Россией. В 1905 г. благодаря переписке, «освещенной» провокатором, была полностью арестована военно-революционная организация в Варшаве.

Трехтомная публикация переписки редакции «Искры» с Россией показывает, что в руки охранников в 1900-1902 г.г. попадало, по крайней мере, каждое десятое письмо «искровцев». (Из помещенных в сборнике 629 писем редакции «Искры» в Россию 53 опубликовано по перлюстрациям, а из 722 писем из России в редакцию – по перлюстрациям напечатано 87 писем). Следствием перехвата этих писем были аресты видных организаторов и раскрытие секретов конспирации. Так, петербургский «черный

[61] Перегудова З.И. «Политический сыск в России 1880-1917 г.г.». М. «Российн». 2000. С. 279.

кабинет» перехватил конспиративные письма В.П. Ногина от 16, 22, 29 сентября и 14, 15 октября 1901 г. 15 октября 1901 г. В.П. Ногин был арестован и затем сослан в Сибирь.

Революция 1905 г. внесла на время дезорганизацию в работу «черных кабинетов». Как явствует из записки И.А. Зыбина, тифлисский «кабинет» даже приостанавливал свою деятельность с конца 1905 до начала 1909 г. «вследствие крайне обострившегося революционного брожения на Кавказе». Однако уже после манифеста 17 октября перлюстрация, по словам М.Е. Бакая, «усилилась в необычайных размерах», а в 1906 г. накопленный ею материал начали использовать для преследования неблагонадежных. Товарищ министра внутренних дел, а с 26 октября 1905 г. дворцовый комендант, предводитель дворцовой камарильи Д.Ф. Трепов собственноручно накладывал на перлюстрациях резолюции: «Автора арестовать и заключить в тюрьму»; «Адресата арестовать и заключить в тюрьму, пока не назовет автора»; «Автора арестовать и выслать в северную губернию», и т.д. Но даже и тогда, скрывая наличие перлюстрации, жандармы не выставляли перехваченных писем в качестве доказательств. В отчете о перлюстрации за 1908 г. цензоры писем с удовлетворением отмечали, что «секретной перлюстрационной части удавалось содействовать администрации следить за противоправительственными кружками и союзами», а также что «весь обширный материал, извлекаемый из частной корреспонденции по революционному движению», позволял Департаменту полиции «установить полную картину царившего в течение 1908 года настроения в революционных кругах». Известно также, что в апреле 1913 г. перлюстраторы перехватили письмо из Кракова в Петербург на имя Н.И. Подвойского. Это была директива ЦК РСДРП(б), составленная при ближайшем участии В.И. Ленина, о том, как осуществлять решения Пражской конференции партии. Департамент полиции использовал это письмо для составления отчета «О современном положении в РСДРП»[62].

Вопрос об отношении к перлюстрации корреспонденции нередко зависел от личных нравственных качеств человека занимавшего крупный пост в государственном аппарате России. Любопытным, в этом отношении, является мнение бывшего Председателя Совета Министров страны, графа С.Ю. Витте. Он пишет: «Что касается вопроса о неприкосновенности личности, то большим злом служит перлюстрация писем. Это было заведено издавна до 17 октября (1905 г. – А.С.) в широких размерах, а за время Столыпина машина перлюстрации еще усовершенствована и развита.

---

[62] Черняев В.Ю. «К изучению эпистолярных источников начала XX в. (контроль почтовой переписки)». «Проблемы отечественной истории». М-Л. 1976. С.С. 143-144.

Когда я вступил в должность председателя Совета, то ко мне явился от имени министра внутренних дел чиновник, кажется по фамилии Тимофеев, доложить мне, что он прислан министром на случай, если я имею дать какие-либо указания относительно доставления мне перлюстрированных писем, причем объяснил мне всю процедуру этого дела по всей России. Я никакого указания этому тайному советнику не дал и по этому вопросу затем не имел никаких объяснений с Дурново (министр внутренних дел – А.С.), но он мне аккуратно ежедиевно присылал папку с перлюстрированными письмами. Конечно, он для меня выбирал только те, которые хотел. Я их пробегал и за все время моего председательства не наткнулся ни на одно письмо, которое, с точки зрения государственной и полицейской, могло бы быть сколько-нибудь полезным. Очень часто приходилось читать ругательства по моему адресу…

Таким образом, та перлюстрационная переписка, которая мне доставлялась, не приносила никакой государственной пользы, и я имею основания полагать, что она вообще, по крайней мере, в том виде, в каком совершается у нас, скорее вредна, чем полезна. Вредна потому, что вводит администрацию во многие личные неприкосновенные дела, составляющие чисто семейные секреты, и дает министрам внутренних дел орудие для сведения личных счетов. Я, например, знаю, что покойный Столыпин, если бы при узости своего характера и чувств не увлекался изучением перлюстрационной переписки, то поступал бы в отношении многих лиц корректнее, нежели поступал, и не делал бы себе личных врагов.

Характерная черта Столыпина, между прочим, та, что когда в Государственной думе при обсуждении сметы почт и телеграфов заговорили о перлюстрационной организации, то представитель министерства внутренних дел возмущенно ответил, что это вроде бабьих сказок, что ничего подобного не существует.

<u>Между тем, это с особой интенсивностью существовало во все время главенства Столыпина и существует до настоящего времени</u> (подчеркнуто – А.С.). Еще недавно я заговорил об этом с Коковцевым, и он мне откровенно сказал, что получает ежедневно пачку перлюстрированных писем для прочтения, и возмущенно добавил, что еще сегодня он в одном письме прочел о неблагоприятном отзыве, данном о нем главноуправляющем земледелием Кривошеиным, и для того чтобы сконфузить Кривошеина, он его вызвал к телефону и дружески посоветовал ему впредь быть более осторожным, на что Кривошеин ему ответил, что автор перлюстрированного письма, очевидно его не понял, причем, улыбаясь, Коковцев мне прибавил: «Конечно, Кривошеин врет»[63].

---

[63] Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3 (17 октября 1905-1911 г.г.). Изд-во соц-эконом. лит-ры. М. 1960. С.С. 313-315.

Следовательно, обладание информацией из перлюстрированной корреспонденции при желании могло служить и служило для сведения личных счетов и проведения различного рода интриг в правительстве страны. Поэтому важную роль здесь играла личность и нравственные качества государственного чиновника. Естественно, что любая тенденциозная подборка, могла способствовать формированию мнения в необходимом направлении. И поэтому обладание подобного рода информацией представляло большую политическую силу. Понимая и оценивая это, те, кто был допущен к этой кухне, тщательнейшим образом скрывали сам факт перлюстрации корреспонденции.

Однако сколь ни были законспирированы «черные кабинеты», вопрос о них дважды поднимался на заседаниях Государственной думы. Впервые он был поднят 3 апреля 1908 г. в III Думе при обсуждении сметы Главного управления почт и телеграфов. От социал-демократов выступал депутат Иркутской губернии Т.О. Белоусов. Под протестующие выкрики правых он заявил, что над сметой витает дух «черных кабинетов» и правительство руководствуется в своих ассигнованиях «соображениями о том, чтобы уловлять слово гражданина, как устное, так и письменное». Фракция социал-демократов призвала отклонить смету. В предложенной ею резолюции говорилось: «тайна корреспонденции не соблюдается и почтамтство эксплуатирует почтово-телеграфные учреждения в целях политического сыска и политической борьбы». О «справедливых нареканиях» по «больному вопросу» говорил в речи и один из лидеров кадетской партии депутат А.И. Шингарев. Выступление он закончил призывом сказать правительству, что «ведомство почт и телеграфов должно наконец увидеть такой день, когда частная корреспонденция будет строго охраняема законом». Принимавший участие в заседании Думы главный начальник почт и телеграфов М.П. Севастьянов вынужден был отпираться. Он назвал упоминания о «черном кабинете» принадлежащими к области фантазии. Крайне правое крыло Думы сочло это недостаточным. Противозаконная деятельность правительства в почтовом ведомстве была взята под защиту черносотенцем М.В. Пуришкевичем. Последний оправдывал действия правительства «интересам государства» и в свою очередь обвинил антиправительственно настроенных служащих в нарушении тайны правительственной переписки. Большинство российского парламента отклонило резолюцию социал-демократов.

Вторично вопрос о «черных кабинетах» был поставлен в IV Думе 22 мая 1913 г. и вновь при обсуждении сметы Главного управления почт и телеграфов. Депутат большевик М.К. Муранов под шум и выкрики бессарабского помещика П.Н. Крупенского и других политических представителей дворянства привел факты вмешательства жандармов в почтовое де-

ло. Ни словом не обмолвился в ответ на новые обвинения М.П. Севастьянов (подчеркнуто – А.С.).

Как отмечает проф. Измозик В.С. история службы перлюстрации императорской России закончилась в конце февраля 1917 года. Первое время после свержения режима цензоры по привычке приходили на службу, но указаний от нового правительства не было. Уже в марте в провинции новая революционная власть начала допросы чиновников занимавшихся перлюстрацией. Приказом по Министерству почт и телеграфов от 10 июля 1917 года цензура иностранных газет и журналов была упразднена, а 38 ее служащих 16 марта 1917 года были выведены за «штат».

Новое (Временное) правительство хотело придать перлюстрации исключительно законный характер. Но это стремление оказалось кратковременным, 25 октября 1917 года, к власти пришли большевики[64].

В заключении можно отметить, что в начале XX века, под натиском революционного движения совершенствуется и полицейский аппарат. Совершенствуются все формы негласной работы спецслужб, в том числе и перлюстрация корреспонденции. В деятельности карательно-розыскных органов наметился курс на централизацию их деятельности.

Розыск становится ведущим направлением деятельности полиции, и все остальные направления работы подчинены целям розыска.

1.4. Перлюстрационная деятельность в Европе и Америке

Перлюстрацией корреспонденции занимались не только в России, но и в цивилизованных европейских странах. Сейчас практически невозможно установить, кто и когда впервые стал тайно вскрывать письмо. Ясно одно, с момента появления частной и государственной переписки правительство любой страны делало все для того, чтобы знать об умонастроениях своих граждан.

Принято считать, что еще в 1628 году французский кардинал Ришелье велел создать в помещении парижского почтамта специальную комнату для тайного просмотра писем. Так возникло выражение «черный кабинет». Этим словом стали называть помещение, где проводилась перлюстрация[65]. Еще одной особенностью перлюстрации было то, что она проводилась в нарушение официального законодательства. Секретные инструк-

---

[64] Измозик В.С. «Черный кабинет» - к истории перлюстрации в России». Журнал «Родина». 2000. № 10. С. 54.

[65] Измозик В.С. «Черные кабинеты» в России (XVIII-начало XX в.в.)». В кн. «Жандармы в России (политический розыск в России XV-XX в.в.)». СПб. «Нева». 2002. С. 333.

ции для чиновников-перлюстраторов были важнее законов. Государство всегда отрицало существование перлюстрации, иначе она теряла всякий смысл. Поэтому перлюстрация и все то, что с ней было связано, всегда считалось одной из важнейших государственных тайн. Позднее, в конце XIX века изменилась и «ведомственность» перлюстраторов. Этой деятельностью стали заниматься не почтовые служащие, а профессиональные контрразведчики. И сама перлюстрация почтовой корреспонденции стала важным элементом политического сыска.

И даже в такой законопослушной стране, как Англия перлюстрация проходила с не меньшей активностью. Об этом свидетельствует переписка К. Маркса и Ф. Энгельса. По этому вопросу.

В условиях монархических режимов в Европе в прошлом и в начале XX века, при наличии острых конфликтов между ними, нарушение тайны переписки в тот период было очевидно очень частым и не вызывали серьезного удивления у тогдашней общественности, несмотря на официальное признание принципа соблюдения тайны переписки в Конвенциях созданного в 1874 г. Всемирного Почтового Союза.

Даже британская почта, имевшая репутацию лучшей в мире и функционировавшая в стране всегда гордившейся своим уважением к законам, не была безупречной. Это хорошо видно по переписке К. Маркса и Ф. Энгельса, живших в Англии в эмиграции. Маркс жил Лондоне, а Энгельс в Манчестере и интенсивная переписка между ними составляет несколько томов их сочинений.

«...Твой пакет для «Revolution» и «Tribune» был вскрыт, даже не дали себе труда снова заклеить его»

(Маркс – Энгельсу от 3 марта 1852 г., Соч. т. 28, с. 28, Изд. 2)

«Посылаю тебе обратно конверт твоего письма, полученного сегодня: по-видимому, была сделана неудавшаяся попытка вскрыть его»

(Энгельс – Марксу, 24 сентября 1852 г., там же, с. 122)

«Конверт, предыдущего письма, который ты прислал мне обратно, без сомнения пытались вскрыть. Но явно неловко и безрезультатно»

(Маркс – Энгельсу, 27 октября, 1852 г., там же, с. 137)

«...Твое сегодняшнее письмо ко мне вскрыто, судя по тому, что не все четыре угла конверта были хорошо запечатаны...»

(Энгельс – Марксу, 27 октября 1852 г., там же, с. 137)

«Дорогой Энгельс! Насчет нашей переписки мы должны принять меры. Несомненно, что в Министерстве Дерби у нас есть компаньон по чтению наших писем. Поэтому я не могу писать тебе абсолютно ничего такого, что не считаю желательным довести в настоящий момент до сведения прусского правительства...»

(Маркс – Энгельсу, 25 октября 1852 г., там же, с. 134)

Энгельс советовал Марксу посылать письма в конвертах от коммерческой почты и обеспечивал его для этого необходимыми материалами.

«...*Также прилагается коммерческая печать*, – писал он Марксу. *Твоя старая вейдемеровская гербовая печать и неуклюжее, никуда не годится. Употребляй также и на письмах в Манчестер какую-нибудь шестипенсовую печать. Время от времени, посылай Шнейдеру заказные письма менее важные, чтобы ввести этих молодцов в заблуждение и заставить их думать, что мы отказались от посылки писем конспиративным путем из-за отсутствия адресов* (подчеркнуто – А.С.). *В том, что люди, адреса которых ты получишь вместе с этим письмом, доставят письма куда нужно, не может быть никакого сомнения*»

(Энгельс – Марксу, 28 октября 1852 г., там же, с. 147)

...Эти примеры можно было продолжать и дальше. Они относятся к британской почте. Хорошо хоть письма не пропадали. Что же касается прусской почты, то она не только вскрывала и конфисковывала письма Маркса (например, в период лечения Маркса в Карлсбаде в 1875 г., см. Соч., т. 34), но даже в ряде случаев фальсифицировала эти письма, подделывая почерк Маркса (см. Примечания, № 242, т. 28, с. 594). Одно из таких подделанных «писем Маркса» фигурировало на Кельнском процессе (Разоблачение о Кельнском процессе коммунистов. Соч. Т. 8. С.С. 475-477)[66].

История «черных кабинетов» – это история спецслужб. Это история не только политического сыска, но и история, если можно так выразится его технической, интеллектуальной части. История криптографии и криптоаналитики.

И начало этой истории положили развитые западные государства. В 1774 году Людовику XV был доставлен пакет из Вены. Когда французский король вскрыл его, то обнаружил там копии открытых текстов своей шифрованной корреспонденции.

Людовику сообщили, что пакет прибыл от аббата Жоржеля, секретаря французского посла в Австрии. В Вене Жоржель встретился в полночь с человеком в маске, который в обмен на тысячу дукатов передал ему этот пакет и за дополнительное щедрое вознаграждение пообещал два раза в неделю передавать аббату все находки «черного кабинета» в Вене, в котором тайно вскрывалась и дешифровывалась корреспонденция других стран.

В XVIII веке «черные кабинеты» стали распространенным явлением в Европе, а венский пользовался репутацией самого лучшего из них. Мешки с почтой, которая должна была доставляться утром посольством в Вене,

---

[66] Медведев Ж.А. «Тайна переписки охраняется законом». Macmillan. 1972. С.С. 465-466.

ежедневно в семь часов утра оказывались сначала в помещении «черного кабинета». Там письма вскрывали, растапливая печати над свечой, отмечали порядок расположения страниц в конверте и передавали их помощнику директора. Тот читал их и давал указания о снятии копий с самых важных документов. Длинные письма для экономии времени копировались под диктовку с использованием до четырех стенографистов одновременно. Если письмо было на незнакомом помощнику директора языке, он передавал его тому служащему кабинета, который владел этим языком. Имелись переводчики со всех европейских языков, а когда появлялась потребность в специалистах по неизвестному другим языку, один из служащих в срочном порядке брался за его изучение.

После копирования письма аккуратно укладывались обратно в конверты, которые опечатывались поддельными печатями и возвращались на почту не позже 9.30 утра.

Через полчаса в «черный кабинет» прибывала новая почта. Она обрабатывалась таким же образом, хотя и с меньшей поспешностью, поскольку была транзитной.

Как правило, эта корреспонденция возвращалась на почтовую станцию к двум часам дня, хотя иногда ее задерживали и до семи вечера. В 11 часов утра прибывала почта, перехваченная полицией. А в 16.00 курьеры привозили письма, которые отправляли зарубежные посольства. Они снова вливались в поток отправлений в 18.30 из Вены почтовой корреспонденции. Скопированный материал попадал на стол директору «черного кабинета», который отбирал особо важную информацию и направлял ее заинтересованным лицам – ко двору, полицейским чиновникам, дипломатам и военным. Таким образом, венский «черный кабинет» со штатом всего в 10 человек, обрабатывал в среднем сотню писем ежедневно[67]. Перехваченная зашифрованная корреспонденция подвергалась криптоанализу.

Труд криптографов очень щедро оплачивался. Например, Карл VI вручал этим людям премии лично, а эрцгерцогиня Мария-Терезия часто беседовала с сотрудниками «черного кабинета» о надежности используемых шифров. Русский император Александр III вручил одному из сотрудников «черного кабинета» золотой портсигар, усыпанный бриллиантами, как признание его заслуг в деле криптографии и перлюстрации корреспонденции.

Однако, эра «черных кабинетов» в Европе была недолгой. Бурные политические события, особенно середины XIX века привели к ограничению абсолютной власти европейских монархов и их полицейских ве-

---

[67] Кан Дэвид. «Война кодов и шифров. История четырех тысячелетий криптографии». М. «Рипол Классик». 2004. С.С. 151-152.

домств. Провозглашенные принципы свободы и равенства оказались несовместимы с политическим сыском и в частности с цензурой переписки (перлюстрацией корреспонденции).

В июне 1844 года волна протестов со стороны общественности по поводу перлюстрации писем вынудила английское правительство прекратить перехват дипломатической переписки.

В Австрии двери венского «черного кабинета» закрылись в 1848 году. Во Франции это произошло в 1848 году.

За океаном, в Северной Америке первоначально не было ни «черных кабинетов», ни платных криптоаналитиков. И лишь позднее, в начале XX века здесь стали уделять должное внимание вскрытию корреспонденции и дешифрованию дипломатической переписки. Одним из самых ярких личностей был криптоаналитик Герберт Ярдли. Он родился 13 апреля 1889 года в Уортингтоне, маленьком городке на Среднем Западе США. Годы его юности пришлись на Первую мировую войну. В школе Ярдли был посредственным учеником за исключением математических дисциплин. Начиная с 16-летнего возраста его можно было часто застать в местных игорных салонах у покерных столиков за изучением карточной игры, которая стала главной страстью в жизни Ярдли. В детстве он мечтал стать юристом по уголовным делам, но вместо этого в 23 года он устроился работать шифровальщиком в Государственный Департамент США.

Это было счастливым совпадением, поскольку работа шифровальщика идеально подходила для Ярдли. Болезненная увлеченность своей работой даже вошла, если так можно выразиться, в криптоаналитический фольклор как «симптом Ярдли». Он говорил: «Просыпаясь, я сразу начинаю думать об этом. Засыпая, я все равно продолжаю думать об этом».

Именно он, в апреле 1917 года, после вступления США в Первую мировую войну, убедил Военное министерство в необходимости создания криптографической спецслужбы.

В августе 1918 года Ярдли отплыл на пароходе в Европу, чтобы совершенствоваться в криптоанализе у союзников США по Первой мировой войне. Однако Европа встретила Ярдли крайне негостеприимно. Двери «комнаты сорок» в Англии (занималась перлюстрацией корреспонденции) остались для него наглухо закрыты, во Франции его тоже не пустили в криптоаналитическое бюро французского Министерства иностранных дел.

И, тем не менее, возвратившись в США, в мае 1919 года он добился от Фрэнка Поука, исполнявшего обязанности государственного секретаря, и от начальника штаба Военного министерства согласия на создание «постоянной организации для вскрытия шифров».

Эта организация, позже стала известна в истории спецслужб, как «Американский черный кабинет».

Впервые «Американский черный кабинет» был профинансирован 30 июня 1921 года.

Одной из основных задач, поставленных перед ним, было вскрытие кодов Японии, напряженность в отношениях с которой нарастала с каждым днем.

В результате напряженной работы криптоаналитиков и непосредственно самого Ярдли, летом 1921 г. «Американский черный кабинет» прочел японскую шифротелеграмму от 5 июля, направленную в Токио послом Японии в Лондоне и содержавшую первые упоминания о конференции по разоружению, которая должна была состояться в ноябре в Вашингтоне. «Американский черный кабинет», глубоко спрятанный за надежными запорами, все видит и все слышит, писал Ярдли, – хотя ставни закрыты и окна тщательно зашторены, его зоркие глаза наблюдают за тем, что творится на секретных совещаниях в Вашингтоне, Женеве, Лондоне, Риме и Токио. Его чуткие уши слышат даже самые слабые шепоты в столицах иностранных государств»[68].

Впечатляет деятельность «Американского черного кабинета», за время проведения различного рода международных конференций было перехвачено более 5 000 шифросообщений. И все-таки, надо отдать должное американским спецслужбам, в начале XX века, тотальной перлюстрации корреспонденции в Америке не было (подчеркнуто – А.С.). Контрразведку интересовала, прежде всего, дипломатическая переписка.

Поэтому, мы не вправе говорить в данном случае о политическом контроле над населением страны, или политическом сыске, речь идет лишь об одной из сторон деятельности американской контрразведки.

Что касается самого Ярдли, то он в результате чрезвычайного нервного напряжения, связанного с работой, серьезно подорвал свое здоровье и в феврале 1922 года получил четырехмесячный отпуск.

Как утверждают некоторые источники за период с 1917 по 1929 г.г. «Американскому черному кабинету» удалось прочитать 45 тысяч шифротелеграмм Англии, Германии, Доминиканской Республики, Испании, Китая, Коста-Рики, Кубы, Либерии, Мексики, Никарагуа, Панамы, Перу, Сальвадора, СССР (подчеркнуто – А.С.), Франции, Чили и Японии.

Однако, в 1929 году казалось бы плодотворной деятельности «Американского черного кабинета» пришел конец.

Американский государственный секретарь Генри Стимсон при президенте Гувере, оказался человеком высоких моральных качеств. Заняв свой пост и получив несколько дешифрованных криптограмм, вместо по-

---

[68] Кан Дэвид. «Война кодов и шифров. История четырех тысячелетий криптографии». М. «Рипол Классик». 2004. С. 342.

хвалы пришел в негодование и сурово осудил шпионскую деятельность. Он обозвал ее «подлой разновидностью шпионского ремесла» расценил ее как вероломное нарушение принципа взаимного доверия, которого он неуклонно придерживался как в своих личных делах, так и в проводимой им внешней политике[69].

Да, были еще в те годы благородные люди! Совершив акт морального мужества, Стимсон закрыл всякую финансовую поддержку «черному кабинету» и тем самым фактически прекратил его существование.

Уязвленное самолюбие Ярдли в какой-то мере было компенсировано выходом его книги. 1 июня 1931 года американское издательство «Боббс-Мерил-компани» опубликовало книгу Ярдли «Американский черный кабинет» объемом в 375 страниц, которая впоследствии была признана классической книгой по истории криптоанализа. Эффект от этой книги был такой, что во многих странах, в частности Японии ее запретили печатать, а правительство США даже подготовило специальный законопроект касавщийся защиты государственных секретов.

В некрологах, посвященных Ярдли (он умер от сердечного приступа в 1958 году) его называли «отцом американского криптоанализа».

---

[69] Кан Дэвид. «Война кодов и шифров. История четырех тысячелетий криптографии». М. «Рипол Классик». 2004. С. 346.

Глава II. Почтовая военная цензура, как средство контроля контрразведки в годы первой мировой войны

Россия вступила в первую мировую войну 19 июля 1914 года. Приспособление правительственного аппарата к войне нашло выражение, прежде всего в создании полевого военного аппарата с соответствующими изменениями в военных учреждениях в центре (Военное и Морское министерства) и на местах (военно-окружные управления). Следовательно, с началом войны был создан полевой военный аппарат.

Уже 24 июля 1914 года Совету Министров были предоставлены чрезвычайные полномочия: он получил право разрешать большинство дел самостоятельно от имени царя. С июля 1914 года по июнь 1915 года через Совет Министров прошли и были утверждены 285 чрезвычайных указов (всего за время войны их было утверждено 527)[70].

В условиях военного времени многие министерства были наделены чрезвычайными полномочиями. Это, прежде всего, касалось администрации, полиции, жандармерии и органов цензуры.

Почтовая и телеграфная цензура в военное время служила для предупреждения просачивания важной информации в письмах людей, не отдающих себе отчета в значении сообщаемых ими новостей. Считалось, что цензор разрушает козни предателей и агентов противника, которые пытаются передать по назначению добытые ими сведения. Но в эпоху мировой войны почтовая цензура сыграла еще более важную роль: она в совершенно неожиданной форме дополняла деятельность контрразведки, обнаруживала агентов и помогала раскрыть их методы работы; изучая письма, отправляемые в нейтральные страны, она собрала множество мелких данных, оказавшихся весьма ценными для военной и морской разведки.

Вопросы цензуры и перлюстрации корреспонденции имеют давнюю историю. Еще во время похода на Азию Александр Македонский узнав о недовольстве среди союзников и наемников проверил их весьма простым способом. Он объявил, что пишет письмо домой, и посоветовал своим полководцам, в том числе и наемникам, сделать то же самое. Когда курьеры отправились доставлять письма адресатам, он приказал остановить их и проперлюстрировать корреспонденцию. Таким нехитрым приемом он по-

---

[70] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. Высшая школа. 1983. С. 292.

лучил важную информацию о политическом состоянии в войсках. Перлюстрация сработала как один из приемов контрразведывательной работы.

Читать частные письма не чурался и великий Наполеон, уделяя этому занятию каждодневно некоторое время и понимая, что без знания истинного положения вещей невозможно эффективно управлять государством. А французский кардинал Ришелье был первым французом, который систематически стал нарушать неприкосновенность частной переписки. В истории сохранилось немало примеров того, что сановные особы, цари и короли, а также их военноначальники использовали это средство получения информации.

В Лондоне, в эпоху реставрации, знаменитый изобретатель сэр Самюэль Морланд поразил своих почитателей, сконструированным прибором, который открывал письма, а затем быстро и точно их копировал. Почтовая служба в Англии была в эту эпоху частным предприятием, взятым в аренду графиней Честерфильд; ее агент и управляющий, сэр Филипп Фрауд, назначил лондонским почтмейстером ловкого Джемса Хикса. Прибор Морланда открыто стоял на почте, и однажды король Карл II провел три часа, «с восторгом и большим удовлетворением» наблюдая за копированием писем, содержание которых, по всей вероятности интересовало его меньше, чем сама машина[71].

Снять копию с рукописного письма меньше, чем за две минуты без помощи фотографии и ксерокопирования являлось удивительным достижением в технике перлюстрации корреспонденции того времени. К сожалению, судьба прибора неизвестна, по официальным данным он погиб во время пожара. Хотя не исключена возможность, что правительство оценив уникальное изобретение, просто засекретило прибор.

Перлюстрация корреспонденции и цензуирование это две стороны одной медали. Различие заключается лишь в конспиративности этих действий. Если, к цензуированию прибегают более или менее открыто сообщая об этом нередко гласно, например во время военных действий, то перлюстрация всегда носила и носит строго секретный характер и является государственной тайной, следовательно, цензуирование это легализованная форма перлюстрации.

Когда в 1914 году в Европе разразилась первая мировая война, только две страны Россия и Германия располагали готовым штатом цензоров. Россия, к этому времени уже имела богатый исторический опыт. Французская военная морская цензура была создана в самом начале войны, а в Англии, у которой была самая большая корреспонденция в Европе,

---

[71] Роуан Р. Разведка и контрразведка. М. 1937. С. 53.

был полный хаос в первые недели августа 1914 года, когда они принялись за организацию этого отдела секретной службы.

Прибывающие в английские порты корабли доставляли огромное количество писем в новое помещение цензуры. Груда этих писем росла с ужасающей быстротой. Наскоро назначались люди, которым следовало разобраться с этим потоком писем. Причем среди них, как сообщала немецкая разведка, были три германских агента, главная опасность которой подвергались эти агенты, заключалась в переутомлении.

За несколько дней до начала военных действий один предусмотрительный английский чиновник задержал всю почту, которая как казалось ему, может иметь какой-либо интерес. Когда эта масса писем была разобрана и рассмотрена, то выяснилось, что среди этих писем, адресованных немецким и австрийским гражданам, была масса приказов о немедленной мобилизации и возвращении на родину. Эти приказы были переданы разведывательному отделу.

Исходя из этих документов, разведывательный отдел составил подробную сводку неприятельских частей, выступающих против Франции и России; все эти сведения были посланы в эти страны и явились первым предупреждением относительно сил выдвинутых против них. Ни разу в течение всей войны цензорам не удавалось собрать столько ценных сведений за такой короткий срок, как за эти две недели. Прочитывая сотни писем, цензор практически выискивал нередко всего лишь одну или две строчки, но являвшихся источником важнейшей информации. В течение первой мировой войны в Лондоне еженедельно подвергались перлюстрации сотни писем пакетов и газет. То же самое имело место и в Париже. 99 процентов этого материала оказывалось совершенно невинным, и лишь примерно один процент нес в себе ценную информацию. Но, из-за этого процента стоило работать. Если специалисты перлюстрирующие корреспонденцию не обнаруживали никаких следов невидимых чернил, или признаков кодированных или шифрованных сообщений, то эта почта снова запечатывалась и отправлялась по назначению. Если, какие-либо письма возбуждали сомнения, то их недолго задерживали. Увеличение срока задержки корреспонденции могло быть настораживающим сигналом людям, ведущим переписку. Естественно, что все подозрительные письма копировались и фотографировались самым тщательным образом. Письма и пакеты, казавшиеся подозрительными, но до конца не расшифрованными, в то же время не давшие никаких положительных результатов во время перлюстрации, задерживались на неопределенное время. В данном случае презумировалось, что отправитель агент разведки противника, но расшифровать его сообщение не представилось возможности. Чтобы не нанести больший вред, письмо или сообщение просто изымалось из почтового оборота.

В истории известны факты, когда бдительность английской почтовой цензуры, работавшей в контакте с контрразведкой, привела к обнару-

жению крупного германского разведчика по фамилии Мюллер. Однажды, в 1915 году лондонская цензура получила газету, адресованную в Амстердам, на полях этой газеты была обнаружена тайнопись. Сообщение гласило, что «С» отправился на север, и будет писать «из 201». На штемпеле было написано «Депфорд». Один из инспекторов Скотланд Ярда приступил к работе так, словно «С» обокрал банк или был убийцей, которого необходимо было поймать. Он обратился к полиции города Депфорда с запросом, на каких улицах города имеются такие дома под № 201. «Только на одной, гласил ответ. – На Депфорд Хай Стрит».

В этом доме английские детективы нашли некоего Петера Хаана, пекаря (английского подданного), который клялся, что никогда не делал странных надписей на полях газет, никогда не посылал газет в Голландию и вообще не знает кто такой «С». Однако при обыске у него нашли закругленное на конце перо и невидимые чернила. Хаана арестовали.

Пекарь упорно отказывался говорить, но его соседи охотно рассказали и вспомнили человека, который частенько захаживал к нему. По их описаниям, это был высокий человек, с хорошими манерами, судя по всему русский. Детективы обратились к списку лондонских пансионов, при этом их розыски привели в Блумсбери, где одна перепуганная хозяйка признала в этом описании своего постояльца – русского по фамилии Мюллер, и сказала, что он недавно уехал по личным делам в Ньюкастль. Действительно «С» оказался на севере.

Уже располагая всеми приметами, детективы, наблюдавшие за Нортумберландским портом, опознали Мюллера в поезде. Он был арестован и возвращен в Лондон под стражей. Он был действительно опасный разведчик. Его система пересылки полученной информации сама по себе являлась поразительным новшеством. Она могла очень долго оставаться необнаруженной. Он давал объявления в английские провинциальные газеты, а затем отправлял эти газеты своему голландскому корреспонденту.

Код, которым пользовался Мюллер, был в конце концов раскрыт дешифровщиками из английской контрразведки, из так называемой знаменитой «комнаты 40». И после казни Мюллера офицеры разведывательного отдела продолжали посылать немцам ложные сведения, пользуясь его методом.

Более того, британская разведка долгое время получала от немцев денежные переводы в качестве вознаграждения за эти сведения. Этот случай позволил контрразведке точно установить суммы, которые немцы платили своим агентам, и сроки получения этих сумм. После дела Мюллера британская секретная служба могла предупредить цензуру о необходимости отмечать получение подобных сумм, получаемых через регулярные промежутки времени какому-либо адресату из нейтральных государств.

Так, деятельность английской военной цензуры помогла в разоблачении немецкого агента[72].

Но, по мнению специалистов того времени, самой совершенной организацией почтовой цензуры были знаменитые «черные кабинеты» царской России. Сюда поступала главным образом корреспонденция высокопоставленных лиц; специальные чиновники открывали и прочитывали эту корреспонденцию, копировали и фотографировали ее и хранили в секретном порядке. В виду относительно ограниченного числа отправителей, считавшихся достаточно важными (перлюстрация еще не носила тотального характера), чиновники, комфортабельно устроившиеся в почтовой конторе, изучали образцы почерков до тех пор пока не приучились распознавать их по первому взгляду. Некоторые работники цензуры знали до 20 языков. Русские называли работу «черного кабинета» перлюстрацией.

Подозревая наличие перлюстрации корреспонденции, многие видные государственные деятели России не доверяли почте, отправляя корреспонденцию через доверенных лиц. Так, например, граф Игнатьев, в бытность свою киевским губернатором, неизменно посылал письма через своих доверенных людей, словно он являлся участником тайного заговора. Другой крупный государственный деятель, граф Витте, немало пострадал в начале своей карьеры потому, что ему ставили в вину его мнения по различным общественным вопросам, откровенно высказанные им в частной переписке.

Даже члены императорской фамилии не были свободны от подобного почтового наблюдения. Один из членов Государственной думы, по фамилии Суханов, в конце 1916 года сообщал, что в результате перлюстрации корреспонденции к нему попала телеграмма императрицы, которая устроила некого господина Патушинского нотариусом в Одессу, вследствие того, что с женой этого Патушинского имел интимную связь Григорий Распутин и хлопотал за него. Суханов говорил, что располагает подлинной телеграммой по этому поводу за подписью «Александра»[73].

«Черные кабинеты» имели свои отделения в Москве, Киеве, Одессе и других городах. Московское отделение называлось «тайной экспедицией» и состояло из начальника и восьми чиновников; киевское отделение располагало таким же штатом и было, по всей вероятности, наиболее активным из всех, так как его неутомимые чиновники были одновременно австро-германскими агентами. Если бы не обнаружение шпионажа в русской почтовой цензуре, то сегодня нам было бы гораздо меньше известно о ее тайной деятельности. Когда в киевском отделении «черного кабинета»

---

[72] Роуан Р. Разведка и контрразведка. М. 1937. С. 55.
[73] «Былое». 1918. № 2 (30) февраль. С.С. 148-149.

были обнаружены агенты противника, они были арестованы и отданы под суд. Но этот факт стал достоянием гласности.

Главный ответчик, Карл Зиверт, работал в цензуре около пятидесяти лет. Это был двойной или даже тройной агент, который проявлял удивительное безразличие ко всем политическим лагерям. Трое его главных помощников – Эдуард Хардак, Макс Шульц и Конрад Гузандер – были, подобно ему, по происхождению немцами, но давно уже жили в Киеве.

«Черный кабинет» в своей работе зашел так далеко, что просматривал даже почту местной тайной полиции.

В 1911 году Николай II посетил Киев (во время этого посещения в театре был убит П.А. Столыпин). Охрана царской свиты была поручена генералу Курлову, который приказал «черному кабинету» не трогать писем лиц из царской свиты. Зиверт не выполнил этого приказа.

На процессе Зиверта выяснилось, что он фотографировал письма, которые вдовствующая императрица писала адмиралам и главнокомандующим. Даже члены распутинской шайки не могли защитить своей переписки от Зиверта и его команды.

В ходе процесса было выяснено, что русские военные тайны Зивертом посылались в Вену еще до войны. Говоря о технике своей работы, он сообщил, что имел специальный электрический чайник, изготовленный немецкой фирмой, пар из которого использовался для открывания конвертов. Далее он пояснил, что многие письма копировались от руки; если какое-либо слово или подпись были неразборчивы, то они фотографировались, и снимок вклеивался в надлежащее место текста, причем все фотографические аппараты, тоже были получены из Германии.

Безусловно, внутренне все и всегда подозревали, что некая секретная государственная организация открывает наиболее важные письма. И поэтому они запечатывались особым способом, а именно нагретым воском. Специалисты по вопросам военной разведки в своих лекциях обычно рекомендовали использовать для вскрытия таких писем, нагретое лезвие тонкого ножа, так чтобы, не повредив письма можно было снять печать с конверта, а затем аккуратно возвратить ее на место. Однако, очень часто нагретый металл повреждал печать, тем самым оставался след на конверте и вскрытие письма уже не являлось тайной.

Господин Зиверт оказался гением в своем деле. Он изобрел новый технический способ вскрытия корреспонденции, не повреждая конверта и письма. Изобретение состояло из тонкой круглой палочки, диаметром в вязальную спицу, расщепленную вдоль примерно до половины. Палочка вводилась в запечатанный конверт у самого угла и проталкивалась до противоположного угла. Письмо попадало в щель на этой спице, а затем быстро наматывалось на нее. Затем осторожным движением вытаскивалось, так чтобы не повредить

печати. Прочитанное и скопированное письмо снова наматывалось на палочку, вкладывалось осторожно в конверт и разматывалось, после чего палочка снова вытягивалась обратно, а конверт у края разглаживался рукой. Письмо затем отправлялось по назначению в столь же хорошо запечатанном конверте, в каком оно поступало в «черный кабинет»[74].

Целью перлюстрации корреспонденции всегда являлось получение дополнительной, как правило тщательно скрываемой от посторонних глаз информации. Степень важности информации определялась значимостью того или иного государственного органа или должностного лица.

Как отмечают современники, всепроникающие органы департамента полиции охватили все сферы общественной жизни. В конце 1916 года не было ни одного учреждения, ни одной общественной группы, ни одного общественного слоя, в который бы не проникли тайные агенты департамента полиции. Были они и в Государственной думе. Причем, в Думе была даже не одна агентура, а целых две: одна агентура служила непосредственно Председателю Совета Министров, другая министру внутренних дел. Последняя была организована совершенно самостоятельно жандармским ротмистром Г.П. Берттольдом. Он получал все суммы, а департамент полиции знал только его. Действовала строгая система конспирации. Ежедневно он доставлял записки обо всех событиях думской жизни, о заседаниях как общих, так и комиссионных, о резолюциях, о решениях партий, о настроениях думских фракций, а также меморандумы по результатам перлюстрации корреспонденции получаемой в Думу. Анализировались также и разговоры, и слухи, циркулирующие в Думе.

Всюду проникал зоркий глаз ротмистра, и обо всем доносило его бойкое перо. Его донесения прочитывались директором департамента полиции, министром внутренних дел, а в особо важных случаях Председателем Совета Министров или даже царем.

Анализ этих документов показывает, что государь и правительство страны располагало информацией о жизни в стране, буквально по дням.

Так, в выписке из письма, адресованного в Государственную Думу из Могилева от 5 сентября 1916 года и перлюстрированного департаментом полиции отмечалось: «С самого начала все ожидали скорого окончания войны, но ожидания не оправдались, и дух не только общества, но и всего войска сильно упал. Мы не верим теперь в скорое и благополучное окончание войны... Дайте нам мир, вот лозунг теперешних солдат. Не давайте кредитов на дальнейшее ведение войны, мы устали страдать. Довольно и двух лет страданий. Дайте нам мир»[75].

---

[74] Роуан Р. Разведка и контрразведка. М. 1937. С. 57.
[75] «Былое». 1918. № 2 (30) февраль. С.С. 150-151.

Таким образом, если в конце XIX века перлюстрация корреспонденции носила выборочный характер (по принципу важности информации), то в начале XX века она принимает всеобъемлющий, тоталитарный характер. Вся жизнь общества находилась под зорким контролем государства и именно этой задаче была подчинена деятельность спецслужб. В день объявления войны, в России 20 июля 1914 года была установлена военная цензура и издано «Временное положение о военной цензуре». Военной цензуре подлежали всякого рода произведения печати, почтовые отправления и телеграммы, тексты и конспекты речей и докладов, предназначенных для произнесения в публичных собраниях.

Министру внутренних дел предоставлялось право запрещать публикацию сведений, касающихся внешней безопасности России или вооруженных сил или сооружений, предназначенных для обороны страны. Главнокомандующему командующему отдельной армией давалось право запрещать на определенный срок, собственной властью, в подчиненной местности, какие-то ни было собрания и приостанавливать повременные издания, а также передачу почтовых отправлений и телеграмм.

Фактически деятельность военных цензоров не ограничивалась задачами, которые были оглашены во «Временном положении». Их заботило не только сохранение военной тайны, но и контроль за мыслями и настроениями в армии и тылу (выделено – А.С.).

Они вымарывали и вырезали в письмах места, содержавшие любое отражение недовольства войной и тяжелым экономическим положением, любое проявление революционных настроений.

Фронтовики сетовали в письмах: «К нам письма теперь идут очень плохо – если мы отсылаем, то проверяются офицером и немного не в порядке – разрывают письмо»; «Письма я тебе пишу часто, но не знаю, почему не доходят»; «Хотелось бы написать много, но руки связаны цензурой. Приходится писать урывками, недомолвками, словом сдерживаться...»[76].

Представление о масштабах и размахе работы по перлюстрации корреспонденции дают цензорские отчеты писем военнослужащих с фронта в период 1915-1917 годов. На анализ содержания солдатских писем с фронта, в годы первой мировой войны, обращал еще внимание известный советский историк профессор М.Н. Покровский, считая их важным историческим источником, дающим представление о жизни, быте, настроениях и чаяниях русских солдат[77]. Часть писем солдат отложилась в фонде Казанской окружной военно-цензорской комиссии[78].

---

[76] Черняев В.Ю. «К изучению эпистолярных источников начала XX в. (контроль почтовой переписки). «Проблемы отечественной истории». М-Л. 1976. С. 148.

[77] См. Предисловие М.Н. Покровского к Сборнику солдатских писем. М-Л. 1927.

[78] Октябрь в Поволжье и Приуралье (Источники и вопросы историографии). Казань. 1972. С. 69.

Фонд состоит из отчетов цензоров 24 военно-цензорских пунктов Казанского военного округа. Отчеты составлялись по результатам перлюстрации солдатских писем и раз в неделю посылались в окружную военно-цензорскую комиссию. Перед цензорами стояла задача отражать состояние духа армии. Работа эта была чрезвычайно ответственная, поскольку тенденциозный подбор выдержек из писем, а также личное субъективное отношение цензора к войне могли серьезно исказить истинное положение вещей.

Назначение работы цензоров состояло также в задержании и конфискации писем выражающих бунтарские, антиправительственные настроения, писем со сведениями могущими «взволновать тыл». Военная цензура имела тесную связь с жандармским управлением, отправляла жандармам некоторые письма для дальнейшего ведения дела. Письма на нерусском языке копировались и подвергались переводу. Таким образом, аппарат цензуирования корреспонденции был поставлен на достаточно высокий уровень.

Перед цензором ставилась задача не обобщения писем (этим занимался начальник военно-цензорской комиссии), а приведение наиболее характерных выдержек показывающих состояние боевого духа армии.

Например, попытки Распутина попасть в Ставку вызвали угрозу великого князя Николая Николаевича повесить его. Так же резко отрицательно относился к нему и командующий русской армией генерал Алексеев.

Этим двум лицам, отмечает в своей работе Антон Иванович Деникин, мы обязаны всецело тем обстоятельством, что гибельное влияние Распутина не коснулось старой армии.

Всевозможные варианты по поводу распутинского влияния проникали и на фронт, и цензура собирала на эту тему громадный материал даже в советских письмах из действующей армии (выделено – А.С.)[79].

Яркой формой протеста против войны, являлось так называемое «братание солдат». В своих противниках – немцах, турках, австрийцах – русские солдаты начинают видеть товарищей по несчастью. «Они такие же люди, как и мы, и их жены, матери, отцы одинаково страдают, как и вы. Их, как и нас, послали толстопузые паны и начальники офицеры. Для них-то война нужна, а не для нашего брата», – писал солдат домой матери.

«Чуть ли не ежедневно сходимся с австрийцами, друг друга называем братьями, дают папирос, табаку, но наши офицеры сходиться не приказывают. Они желают очень мира, но наши не мирятся и говорят продолжать кровопролитие» – пишет другой солдат с фронта.

---

[79] Деникин А.И. «Очерки русской смуты». М. «Айрис-пресс». 2003. С. 115.

Интересным, в этом отношении, является анализ и перлюстрированной офицерской почты. Офицеры в своих письмах указывали на некоторое отличие «вновь поступающих солдат от прежних». «Теперешний солдат, которого покрутят в запасном полку два месяца, приезжает на позиции мужик мужиком и совершенно не понимает необходимости победы России над проклятым немцем, говорит и думает одно: надо скорее кончать войну».

В письмах, сообщающих о забастовках и бунтах в армии, выражается уверенность, что «ежели так дальше себя будут вести солдаты, глядишь скоро дождемся мира». Таких авторов цензор характеризует как «скромных» в своих намерениях. Наиболее «передовые» в письмах доходят до призывов к революции: «Нам нужна свобода и чтобы не министры правили страной, а народ, избранники народные, которые говорят всю правду народу»[80].

Письма не только уходили с фронта, в глубинку России, но и естественно приходили на фронт. Они тоже подлежали перлюстрации. Из этих писем становится известио, что весной и летом 1917 года, крестьяне, кое-где отбирают землю у помещиков, самостоятельно засевают ее. В воздухе пахнет революцией, и это будоражит крестьян. Резко возрастает дезертирство. Солдаты-крестьяне боятся, что дележ помещичьей земли произойдет без них. Майско-июньские письма свидетельствуют об изменениях в настроении солдат, в оценке событий. Ярко выражено недоверие к политике Временного правительства, выдвинувшего лозунг «Война до победного конца». Офицеры также отмечают изменения в настроениях солдат: «настроение солдат за последние дни очень изменилось. У нас теперь с отходом в тыл устраиваются митинги в полку и на первом, когда подняли вопрос о наступлении, то никто не хотел и слышать, а на нас сторонников наступления, посматривали очень косо и было много, которые пожалуй, не прочь были бы и расправиться с нами по-свойски»[81].

Анализ солдатских писем и военно-цензорских отчетов периода первой мировой войны 1914-1917 г.г. дают богатый материал для изучения динамики настроений солдатских масс. Эти отчеты являлись результатом перлюстрации солдатских писем, и раз в неделю посылались в Окружную Военно-цензорскую комиссию.

Например, Казанский военный округ, в рассматриваемый период времени имел 24 военно-цензорских пункта[82].

---

[80] Вахрушева Н.А. «Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915-1917 г.г.)». В сб-ке «Октябрь в Поволжье и Приуралье». Казань. 1972. С. 76.

[81] Вахрушева Н.А. Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915-1917 г.г.). В сб-ке «Октябрь в Поволжье и Приуралье». Казань. 1972. С. 76.

[82] Вахрушева Н.А. Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915-1917 г.г.). В сб-ке «Октябрь в Поволжье и Приуралье (источники и вопросы историографии)». Казань. 1972. С. 69.

Назначение работы цензоров состояло в задержании и конфискации писем выражающих антиправительственные настроения.

Письма, содержавшие наиболее острую критику войны и правительства, передавались в жандармское управление или в военную прокуратуру, где их открыто использовали как обвинительный материал.

В некоторых случаях, для острастки солдат, авторов крамольных писем подвергали жестоким наказаниям в самих воинских частях. «За эти письма у нас двое пошли под суд, – говорилось в солдатском письме на родину, – написали два слова, и стала проверять полковая цензура. Их пороли шомполом, 75 шомполов дали, построили весь полк, заставили их хлестать, и один умер за это самое»[83].

Таким образом, военная цензура сохраняла тесную связь с органами политического сыска, в частности с жандармерией. На основании анализа содержания солдатских писем составлялись цензорские отчеты, которые, по мнению жандармерии, являлись реальным отражением действительности. Отчет включал выдержки из писем и распределял просмотренную корреспонденцию в процентах по следующим разделам: патриотические, с пожеланиями скорого окончания войны, с жалобами на пищу, с бранью по адресу начальства, с сообщением сведений составляющих военную тайну.

Задача цензора была четко определена. От него не требовалось изложение своего понимания указанных явлений, наоборот, из перлюстрированной корреспонденции он должен был составить своеобразный дайджест, с сохранением языка и стиля автора письма. И лишь только вышестоящее начальство, например председатель военно-цензорской комиссии, готовил специальный меморандум о состоянии политического и боевого духа в армии.

Какие же вопросы затрагивались в этих личных письмах? Прежде всего, бытовые. Солдаты и низшие унтер-офицерские чины сообщали родным и близким о фактах недопоставки продуктов или некачественном их содержании, краже солдатских денег и пайков. «Хлеба выдавали мало, по ¼ фунта или по несколько дней не выдавали вовсе». Солдаты были вынуждены сами искать способы пропитания: «собирали на полях колосья ячменя и варили кашу, не было ни хлеба. Многие подохли с голоду»[84].

Если в письмах солдат с фронта основные жалобы шли по поводу снабжения, то солдаты тыловых гарнизонов описывают и условия нахождения в казармах. «Вшей, блох, клопов и всевозможных насекомых такая масса, что не успеваешь обираться. На нарах, устланных соломой, тесно, душно, грязно… Едим мы, – пишет солдат жене в Саратов, – из общего огромного жестяного таза, какие имеются в бане для мытья. Вчера в суб-

---

[83] Черняев В.Ю. «К изучению эпистолярных источников начала XX в. (контроль почтовой переписки)». «Проблемы отечественной истории». М-Л. 1976. С. 149.

[84] «Известие Казанского военно-окружного комитета». От 20 августа 1917 г. С. 4.

боту из этих тазов мыли потолки и полы в казармах; после их вымыли горячей водой, а вечером стали из них ужинать».

Велика была смертность от голода и болезней. «Погибают все больше молодые 17-18 лет. Старые солдаты как-то терпят, а молодые мрут каждый день с голоду человек 30» говорится в другом письме[*)].

Достаточно сложными были отношения между тыловой цензурой и фронтовой цензурой.

Тыловая цензура неоднократно жаловалась на отсутствие должной бдительности у фронтовой цензуры, пропускавшей в тыл явно революционные письма.

В свою очередь и во фронтовой цензуре раздавались голоса, требовавшие максимального усиления контроля за письмами гражданского населения, в которых недовольство тяжелым положением армии и тыла переросло к концу 1916 года в мнение о необходимости сокрушение «внутреннего врага», т.е. «спекуляции богатых людей».

Письма солдат сообщают о потере авторитета командного состава армии. Зреет открытое недовольство поведением офицеров, отношением их к солдатам. В письмах часто встречаются упоминания о предательстве офицеров, о рукоприкладстве. Непонятны солдатам и цели войны до победного конца над проклятым германцем.

Интересны в этом отношении и письма высшего руководства армии, в частности командующего Железной дивизией, генерала А.И. Деникина, которые вероятнее всего не подвергались перлюстрации. 10 (23) ноября 1915 г. в письме к своей невесте он пишет «...Вместо кровавых боев – нудная позиционная война с ее атрибутами; заплывшие водой окопы и сырые холодные землянки...»[85].

Безусловно, условия быта в ходе военных действий у командующего были гораздо лучше, чем у простых солдат, но и они не отличались особым комфортом. В другом письме с фронта от 16 (29) декабря 1915 года он сообщает: «Вот уже месяца четыре не имею своего угла. В одной комнате три-четыре человека. Конечно, памятуя о привилегиях начальнических, меня бы устроили лучше, но зато в ущерб другим.

Пишу ужасно нескладно, потому что три пары глаз смотрят под руку и три головы не без ехидства думают: что это генерал, письма которого отличаются телеграфической краткостью, пишет уже 4-ю страницу?»[86].

[*)] 31 июля 1914 г. Николай II подписал приказ о всеобщей мобилизации. В тот же вечер император Франц-Иосиф тоже подписал приказ о всеобщей мобилизации. 1 августа Германия объявила войну России, Австро-Венгрия объявила войну России 6 августа 1914 г.

[85] Марина Грей «Мой отец генерал Деникин». М. «Парад». 2003. С. 99.

[86] Марина Грей «Мой отец генерал Деникин». М. «Парад». 2003. С. 99.

Издевательства со стороны офицеров, вдобавок к ужасающим условиям быта вызывали у солдат самые разнообразные чувства: безысходность, подавленность, тоску, злобу.

Определяя свое настроение, как показывают перлюстрированные письма, солдаты пишут, что «скука одолела и какая-та злость». Солдаты не могут ясно разобраться и ответить на вопрос – кто виноват? «Приходиться много думать, – пишут они, – волноваться и нервничать и наконец приходить в такое отчаяние, что бросаешь все из головы и куда лихая вынесет»[87].

Впрочем, в политической ситуации того периода времени, не могли разобраться не только солдаты, но и генералы. Тот же генерал А.И. Деникин, в письме с фронта от 14 (27) мая 1917 г. сообщает своим родным: «Медленно, но верно идет разложение (армии – А.С.). Борюсь всеми силами. Ясно и определенно стараюсь опорочить всякую меру, вредную для армии, и в докладах, и непосредственно в столице. Результаты малые... Декларация воина-гражданина (Керенского) вколотила один из последних гвоздей в гроб армии, а могильщиков не разберешь: что они, сознательно или не понимая, хоронят нашу армию?

Ежедневно передо мною проходит галерея типов и фактически (лично), и в переписке. Редкие люди сохранили прямоту и достоинство. Во множестве хамелеоны и приспосабливающиеся. От них скверно. Много искреннего горя. От них жутко»[88].

Стихийные формы выступлений против непосредственного источника бедствий были разными и носили характер отрицания, разрушения – били кашеваров, которые варили плохую пищу, разбивали кухни, отказывались идти на позиции, так как часто, собственно идти было не в чем. Обмундирования на всех не хватало, нередко вместо сапог на фронт привозили лапти. В одном письме рассказывается, что однажды дивизия отказалась выходить на позицию, так как солдаты были ... «все раздеты»[89].

Если в начале войны вера в скорую победу над Германией, исходя из анализа почтовой военной цензуры была широко распространена, благодаря оголтелой правительственной пропаганде, то постепенно оптимистические настроения сменяются неверием в нашу победу. «Мы все отсту-

---

[87] Вахрушева Н.А. Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915-1917 г.г.). В сб-ке «Октябрь в Поволжье и Приуралье (источники и вопросы историографии)». Казань. 1972. С. 73.

[88] Марина Грей «Мой отец генерал Деникин». М. «Парад». 2003. С. 114.

[89] Вахрушева Н.А. Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915-1917 г.г.). В сб-ке «Октябрь в Поволжье и Приуралье (источники и вопросы историографии)». Казань. 1972. С. 74.

паем и отступаем, дела наши незавидные» – сообщается в одном письме. «Герман двигается за нами по пятам. Эта война хуже японской... Мы поставлены в такое положение, что немцы нас расстреливают из своих орудий, а мы принуждены молчать», – с горечью говорится в другом. Под влиянием тяжелой обстановки на фронте солдаты чаще стали задумываться о причинах войны и делать определенные выводы. В письмах 1916 года, нередко дается оценка ситуации «...богачи затеяли войну, чтобы нажиться за счет народа. Вот и неправильная эта война».

В письмах из дома на фронт тоже сообщается о непростой ситуации, в частности в Петрограде и Москве, о волнениях и забастовках в столицах, а это в свою очередь приводит к случаям дезертирства, которые принимают все более массовый характер и являются своего рода протестом против бессмысленной войны. Антивоенные настроения в армии нередко приводят и к братанию с противником, чему препятствуют офицеры.

В конце лета 1917 года армия начинает разваливаться на глазах, что видно и из писем высших ее руководителей. Большевистская пропаганда окончательно разложила армию. Солдаты отказываются подчиняться офицерам, растет количество расстрелов за неповиновение, что еще больше подливает масла в огонь. Повсюду возникают солдатские полковые комитеты, которые фактически руководят армией. Хаос, беспомощность командования, постепенный переход власти в армии к комиссарам

Так можно охарактеризовать ситуацию в войсках русской армии летом-осенью 1917 года.

В письме домой командующий Юго-Западной армией генерал-лейтенант А.И. Деникин пишет 29 августа (11 сентября) 1917 года: «Родная моя, начинается новый катастрофический период русской истории (выделено – А.С.). Бедная страна, опутанная ложью, провокаторством и бессилием. О настроении своем не стоит говорить. «Главнокомандование» мое фиктивно, так как находится под контролем комиссаров и комитетов.

Невзирая на такие невероятные условия, на посту своем останусь до конца. Физически здоров, но сердце болит и душа страдает.

Конечно такое неопределенное положение долго длиться не может. Спаси Бог Россию от новых смертельных потрясений...»[90].

Генерал был прав, вскоре, в октябре 1917 года в России произошел вооруженный переворот, в ходе которого, удачно воспользовавшись ситуацией, большевики надолго захватили государственную власть.

На основе перлюстрированных писем военные цензоры составляли отчеты (сводки) и выборки из писем. Иногда к отчетам прилагались и таблицы.

---

[90] Марина Грей «Мой отец генерал Деникин». М. «Парад». 2003. С. 116.

Так, к отчету военно-цензорского отделения штаба 12-й армии от 19 января 1917 года была приложена «Таблица настроения армии в процентном отношении бодрых, угнетенных и безразличных писем за период с 15 октября 1916 г. по 1-е января 1917 г.». Из нее следует, что средний процент «бодрых», по мнению цензоров писем возрос с 3,8% до 7,4%; «угнетенных» писем увеличился с 1,3% до 1,9%, а «безразличных» – сократился с 94,8% до 90,7%.

Эти отчеты составлялись не только для осведомления руководства армии, но и контрразведывательные отделения использовали их для составления докладов о настроениях населения и воинских частей[91].

Таким образом, цензорские отчеты периода 1915-1917 г.г. отражают рост недовольства в армии, постепенное ее разложение в результате большевистской пропаганды. И если февральская революция несколько ослабила внимание цензуры к солдатским письмам, то письма марта-октября 1917 года свидетельствуют о формировании четких классовых взглядов и интересов. И анализ перлюстрированной корреспонденции показывает динамику настроений солдатских масс от Февраля к Октябрю 1917 года.

Всякий опыт может быть полезен, а особенно в такой важной сфере как наблюдение за умонастроением людей. Наверное, в связи с этим один из бывших царских перлюстраторов И. Зорин в феврале 1919 года обращается уже в правительство Советской России с предложением использовать приемы политического сыска царизма. В частности он пишет: «В настоящее время в Советской России имеется орган Военной цензуры, деятельность которого мне мало известна, но тем не менее насколько я знаю, вопросы о перлюстрации затрагивались соответствующими организациями и как и на каком уровне стоит это дело (подчеркнуто – А.С.) пока говорить не могу, но чтобы поставить перлюстрацию на должную высоту, я полагаю, что в черном кабинете можно кое-чему нашему брату советскому работнику поучиться, так как опыт показал, что со старыми методами борьбы царского правительства, мы все-таки иногда считаемся. Признавая ценность содержимого «черного кабинета» безусловно для современного положения и вообще для советской России колоссальной, я считаю своим гражданским долгом коммуниста, довести до сведения своих стоящих в верхах политических работников»[92].

И этот голос был не только услышан правительством страны, но и учтен, как и весь предыдущий опыт политического сыска царской России.

---

[91] Черняев В.Ю. «К изучению эпистолярных источников начала XX в. (контроль почтовой переписки)». «Проблемы отечественной истории». М-Л. 1976. С. 150.
[92] Центральный архив ФСБ РФ. Ф. (8) 1. Оп. 3. Ед. хр. 18. Л.Л. 1-5. Обзор И. Зорина «Перлюстрация корреспонденции при царизме».

Анализ перлюстрированной корреспонденции армии в 1915-1917 г.г. показывает нарастание революционных тенденций, недовольство существующим строем, требование ответа на многие злободневные вопросы жизни. Февральская революция несколько ослабила цензуру к солдатским письмам с фронта. Вместе с тем, расширяется круг вопросов связанных с интересами солдат. Особое значение приобретает вопрос о земле, требованием немедленно закончить войну, демократизировать армию, ввести выборность военных чинов. И, наконец, письма осени 1917 года уже четко отражают классовое разделение солдатской массы и немалую роль здесь сыграла пропаганда большевиков сделавшая все, чтобы окончательно разложить царскую армию.

Россия накануне нового этапа истории, начавшего отчет уже новой эры – социалистической. Но, отказаться от желания заглянуть в частную жизнь, путем тайного вскрытия корреспонденции не могли и большевики.

В заключении можно отметить, что в начале XX века, в дореволюционной России, в связи с изменившейся политической ситуацией, происходит переход от эры «черных кабинетов», первостепенной задачей которых являлся политический сыск, к военной почтовой цензуре, основной целью которой было улавливание настроений, контроль обмена мыслями и информацией, воспрепятствование распространению революционных идей, т.е. функция перлюстрации принимает все более контрразведывательный характер.

Глава III. Тайный политический контроль в первые годы советской власти 1917-30е годы

В 1917 году в России началась новая жизнь, пришла иная мораль. Во многом это была мораль старая, только сложилась она не в эксплуатирующих, а в эксплуатируемых массах. Простой человек и до революции уважал труд, честность, скромность. Новый строй выбрасывал на свалку алчность, корысть, продажность, взаимную ненависть по расовым, религиозным и национальным признакам. Новая власть хотела вообще стереть как можно больше граней между людьми, оставленных «проклятым прошлым». Она старалась стереть их между трудом и капиталом, между городом и деревней, между умственным и физическим трудом и т.д.

Должна была остаться одна большая грань: между труддщимися и нетрудящимися…[93]

Новый социальный строй, согласно теоретическим воззрениям В.И. Ленина, должен был уничтожить старые одиозные институты царской власти, как и весь карательный аппарат. Действительно, в первые дни революции, были упразднены органы тайной полиции, так называемая «охранка», жандармерии, прокуратуры и даже демонтированы некоторые тюрьмы.

Но, уже вскоре большевики поняли, что без заглядывания в частную переписку граждан им не обойтись. Вопрос о тайне переписки не поднимался в конституционных актах советского государства до 1936 года. Ни в Конституции РСФСР 1918 года, ни в позднейшей Конституции СССР 1924 года и Конституции РСФСР 1925 года об этом ничего не говорится. Но, в сталинской Конституции 1936 года, имевшей большое международное политическое значение, вопрос о личных правах граждан СССР обойти уже было нельзя. Поэтому статья 128 торжественно объявляла, что в СССР тайна личной переписки охраняется законом. С целью отвлечения внимания от этой проблемы, и для пущей убедительности во втором издании Большой Советской Энциклопедии было дано определение перлюстрации. Тем самым как бы подчеркивалось, что тайное вскрытие государственными органами частной корреспонденции, функция буржуазной государственной машины, но никак не социалистической. Тема сразу же была оку-

---

[93] Андреевский Г.В. «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху 1920-1930-е г.г.». М. «Молодая гвардия». 2003. С. 504.

тана глубокой тайной, отсюда и отсутствие каких-либо публикаций. И лишь, в начале 90-х годов появились первые публикации, посвященные этой проблеме. Среди работ на эту тему крупнейшими и обстоятельными являются работы профессора Измозика В.С.[94] Ряд других работ были изданы очень маленьким тиражом в первые годы советской власти, либо вообще за рубежом и поэтому отсутствуют в библиотеках России[95]. Вместе с тем, тема заслуживает пристального внимания, поскольку дает возможность заглянуть в глубины политического механизма социалистического государства.

Несмотря на то, что в своих теоретических постулатах В.И. Ленин указывал на необходимость разрушения угнетательной части карательного аппарата царской России, многие структурные механизмы этого аппарата были оставлены в неприкосновенности. Это касалось и политического контроля за жизнью граждан нового социалистического государства. Более того, штат чиновников занимавшихся ранее перлюстрацией корреспонденции остался в полной сохранности.

Первоначально эти функции в центре были возложены на Экономическую секцию Управления военного контроля в Петрограде, которая занималась перлюстрацией корреспонденции международного характера. В условиях правового хаоса и нестабильной политической обстановки анализ перлюстрированных материалов отправлялся и предлагался различным потребителям, в том числе и хозяйственным органам. Однако, естественно наибольший интерес, к этой информации проявила Петроградская ЧК, которая не только отметила ценность представляемой информации, но и просила в дальнейшем проводить эту работу.

Еще больше дух подняло перлюстраторам корреспонденции законодательное закрепление их деятельности. 22 июня 1918 г. Управление делами Совнаркома РСФСР отправил официальное отношение Управлению военного контроля, в котором отмечалось «Свидетельствуя получение ваших отношений за №№ 3738 и 3742 имею честь по поручению Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ульянова просить Вас энергично (подчеркнуто – А.С.) продолжать Вашу деятельность в борьбе со спекуляцией, шпионажем и контрреволюцией и доставлять со-

---

[94] Измозик В.С. «Политический контроль в Советской России 1918-1941 г.г.». Автореф. док. дисс. М. МГПУ им. В.И. Ленина. 1995; «Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России 1918-1928 г.г.». С-П ун-т экономики и финансов. 1995; «Перлюстрация в первые годы советской власти». «Вопросы истории». 1995. № 8. С.С. 26-35.

[95] Майский С. «Черный кабинет» из воспоминаний бывшего цензора». Пг. 1922; Авзегер Л. «Я вскрывал ваши письма: из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ». «Время и мы». Нью-Йорк и пр. 1980. №№ 55, 56.

ответствующие сведения секретными пакетами на мое имя, а также широко информировать и завязать сношения с Всероссийской Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, помещающейся в Москве на Большой Лубянке, 11. Секретарь Совета Народных Комиссаров Н. Горбунов»[96].

Данный документ можно рассматривать как официальное признание деятельности царских перлюстраторов новым советским правительством. Деятельность, которая сразу же приобрела совершенно секретный характер.

Вероятно, что первым органом, проводившим перлюстрацию корреспонденции в советской России было Управление военного контроля. Сотрудники военно-контрольного бюро просматривали и анализировали простую и заказную международную корреспонденцию, проходившую через Петроград. Задачей контроля было выделение писем и телеграмм криминального и подозрительного характера, с точки зрения охраны государственности. Действовал следующий порядок прохождения корреспонденции через цензуру: корреспонденция приходила с почтамта, предварительно рассортированная почтовыми чиновниками, в присутствии дежурных почтовых контролеров. Они следили за тем, чтобы вся корреспонденция подлежала читке, поступала полностью на просмотр. Кстати, идея тотального, всеобъемлющего характера перлюстрации будет иметь тенденцию и в дальнейшем, особенно в годы Великой Отечественной войны, чего мы коснемся позже.

Простая корреспонденция подавалась в мешках по приблизительному подсчету писем. Заказные письма поступали с описями, составленными на почтамте. После проверки количества писем в каждой пачке они передавались в Стол для обработки по секретным спискам (перечням лиц, чьи письма подлежали обязательной перлюстрации) доверенным сотрудникам. Остальные письма поступали «через руководителей в читку по группам военных контролеров». По прочтению письмо оклеивалось «заклейками теми же военными контролерами, которые их вскрывали», а сверху ставился штамп контролера.

Таким образом, существенным отличием почтовой военной цензуры, от перлюстрации являлся ее открытый характер. Более того, письмо даже проштамповывалось военным цензором. Следующим этапом являлась сортировка писем, на те которые подлежали задержанию и те которые направлялись адресату немедленно. По задержанным письмам составлялся меморандум, ответственность за составление которого ложилась на осве-

---

[96] Измозик В.С. «Перлюстрация в первые годы советской власти». «Вопросы истории». 1995. № 8. С. 27.

домителей, находившихся при каждом отделе. Кроме этого осведомитель должен был составлять и месячный отчет, как по осведомительной, так и по экономической части. Деятельность осведомителей контролировалась в специальном проверочном отделе. Следовательно, существовал еще и дополнительный контроль.

Поскольку общих инструкций еще не существовало, практика работы отделений военной цензуры в различных городах была различной. Например, в Москве осведомители не были распределены по группам и составляли «отдельный стол», на который передавались все меморандумы. В октябре 1918 года при Полевом штабе Реввоенсовета Республики (РВСР) был создан военно-цензурный отдел, входивший по ноябрь 1919 года в Регистрационное Управление (тогдашнее название Разведывательного Управления РККА). Согласно приказа РВСР от 27 ноября 1919 года отдел стал самостоятельным при РВСР, подчиняясь непосредственно комиссару Полевого штаба. 23 декабря 1918 г. РВСР утвердил «Положение о военной цензуре», вводившее контроль над всей печатной продукцией, радио, телеграфом и телефоном, а также просмотр международной и «по мере надобности внутренней почтово-телеграфной корреспонденции», «контроль над переговорами по иногороднему телефону». Так было положено начало не только просмотру корреспонденции, но и тайному прослушиванию телефонных разговоров.

Согласно Положению отмечалось, с целью сохранения военной тайны учреждается Военная цензура, которая производит предварительный осмотр всех произведений печати, рисунков, фотографических и кинематографических снимков, предназначенных к выпуску в свет, в коих собираются сведения военного характера; просмотр в виде контроля, вышедших в свет произведений указанных в пункте «а»; предварительный осмотр предположенных к опубликованию всякого рода официальных сообщений и проч., содержащих военные сведения; просмотр международных и по мере надобности внутренних почтовых отправлений и телеграмм; просмотр материала, указанного в пункте «а», при перевозе его через границу Республики; контроль над переговорами по иногороднему телефону[97].

19 декабря 1918 г. решением ЦК РКП(б) на базе Военного контроля Реввоенсовета и армейских (фронтовых) чрезвычайных комиссий был создан Военный отдел. 1 января 1919 г. он был переименован в Особый отдел (ОО) при ВЧК и стал единым органом для «борьбы со шпионажем, изменой родине и другими контрреволюционными преступлениями в Красной Армии. Положение об Особых отделах при ВЧК было утверждено ВЦИК в феврале 1919 г.

---

[97] СУ РСФСР. 1918. Отд. 1. № 97. Ст. 987.

Вероятнее всего именно этот отдел занимался вопросами перлюстрации корреспонденции...

Структура центрального аппарата ВЧК на 1 января 1920 г. имела следующий вид:

Президиум ВЧК

Отделы: ОО, СОО, ТО, Инструкторский, Регистрационный...

25 мая 1920 г. Регистрационный отдел был переименован в Регистрационно-статистический отдел. 13 сентября 1920 г. Приказом ВЧК № 112 было организовано Управление делами (УД) ВЧК, его начальником стал Г.Г. Ягода, при этом он по совместительству оставался Управляющим делами ОО ВЧК.

В 1921 г. были заложены основы дальнейшего развития структуры центрального аппарата ВЧК-ГПУ. Приказом АОУ № 9 от 14 января 1921 г. было образовано Секретно-оперативное Управление (СОУ), его штат и расстановка кадров вводились с 01.01.21 г. Регистрационно-статистическое отделение возглавлял Роцен. В составе Особого отдела было несколько десятков спецотделений, которые вели контрразведывательную работу против стран Востока, «Антанты», против белых офицеров и др.

Приказом по УД (Управление делами) ВЧК № 75 от 28 марта 1921 г. отделение обработки материалов было выделено из Оперативного отдела и на его основе создан Информационный отдел (ИНФО) начальником был назначен Стуков. В задачи ИНФО входила систематизация и обработка материалов, полученных с мест в виде сводок о политическом, экономическом положении во всероссийском масштабе. Кроме того, в составе ИНФО имелся подотдел Военной цензуры.

Согласно утвержденной позднее инструкции для местных органов ВЧК-ГПУ источниками составления информационных сводок являлись: 1) аппарат осведомителей в учреждениях и предприятиях; 2) доклады уполномоченных ВЧК-ГПУ; 3) регистрация (количественный учет событий: происшествий, аварий, крушений, пожаров, взрывов); 4) следственный и агентурный материал; 5) материал прессы; 6) материалы перлюстрированной корреспонденции.

21 сентября 1921 г. начальником ИНФО был назначен Б.Б. Бортновский. 22 ноября 1921 г. начальником подотдела Военной цензуры ИНФО был назначен Б.Е. Этингоф, а прежний начальник Вербо стал его помощником.

1 марта 1922 г. В.Ф. Ашмарин был назначен начальником ИНФО. Бывший начальник ИНФО Б.Б, Бортновский 23 января 1922 г. переведен на должность заместителя начальника ИНО.

Приказом УД ГПУ № 88 от 21 июня был введен штат Отдела политконтроля (ПК) в составе Секретно-оперативного управления (СОУ). На-

чальником отдела был назначен Б.Е. Этингоф. Этот отдел, организованный на базе военно-политической цензуры, контролировал почтово-телеграфную и радиотелефонную корреспонденции.

1 мая 1923 г. Б.Е. Этингоф был освобожден от должности начальника Отдела ПК, а И.З. Сурта назначен.

Приказом АРУ ГПУ № 225 от 4 ноября 1925 г. Отдел политконтроля и ИНФО с 1 ноября были объединены в один отдел – Отдел информации и политконтроля. (ИНФО И ПК). Смысл слияния заключался в том, что оба отдела занимались одним делом – сбором информации, только черпали ее из разных источников.

Новый штат и расстановка руководителей объединенного отдела выглядели следующим образом:

Начальник ИНФО и ПК (Г.Е. Прокофьев);

Помощники начальника ИНФО и ПК (Н.Н. Алексеев, А.С. Буцевич, С.Н. Маркарьян, А.И. Медведев);

Секретарь ИНФО и ПК (И.Ф. Соловьев);

- 1 отделение (М.З. Андреев);
- 2 отделение (Б.Е. Найман);
- 3 отделение (А.П. Крымский);
- 4 отделение (А.Г. Лундин);
- 5 отделение (В.В. Артишевский).

15 июля 1926 г. Г.Е. Прокофьев был освобожден от должности начальника ИНФО и ПК ОГПУ, а Н.Н. Алексеев назначен на эту должность, где он проработал до 1 января 1930 г., после чего был назначен в Центрально-Черноземную область на должность Полпреда ОГПУ. 4 февраля начальником ИНФО и ПК ОГПУ был назначен И.В. Запорожец, ранее работавший помощником начальника этого отдела.

Приказом ОГПУ № 95/54 от 5 марта 1931 г. были слиты ИНФО ПК и СО (секретный отдел) в один отдел – Секретно-политический (СПО).

Руководители ОГПУ эту реорганизацию объясняли необходимостью усиления агентурно-оперативной работы «по активизирующим контрреволюционным элементам города и деревни» и необходимостью улучшения постановки дела политинформации «путем использования данных не только информационной сети города, но и данных, полученных в результате оперативной деятельности». При этом функции перлюстрации корреспонденции (ПК), выполнявшиеся ранее ИНФО, были переданы в Оперод.

Приказом ОГПУ № 97/56 от 5 марта 1931 г. Оперод был выведен из состава Секретно-оперативного управления в самостоятельный отдел. Функции «ПК» (почтово-телеграфный контроль), выполнявшиеся ранее 3-м отделением ИНФО, были полностью переданы во вновь организуемое отделение Оперода (Оперативного отдела).

Приказом ОГПУ № 98/57 от 5 марта 1931 г. существующие в составе Особого отдела отделы были переименованы в отделения.

С учетом новых задач, возложенных на Оперод, с 1 июня 1931 г. была пересмотрена структура этого отдела (объявлена приказом ОГПУ № 308/183 от 10 июня 1931 г.). При этом: 2-е отделение (разведка наружного наблюдения) было переименовано в 1-е; 6-е отделение (отделение контроля) было переименовано во 2-е...

Начальников Оперода был назначен К.В. Паукер, помощники начальника Оперода (А.М. Ершов, М.М. Алиевский, А.Р. Формайстер). Сотрудники для особых поручений (А.С. Павлов, М.П. Алдохин); Секретариат (А.А. Эйхман). Функции отделений распределились следующим образом: 1-е отделение (наружное наблюдение, негласные аресты, негласная охрана миссий и посольств) (Г.В. Голов); 2-е отделение («ПК» - контроль почтовых отправлений по заданиям отделов и контроль для выявления настроений населения, армии, крестьянства в т.д.)[98].

Разрастание структуры аппарата органов государственной безопасности можно объяснить расширением объема негласной работы, в том числе и по перлюстрации корреспонденции. Пытаясь получить истинный срез политических настроений в обществе руководство страны требовало увеличения объема перлюстрированной корреспонденции стремясь довести его до тотальной. Эта тенденция имела место и в последующий военный период.

Начальником отдела военной цензуры до конца декабря 1919 года был Я.А. Грейер. В обязанности отдела военной цензуры среди прочего входила «информация правительственных учреждений и доставление заинтересованным органам сведений, могущих быть полезными в деле ведения борьбы со злоупотреблениями, наносящими вред интересам Республики». В отдел входили военно-цензурные отделения при отделах военного контроля военных округов, военно-цензурные пункты при отделениях военного контроля губернских военных комиссариатов и местные военные цензоры. В июне 1919 года окружные военно-цензурные отделения получили название «Отделения военной цензуры почт и телеграфов»[99].

Позднее разрабатываются штаты новых учреждений и появляются первые инструкции, касающиеся характера работы. Общая численность персонала для осуществления перлюстрации (без технического состава) должна была составить по всей Советской России около 1 000 человек.

---

[98] Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник. М. 2003. С.С. 18-51.

[99] Измозик В.С. «Перлюстрация в первые годы советской власти». «Вопросы истории». 1995. № 8. С. 28.

Инструкции устанавливали и сроки просмотра корреспонденции. Для открыток на русском языке «два дня со времени поступления в Военный контроль», «для открыток на иных языках и писем три дня, для телеграмм – 4 часа». При вскрытии заказных отправлений требовалось составлять акт, а на оболочке простых писем и на телеграммах делать отметку «Просмотрено военным контролем».

Видимо ценность получаемой таким образом информации, породила у руководителей молодой советской Республики идею о расширении сферы деятельности и установлении негласного политического контроля и над гражданским населением страны. Этот контроль уже сочетался и с элементами политического сыска. В этом отношении любопытный материал представляют перлюстрированные письма эпохи гражданской войны. Они показывают истинное положение дел. Отношение крестьян и рабочих к новой власти, к войне и миру, к новым политическим ценностям. Тем самым, как бы приоткрывают завесу над понятием «загадочной русской души».

Анализ этих писем показывает, что порядочные люди были в обоих лагерях, были благородные белые и негодяи авантюристы красные, и там и там были садисты и преступники.

Исходя из поставленных задач и секретного характера работы, военная цензура создавалась как строго централизованное ведомство. Центральному Военно-цензурному отделу (ВЦО) подчинялись военно-цензурные отделения при реввоенсоветах армий, а также местные отделения контроля печати, радио, почты и телеграфа. ВЦО определял их численность, местонахождение и осуществлял контроль за их деятельностью.

Порядок работы каждого цензурного органа регулировался специальной инструкцией. Так, цензуирование военной корреспонденции производилось на основе общей Инструкции почтово-телеграфных военно-цензурных отделений и специальных Правил для цензурования корреспонденции из Красной Армии и в Красную Армию. В соответствии с этими документами все письма подлежали перлюстрации. При этом подчеркивалось, что цензура красноармейской корреспонденции есть учреждение абсолютно секретное и разглашение малейших сведений о ее организации и деятельности карается судом Революционного трибунала[100].

Рассмотрим, что собой представляла внутренняя организация и характер деятельности этого секретного органа. Каждое военно-цензурное отделение имело несколько рядовых цензоров, контролера и начальника.

---

[100] Давидян И., Козлов В. Частные письма эпохи гражданской войны (по материалам военной цензуры). В кн.: «Неизвестная Россия, XX век». Вып. 2. М. 1992. С. 203.

Цензор получал в начале дня от контролера определенное количество писем для просмотра, а в конце дня сдавал ему готовую работу. В связи с тем, что инструкции запрещали задерживать письма более чем на 24 часа, количество писем выдавалось с расчетом возможности прочтения в указанное время. При отборе придерживались пропорционального представительства писем из разных регионов и армий страны. Цензор был обязан вскрывать письма крайне осторожно, и после прочтения тщательно заклеивать. Любые пометки и вымарки в тексте строго запрещались. «Процедурные» вопросы решал обычно сам контролер.

Если при чтении письма цензору попадалось письмо, содержание которого казалось ему откровенно контрреволюционным или имеющим тайный смысл, то он его обязан был откладывать, а затем передавать начальнику отделения. Начальник мог такое письмо конфисковать и направить в Особый отдел ВЧК, а копию в ВЦО. Конфискации подлежали также письма, содержащие шпионскую (в том числе шифрованную) информацию, различные сенсационные слухи, а также пропаганду антимилитаризма.

Кроме выявления писем запрещенного содержания, цензор должен был делать выписки (они назывались «меморандумы») из просмотренной корреспонденции, дающие представления о настроениях в Красной Армии и в тылу, морально-политическом состоянии войск и населения, об их отношениях к войне, командованию и к Советской власти и т.п. Все выписки классифицировались (дата, место отправления письма, воинская часть, если отправителем был красноармеец), и затем составлялись сводки по темам (военная сводка, политико-экономическая, сводка о дезертирстве) и районам (губернии или фронты).

Два раза в месяц (к 1 и 15 числу) эти сводки препровождались в ВЦО, а также политотдел РВС армий, в районе действия которой было расположено данное военно-цензурное отделение. В ВЦО сводки соответствующим образом обрабатывались и из них составлялись краткие тематические обзоры, которые наряду с копиями самих сводок отправлялись дальше, в секретариат РВСР и ЦК РКП(б)[101].

Обладание информацией всегда являлось основой управления, независимо каким путем она была получена. Поэтому особый интерес представляли письма бывших политических соратников по революционной борьбе: левых эсеров, левых коммунистов и т.д. Значительная часть которых в начале 20-х годов уже находилась в пенитенциарных учреждениях Советской России.

---

[101] Давидян И., Козлов В. Частные письма эпохи гражданской войны (по материалам военной цензуры). В кн.: «Неизвестная Россия, XX век». Вып. 2. М. 1992. С. 204.

В Инструкции ВЧК от 10 мая 1920 года за № 11943 Председателю Пермского губчека «По содержанию левых эсеров числящихся за секретным отделом ВЧК» прямо устанавливалось «Ни одно письмо от заключенного на волю не должно быть отправлено им непосредственно не пройдя тюремной цензуры, при чем необходимо снять копию такового и переслать в секретный отдел ВЧК»[102]

Вместе с тем, говорить об истинной объективности информации полученной путем перлюстрации корреспонденции вряд ли возможно. Она обрабатывалась людьми, которые составляли меморандумы и которые не были лишены человеческих качеств. Подборка и анализ писем могли носить вполне тенденциозный характер и, прежде всего, зависели от личности самого цензора. Они не были вольны изменить содержание того или иного письма, но подбор выписок мог быть составлен так, что рисовал более или менее мрачную картину жизни. И даже тот факт, что эти сводки перепроверялись еще раз, не мог быть гарантией их объективности.

Получаемая информация от военных цензоров, вероятно, навела на мысль, о создании всеобъемлющей системы политического контроля всего населения Советской России. Приказом РВСР от 12 июля 1919 года предусматривалась новая структура органов цензуры почт, телеграфов, радио и телефона. Намечалось и восемь видов почтовой цензуры: I) отделение почтово-телеграфного, радио и телефонного контроля в Отделе военной цензуры – 25 человек (старших контролеров – 3, контролеров – 20, шифровальщик – 1, химик лаборант – 1; II) почтовые подотделения Московского и Петроградского отделения военной цензуры: соответственно 212 и 233 человека (начальников – 15, знающих не менее трех иностранных языков – 30, менее трех – 120, один шифровальщик, 10 заклейщиков; для телеграфа: 4 начальника, 20 цензоров, далее – прикомандированные из почтово-телеграфной конторы и химик лаборант); III) при РВС фронтов – 27 сотрудников; IV) при РВС армий – 22; V) в военно-цензурных пунктах при полевых почтовых конторах штабов дивизий – 4; VI) в отделениях военной цензуры почт и телеграфов группы «А», пропускавших в сутки более 10 тысяч почтовых отправлений – 89; VII) в отделениях военной цензуры почт и телеграфов группы «Б», пропускавших в сутки 5-10 тысяч отправлений – 46; VIII) отделения военной цензуры почт и телеграфов группы «В», пропускавших менее 5 тысяч отправлений в сутки – 22 человека.

Следовательно, в перлюстрации корреспонденции в России, в 1919 году должно было участвовать, по мнению проф. В.С. Измозика, не менее 1 000 человек[103].

---

[102] Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 19.
[103] Журнал «Вопросы истории». 1995. № 8. С. 29.

Деятельность по перлюстрации корреспонденции в Советской России получает нормативно-правовую регламентацию с марта 1919 года. Издаются различного рода Инструкции: «Схема движения писем в отделении ВЦ почт и телеграфов», «Правила для цензурования корреспонденции из Красной Армии», «Правила цензурования корреспонденции, идущей в Красную Армию», «Правила для контролеров военно-почтового контроля», «Ведомость о раздаче писем» и т.п.

Механизм перлюстрации раскрывает «Схема движения писем в отделении ВЦ почт и телеграфов». Согласно Инструкции заказные письма распределялись по группам: красноармейские, официальные, международные и частные. Затем корреспонденцию передавали на секретный стол, где ее просматривали по адресам. Письма на имя лиц, значившихся в секретных списках ВЧК, поступали к начальнику стола. В эти списки включались фамилии лиц, деятельность которых оперативным путем контролировалась органами государственной безопасности. По отобранным таким образом письмам составлялся список с указанием номеров писем (без указания адресов и фамилий). Это была своего рода защита от расшифровки фигуранта, которым занималось ВЧК. Эти письма, как и остальную корреспонденцию, возвращали на стол № 1. «Международную корреспонденцию на неизвестных языках» в тот же день отправляли в Московское отделение. Все письма адресатов значившихся в поименных списках, начальник секретного стола тотчас пересылал «нераспечатанными в то учреждение, по спискам которого они задержаны».

Стол № 1 передавал письма под расписку цензорам-руководителям (стол № 3) те цензорам (стол № 4), оставив себе не менее 50%. В обязанности цензоров-руководителей входили контроль за работой подчиненных, проверка меморандумов и составление по ним ежедневной сводки. Письма с меморандумами передавались на осведомительный стол (№ 7), а оттуда «в соответствующие учреждения». Осведомительный стол составлял общую сводку по данным цензоров-руководителей. Был еще и стол № 5 контролировавший работу. Дальнейшим пунктом движения был стол № 6 (заклейщики), где «приводят конверты в первоначальный, по возможности, вид, тщательно их заклеивают и передают корреспонденцию обратно на стол № 1», который сдает ее в почтово-телеграфную контору под расписку[104].

В историко-правовой литературе очень редко упоминаются случаи перлюстрации корреспонденции. Уже в то время, понимая противозаконность этой деятельности, государство стремилось ко всяческому ее засек-

---

[104] Измозик В.С. «Перлюстрация в первые годы советской власти». «Вопросы истории». 1995. № 8. С. 30.

речиванию. Поэтому главным источником информации по этому вопросу являются служебные документы ВЧК. Особенно интересным, в связи с этим является обзор бывшего перлюстратора И. Зорина «Перлюстрация корреспонденции при царизме» от 17 февраля 1919 г., где он предлагает правительству Советской России широко использовать деятельность «черного кабинета»[105].

Особенностью тайного просмотра корреспонденции в тот период времени, пожалуй было то, что мало кто задумывался об этимологии понятий перлюстрация и почтовая военная цензура. И по нашему мнению они были просто смешаны и нередко подменяли друг друга. На эту мысль наводит анализ секретного циркуляра Отдела военной цензуры регистрационного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики от 12 августа 1919 года, в котором говорилось, что на военно-цензурные пункты возлагалось следующее: «1. Обязательный просмотр всей (подчеркнуто – А.С.) проходящей через данную полевую почтовую Контору корреспонденции из Красной Армии; …3. Перлюстрация всей корреспонденции по секретным указаниям, получаемым из Отделения при Реввоенсовете 1-ой Армии; …Весь материал, полученный от просмотра почтовой корреспонденции, т.е. меморандумы (в 3-х экз.) с соответствующими письмами …ежедневно направлять в Отделение Военной Цензуры при Реввоенсоветах Армий».

В 1919 г., как пишет исследователь Горяева Т.М., объем работы в центре и на местах был очень велик. Об этом свидетельствуют данные штатного расписания: Отдел военной цензуры Реввоенсовета республики насчитывал 107 человек; Московское отделение военной цензуры почт и телеграфов – 253 человека; Петроградское военно-цензурное отделение – 291 человек; отделения военной цензуры почт и телеграфов на местах – 100 человек; при реввоенсоветах армий состояло 30 человек. Численность цензоров на местах определялась по количеству просмотренных почтовых отправлений и печатной продукции[106].

Письма представляющие особый интерес пересылались в ЦК РКП(б). Причем цензоры-перлюстраторы в специальных сопроводительных письмах просили не разглашать заинтересованным лицам источник получения информации ибо «Военная цензура существует конспиративно…» (подчеркнуто – А.С.). Именно благодаря этой конспирации в ЦК становились известны факты истинного положения в армии и на фронтах гражданской войны.

---

[105] Центральный архив ФСБ РФ. Ф. (8) 1. Оп. 3. Д. 18. ЛЛ. 1-5 об.

[106] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. Росспэн. 2002. С. 167.

Анализ перлюстрированной корреспонденции, в первые годы советской власти показывает, что большинство населения страны даже мысли не допускало, что государство таким образом заглядывает в частную жизнь своих граждан.

Вместе с тем, органы государственной безопасности получали возможность увидеть срез реальной, а не отретушированной на собраниях и митингах жизни граждан. С морально-этической точки зрения это был правовой беспредел, но эти вопросы мало кого заботили. С первых дней советской власти превалировал не принцип социалистической законности, о котором на каждом углу немного позднее говорили большевики, а принцип государственной целесообразности. То, что выгодно было государству и партии большевиков возводилось в ранг государственной политики, осуществляемой специфическими, совершенно секретными способами.

О культурном уровне людей, о том, что их беспокоило, например в 1929 году, мы можем в какой-то степени судить по тем вопросам, которые москвичи задавали лекторам Московского комитета ВКП(б) зафиксированным в «Информационной сводке о политических настроениях отдельных групп рабочих и служащих по Москве и губернии». В «Информационной сводке» говорилось, что в студенческой аудитории некоторые товарищи высказывают мнение о том, что обострение внутрипартийной борьбы является результатом неуживчивого характера Сталина. В сводке отмечалось, что определенный слой студенчества, разочаровавшись в действительности, рассуждает так: раз нам не дают возможности разобраться в спорах документально, не просят у партийной массы совета, фактически заставляя голосовать за принятые резолюции-решения, то в ответ на все это мы не будем особенно беспокоиться о судьбах партии.

Из приведенных данных видно, что люди были разные и думали поразному. Они не доверяли партии, не горели интернационализмом и мечтой о мировой революции.

Для партии это было нежелательно. Хотелось идейного единства, а единство это один уровень жизни, одни интересы, один вождь.

Значение этого понятия в жизни страны сформулировал В.М. Молотов. Он сказал: «Морально-политическое единство народов в нашей стране имеет и свое живое воплощение. У нас есть имя, которое стало символом побед социализма. Это имя вместе с тем символ морального и политического единства советского народа. Вы знаете, что это имя – Сталин!»

Стараясь обезопасить себя, руководители партии и правительства установили, что не подлежит цензуированию корреспонденция направленная правительственным учреждениям, а также частная корреспонденция, адресованная на имя членов ВЦИК, СНК, членов коллегий НК и ЦК РКП.

В связи с секретностью функций аппарата цензуры, особое внимание уделялось кадрам. Наряду с использованием старых сотрудников, ра-

ботавших в дореволюционной России, производился набор новых. Как правило, эти люди имели соответствующее образование (высшее) и знали иностранные языки. Немалое значение уделялось партийной принадлежности. Особой тайной оставались списки тех лиц, чья переписка подлежала обязательному просмотру. Поэтому согласно инструкции доступ к секретным спискам имели только особо проверенные сотрудники-коммунисты.

Возрастание роли ВЧК, особенно после гражданской войны, привело к тому, что многие политические функции государственного аппарата, совершаемые тайно, все более сосредотачивались в этом ведомстве. Эта тенденция охватила и такую функцию, как перлюстрация корреспонденции. Встал вопрос о передачи этой функции полностью в ведение ВЧК. 30 июня 1920 года вопрос рассматривался зам. председателя ВЧК Н.К. Ксенофонтовым, зам. начальника Особого отдела ВЧК В.Р. Менжинским и начальником Отдела военной цензуры Н.Н. Батуриным. Затем приказом РВСР от 10 августа 1920 года функции Почтельконтроля были переданы Особому отделу. 9 августа 1921 года совместным приказом РВСР и ВЧК Управление военной цензуры Штаба РККА было передано в ведение ВЧК и стало подотделом военной цензуры Информационного отдела ВЧК.

Тем самым начался новый этап в истории перлюстрации корреспонденции советского государства.

Большой интерес представляет не только реорганизация аппарата советской цензуры, но и так сказать, внутренне содержание перлюстрируемой корреспонденции. О чем, например, писали в годы гражданской войны? Каково отношение к новой, советской власти? Как воспринимались населением молодой советской Республики белые и красные? И многие другие вопросы, имевшие в своей совокупности важное политическое значение.

Содержание этих писем является как бы «истиной в последней инстанции», поскольку без прикрас, реально отражает действительное положение вещей.

«Город наш неузнаваем, все перевернулось: появились бесконечные штабы… снуют вестовые, роют окопы служащими советских учреждений – по 50% от каждого» – пишет респондент из Тамбова, 28 июля 1919 г. «Наша коммуна дурная осталась без хлеба. Рожь крестьян была засеяна, они ее сняли, и в коммуне нет ничего. Луга большую половину скосили. Крестьяне хотят разогнать коммуну, но все-таки Совет их не допускает» – пишет другой респондент из Смоленской губернии, с. Перховичи 10 августа 1919 г.

Вопрос о социализации земли, создании первых коммун и товариществ по совместной обработке земли был достаточно острым в те годы, и

поэтому он поднимался во многих письмах крестьян. «Идет такой шум насчет земли, хотят сделать коммуну... Некоторые деревни согласились, другие против...», Московская губерния, Ярополец, 17 июня 1919 г.

Важно отметить и то, что большевистская пропаганда сыграла определенную роль. Поскольку официальная советская печать связывала улучшение условий жизни со скорейшей победой над врагом (внутренней контрреволюцией и иностранной военной интервенцией), то и большинство писем на фронт желали быстрейшей победы над классовым врагом. «Желаем вам побольше подушить дармоедов и прочих нажившихся на чужой крови капиталов (так в тексте – А.С.)», сообщается в письме из Московской губернии, г. Можайск от 28 июня 1919 г. «Все ждем и не можем дождаться, когда восторжествует советская власть. У меня в душе такая злоба к буржуазии, что я могла бы собственными руками их застрелить» – пишет женщина из Гомельской губернии, г. Орша 14 декабря 1919 г. «Были под властью Колчака, но собственно не советую никому думать, что у контрреволюционеров хорошо – пишет человек из г. Перми, – нет лучше советской власти. Хоть у нас голодно, но никто в этом не виноват, ведь ходит военная разруха», г. Пермь, 30 августа 1919 г.

«Мы дали клятву везде и всюду защищать советскую власть... На днях послали в Питер 23 вагона хлеба, а теперь для добровольного пожертвования» – бодро сообщает в своем письме, вероятно один из красных комиссаров заготовителей продовольствия из Тамбовской губернии, погоста Бибиговский, 28 июля 1919 г.

Количество коммунистов среди крестьян было невелико. Это видно из письма направленного из Ярославской губернии, с. Тверцы, 28 июля 1919 г. – «У нас в деревне я да Лаврентьев стоим на стороне советской власти, а остальные монархисты или анархисты, но и они когда-нибудь признают советскую власть».

Вместе с тем, в письмах из города, от рабочих содержится больше оптимизма по поводу устойчивости новой власти и надежда на скорую победу Красной Армии. «Советская власть у нас, благодаря Богу, крепнет. Вот только подлец Деникин наводит панику, забрав весь Донецкий бассейн, но т. Троцкий лично взялся за это дело, и конечно, Деникину несдобровать», Волынская губерния, г. Житомир, 22 июня 1919 г. «Долой буржуев и кулаков. Долой Парижский мир, да здравствует советская власть на весь мир», Московская губерния, г. Богородск, 20 июня 1919 г. «Мы здесь, в тылу очень крепко спаяны и твердо стоим за осуществление дорогого нам социализма...», Нижегородская губерния, Веремань, 23 июня 1919 г. «Все убеждены, что советская власть, все более и более укрепляется и в том, что в недалеком будущем гражданская война прекратится...», Гомельская губерния, г. Орша, 6 декабря 1919 г. и т.п.

Объективности ради, надо отметить, что количество таких писем тоже довольно значительно.

Перлюстрированные письма времен гражданской войны являются важным историческим источником еще и в том плане, что раскрывают изменения, которые произошли в городе и деревне в результате установления нового социального строя. «Здесь мобилизация всех интеллигентных сил города, не регистрируются на вечерние занятия с неграмотными...» – сообщается в письме из Вятки от 8 августа 1919 г. «Учительский персонал здесь – прямо разгильдяйство. Спектакли бывают часто, но не услышишь ни одной революционной песни» – отмечается в письме из Вятской губернии, д. Пышкет, 11 ноября 1919 г. «Кругом непонятная, непроглядная тьма, переименовали все учебные заведения в трудовые школы, а дети с января бьют баклуши, и педагоги не подготовлены к этому новшеству...», Орловская губерния, г. Елец, 21 июля 1919 г.

Из анализа писем видно, что культурно-воспитательная работа и просветительская деятельность в городе и деревне в 1918-1920 г.г., тоже протекала по-разному. «Жизнь кипит только в пролет. клубе открыты всевозможные секции, курсы, можно играть на духовых инструментах. Декоративная секция, драматическая, музыкальная, курсы бухгалтерии, черчения, ткацкие, прядильные, общеобразовательные» – говорится в письме из Костромской губернии, Новая Вичуга от 21 ноября 1919 г. Совершенно противоположная оценка дается в письме из Владимирской губернии, с. Большое Филипповское, датированное 21 июля 1919 г.: «Уведомляю, что в нашей непросвещенной деревне темнота, оттого что нет хлеба, никаких просвещений не признают, (подчеркнуто – А.С.), только бы хлеба...».

Продовольственный кризис, в 1919 году, носил просто катастрофический характер. У населения, и не только у крестьян, забирали все подчистую.

«Настроение в городе сейчас нервное, идут повальные обыски, отбирают золото, серебро, мануфактуру, а в некоторых случаях даже белье, одежду, одеяла и подушки. Одним словом, все что лишнее. Говорят, что будет еще Неделя бедноты и будут отбирать решительно все», Гомельская губерния, г. Могилев, 29 июля 1919 г.

Еще более тяжелым было положение в деревне, где большевистские комиссары реквизировали хлеб. По сути дела самый основной источник питания крестьянской семьи. «У нас в деревне реквизировали хлеб, и у отца твоего, но они не хотели отдать как красноармейские семьи. Твоего отца, когда он не хотел отдавать, били прикладами», сообщается в письме из Москвы, 30 августа 1919 г. «Вчера явился к маме какой-то командир и потребовал 10 фунтов меду. Сказал, что войско с реквизициями не считается и с семьями красноармейцев тоже и в случае нужды могут отнять последнюю корову», Витебская губерния, с. Жигин-Двинск, 29 августа 1919 г.

«В деревне все отбирают, полную очистку делают. Первый декрет: каждому крестьянину полагается хлеба по 26 фунтов в месяц, за то, что он работает 24 часа. Завоевали фабрики 8-часовой рабочий день, а мужик получил землю, работать ему приходится 24 часа, но от него отбирают последний хлеб. Поэтому и бегут с фронта», Тамбовская губерния, Богоявленск, 16 июля 1919 г. «У нас отняли всю землю и покос, но из газет видно, что они не имеют никакого права отнимать что-либо у семейства красноармейца», Новгородская губерния, Устрехи, 8 августа 1919 г.

И таких писем, рассказывающих о бесчинствах большевистских комиссаров большинство среди перлюстрированной идущей на фронт корреспонденции.

Еще большим наказанием был голод. Голод, охвативший летом 1919 года все центральные губернии РСФСР. И хотя сам факт голода не скрывался, да и не мог скрываться в официальной печати, анализ писем с мест производит совсем удручающее впечатление. «У нас в полном смысле слова голод, вторую неделю едим одну траву со своего огорода, даже варим лебеду», Петроградская губерния, Сестрорецк, 25 августа 1919 г. «Страшный призрак голода висит над нами; скорей бы кончилась эта проклятая война», Костромская губерния, Кинешма, 19 июня 1919 г. «Здесь кругом морит ужаснейшая голодовка. Люди не только поели солому и мякину, но даже уничтожили значительное количество мха», рассказывает неизвестный респондент из Череповецкой губернии, города Тихвина. Не лучше положение было и в Московской губернии. В письме из села Андриановка от 27 июля 1919 г., сообщается: «За недостатком хлеба в деревне едят болотный мох». «Хлеба нет, бабушка толчет мох и ест...» – говорится в другом письме из Московской губернии, из Яхромы от 19 июня 1919 г.

Но если вопрос голода в России в 1918-1920 г.г. все-таки получил отражение в исторической печати, то вопрос о защите социалистического, родного отечества долгое время освещался весьма тенденциозно.

Утопическая идея В.Н. Ленина о том, что рабочие и крестьяне добровольно будут защищать свое Отечество, потерпела полное фиаско. И даже переход от добровольного принципа комплектования армии, к всеобщей воинской обязанности в начале 1918 года, не мог остановить массового дезертирства из рядов армии. Полную картину масштабов дезертирства раскрывают перлюстрированные письма, на наш взгляд, являющиеся ценным историческим источником по данной проблематике.

Дезертиры не только уклонялись от службы в рядах Красной Армии, но и, соединяясь в отряды, оказывали серьезное вооруженное сопротивление ей. «Дезертиров у нас всех взяли. Неизвестно, что им будет, расстреляют или же увезут с товарищами. Красная Армия была и очень надоела», Орловская губерния, Медвежье, 18 августа 1919 г. «Разосланы от-

ряды, делают облавы, захватывают дезертиров, а в домах делают настойчивые обыски», рассказывается в письме из с. Рязанцево, Владимирской губернии, 1 июня 1919 г. О размахе борьбы с дезертирством, говорит письмо из Кинешмы, Костромской губернии от 29 июля 1919 г.: «Стали принимать очень строгие меры, вплоть до расстрела всего семейства. В деревнях не осталось ни одного дезертира, все без исключения явились в Кинешму; за эту неделю прибыло 10 000 дезертиров».

Как уже отмечалось выше, борьба с дезертирством нередко принимала форму вооруженной борьбы. «В Самецкой и Петропавловской волости производится сильная борьба с дезертирами, – сообщается в письме из Костромы, 26 июля 1919 г. – приехали вооруженные отряды, и начался бой. В Самецкой зажгли деревню Саметь. Много невинных людей погибло. Эти чрезвычайные комиссии нельзя назвать людьми, а просто зверями. Приедут в деревню забирают всю одежду и продукты, какие имеются, и все говорят: «Давай дезертиров», – а дезертиров нет, они на самом деле некоторые служат, а они не верят. Берут отцов или жен и перережут. Вот, например, в Петропавловской волости зарезали 9 отцов дезертиров».

Естественно, что такие мягко говоря «перегибы» на местах не вызывали особого энтузиазма у тех же рабочих и крестьян защищать Советскую власть. «Приехала Красная Армия ловить дезертиров, и начала поступать как разбойники: они не ловят дезертиров, а грабят крестьян… На военную службу никто не хочет идти. Народ не хочет защищать грабителей…», сообщает неизвестный корреспондент из Рязанской губернии, д. Можары, 26 июля 1919 г.

Не видя особого различия между белыми и красными, которые повсеместно те и другие занимались грабежами и разбоями, простой крестьянин искал выход в создании собственных отрядов не имевших, как правило, ярко выраженных политических взглядов. В конце 1918, начале 1919 года появились отряды зеленых. «Кроме белых и красных появились еще и зеленые черти, банды которых состоят из дезертиров», отмечается в письме от 4 июня 1919 г. из Луги, Петроградской губернии. «Нас поколотили зеленые банды. Пришли ночью, и стучат в ворота, и говорят: «Пустите красноармейцев погреться». Отец пошел и отпер, думали, правда красноармейцы, а они оказались зелеными. Как пришли в хату, так начали все колотить, искать. Забрали кожух батьки, часы, шапку. Скоро ушли и пошли к соседу, взяли жеребца и некоторые мелочи…», Минская губерния, Хилокенчи, 11 декабря 1919 г. В другом письме из Саратовской губернии, с. Дуранкино от 25 июня 1919 г., говорится: «У нас каждый день насчет войны собрание, хотят перейти на сторону зеленой гвардии, у нас уже послали из деревни делегатов, не знаем что будет, большевики все хотят отказаться, да их не пускают».

Политическая неразбериха в стране, привела к массовому повстанческому движению и подлила масло в огонь разгоравшейся в стране гражданской войны. «В городе Юрьеве восстали дезертиры вместе с белыми. Теперь слышно тоже в Александрове, – говорится в письме из города Мурома, Владимирской губернии от 8 июня 1919 г., – Юрьев зеленой армией из дезертиров взят, и Совет разогнали».

О полной неразберихе «на местах» свидетельствует и перехваченное Пермским отделением военной цензуры письмо из Верхнеудинска от 7 августа 1920 года: «Пишу из Верхнеуды. Ну и люди здесь. Это прямо черт знает что такое. Партия запутана – левоэсеровщина. Как остров среди моря сидишь. Надо вести широкую партийную работу – сбить с позиции старое. В это же время надо вести профессиональную работу – копаться с тарифами. Всего не перескажешь. Людей много, а человеков нет. Нет ни рабочих, нет маломальских наших рабочих середняков. Кругом мещане с потугом на либерализм. Коммунисты с российским узким патриотизмом – слепым мещанским. Вот таковы наши дела...»[107].

В январе 1919 г. для борьбы с контрреволюцией и шпионажем в Красной Армии был организован Особый отдел ВЧК, преобразованный в дальнейшем во 2-й спецотдел Управления особых отделов НКВД, занимавшихся военной цензурой, а именно перлюстрацией военных писем, свидетельствовавших о настроениях солдат по ту и эту сторону фронта.

Анализ перлюстрированных писем показывает, что Советская власть столкнулась и с крестьянским недовольством в деревне, и брожением в действующей армии, и растерянностью даже проверенных революцией закаленных рабочих. Гражданская война явилась для большевиков серьезным испытанием на политическую прочность.

...В начале января 1921 г. по инициативе Коллегии ВЧК было создано совещание представителей заинтересованных ведомств для подготовки предложений по реорганизации криптографической службы и радиоразведки... 5 мая 1921 г. Постановлением Малого Совнаркома была создана специальная криптографическая служба – Специальный отдел при Президиуме ВЧК. Его начальником и одновременно членом Коллегии ВЧК был назначен Г. Бокий.

Спецотдел занимал в системе ВЧК-ОГПУ-НКВД особое положение. В отличие от других отделов он был отделом «при» ВЧК, ОГПУ и т.д. и, по сути дела являлся одной из служб ЦК ВКП(б). Поэтому руководители Спецотдела имели право обращаться в Политбюро, ЦК и Правительство самостоятельно, минуя руководство органов госбезопасности.

---

[107] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. Росспэн. 2002. С. 168.

Размещался Спецотдел не только в здании на Малой Лубянке, но и в помещении НКИД на Кузнецком мосту, дом 21, где занимал два верхних этажа. Спецотдел был самым секретным подразделением в системе ВЧК-ОГПУ...

Организационно спецотдел состоял из семи отделений, которые выполняли следующие задачи:

= 1-е отделение – наблюдало за всеми госучреждениями, партийными и общественными организациями по сохранению государственной тайны (Начальник отделения В. Леонов);

= 2-е отделение – занималось перехватом шифровок иностранных государств, радиоконтролем и выявлением нелегальных и шпионских радиоустановок, подготовкой радиоразведчиков, теоретической разработкой вопросов криптографии, созданием шифров и кодов ВЧК-ОГПУ, НКИД и Наркомата обороны. Именно здесь в августе 1924 г. был создан знаменитый «Русский код», объединивший 52 отечественных шифра (Начальник отделения Ф. Тихомиров);

= 3-е отделение – отвечало за ведение шифроработы и руководство этой работой в органах ВЧУ-ОГПУ, а также за связь с заграничными представительствами СССР (Руководил работой отделения Ф. Эйхманс, одновременно являвшийся заместителем начальника Спецотдела);

= 4-е отделение – занималось вскрытием иностранных и антисоветских шифров и кодов и дешифровкой документов (Первоначально в отделении насчитывалось восемь человек, а его начальником был А. Гусев, одновременно исполнявший обязанности помощника начальника Спецотдела);

= 5-е отделение – дешифровальная служба Главного штаба РККА (начальник отделения П. Харкевич);

= 6-е отделение – отвечало за изготовление конспиративных документов;

= 7-е отделение – занималось химическим исследованием документов и веществ, разработкой рецептов, экспертизой почерков, фотографированием документов (Начальником отделения был Е. Гопиус, одновременно являвшийся заместителем начальника Спецотдела по научной работе).

Как видно из анализа функций Спецотдела, одним из направлений в работе являлась расшифровка корреспонденции поступающей из-за рубежа. Нет сомнения в том, что уже тогда, в первые годы советской власти велась тотальная перлюстрация зарубежной переписки. Поэтому в Спецотделе работали, не только опытные криптографы, но и люди, владеющие иностранными языками. Неудивительно, что при этом использовались ценные кадры криптографической службы царской России, такие как: Г.

Булат, Е. Горшков, Э. Картали, Е. Мориц, В. Кривош-Неманич, И. Зыбин, И. Ямченко... К 1933 г. в Спецотделе по гласному штату числилось 100 человек, а по негласному – 89[108].

В литературе упоминаются сведения о том, что на X съезде партии, во время закрытого заседания военных делегатов Л.Д. Троцкий, председатель Реввоенсовета Республики дал нелицеприятную картину действующей Красной Армии, используя материал перлюстрированных писем красноармейцев.

Поэтому важность получения такого рода политической информации невозможно переоценить. В перспективе лишь мог стоять только один вопрос – расширение этого вида секретной деятельности и полная передача ее органам государственной безопасности.

В связи с окончанием гражданской войны и укреплением советской власти, на основании Постановления IX Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1921 г. и Постановления ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Позднее, в связи с образованием СССР было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) СССР.

Новая политическая обстановка, несколько изменила и положение цензуры. Вначале контроль над почтово-телеграфной корреспонденцией, а затем и все функции военной цензуры были переданы в ведение ВЧК: на заседании Малого совнаркома Реввоенсовету Республики было поручено передать с 1 августа 1921 г. в ВЧК.

Так, по мнению исследователя Т.М. Горяевой завершился второй этап формирования системы, когда военная цензура находилась в составе Наркомпочтеля и РВС, продолжавшийся с 1918 г. до 1 августа 1921 г.

Поскольку контрразведка с некоторым пренебрежением относилась к освоению цензурного дела, появился специальный приказ ВЧК № 127 от 11 мая 1921 г., где констатировался этот факт, в частности говорилось, что «Особый отдел смотрит на отделение Военной Цензуры как на излишний и чужой придаток, мало интересуется постановкой их работы и использованием в своих целях» и не оказывает должной кадровой и технической поддержки.

В связи с этим приказывалось: «1. Считать Военно-цензурные отделения равноправными (подчеркнуто – А.С.) составными частями органов ВЧК, снабжать их всеми необходимыми средствами наравне со всеми Отделами и Отделениями; 2. Председателям и начальникам ЧК и Особотделов обратить должное внимание на правильную постановку работы и максимальное использование сведений Военной цензуры (подчеркнуто – А.С.); 3. Не позже 15-го июня всем Председателям и Начальникам ЧК и Особотделов представить

[108] Прохоров Д.П. «Разведка от Сталина до Путина». СПб. «Нева». 2004. С.С. 253-255.

свои соображения о самом целесообразном использовании Отделений В.Ц. осуществлении возложенных на ВЧК задач»[109].

Передача и прием дел военной цензуры в аппарат ВЧК окончательно завершились в течение августа, после того как приказом ВЧК № 249 от 11 августа 1921 г. были слиты все органы Управления военной цензуры Штаба РККА с отделениями военной цензуры Наркомпочтеля. В центральном аппарате ВЧК был образован Подотдел военной цензуры в составе Информационного отдела на базе бывшего Управления военной цензуры Штаба РККА, 6-го отделения организационного отдела и Отделения военной цензуры Информотдела ВЧК[110].

Необходимо отметить, что если сами чекисты недооценивали значение собираемой информации, то руководители РКП(б) и советского правительства очень внимательно относились к получению подобного рода меморандумов.

Помимо нелегальной формы сбора информации ЦК РКП(б) обязал местные партийные органы заниматься сбором информации о реакции населения на те или иные мероприятия правительства.

Для сбора таких сведений предполагалось выделить «определенное лицо» или эти обязанности возложить на одного из членов Бюро укома или губкома РКП(б).

Вся информация, как добытая негласным, так и гласным путем должна была стекаться в информационно-инструкторский подотдел организационно-инструкторского отдела ЦК РКП(б), где и должны были обрабатываться полученные материалы и составляться ежедневные и ежемесячные сводки о политическом и экономическом состоянии в стране. Такая ежемесячная сводка готовилась к 15 числу данного месяца.

Порядок подготовки таких сводок был детально расписан в специальной секретной Инструкции.

Поэтому, без всякого сомнения, можно утверждать, что правительство всегда знало истинное положение вещей.

17 марта 1921 г. был издан секретный циркуляр ВЦИК и ЦК РКП(б) о создании всеобъемлющей системы государственной информации. Руководство страны не только собиралось вводить политический контроль в действительно правовые и законодательные рамки, но стремилось к его глобальному расширению и полнейшему охвату всех групп населения[111].

---

[109] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. Росспэн. 2002. С.С. 170-171.
[110] Там же. С. 171.
[111] Измозик В.С. «Система государственной информации: создание и деятельность». В кн.: «Исторические чтения на Лубянке 1999 г. (Отечественные спецслужбы в 1920-1930 г.г.)». М-Великий Новгород. 2000. С. 71.

В Петрограде ежедневные доклады о настроениях рабочих губком партии и губпрофсовет стали собирать в феврале 1921 года с началом забастовок на предприятиях. Основой сводок были отчеты производственных коммунистических ячеек или «ревтроек». Последние содержали личные впечатления организаторов ячеек и сообщения рабочих-коммунистов о разговорах в рабочей среде и т.п. По мере обострения обстановки партийные органы организовали сбор информации не только на предприятиях, но и на улицах, вокзалах, в очередях, в чайных. Весь этот материал был основой районных сводок, готовившихся районными ревтройками или райкомами РКП(б). Данные, поступавшие из районов, систематизировались в общегородской сводке Штаба внутренней обороны Петрограда[112].

К сожалению, в исторической и историко-правовой литературе очень мало внимания уделяется внутренней жизни низовых партийных организаций 1920-х годов. Основное внимание исследователи делают на решение стратегических задач стоявших перед партией. Вместе с тем, такое детальное рассмотрение всех сторон жизни местных партийных организаций поможет по-новому взглянуть на историю большевистской партии.

Обратимся к структуре государственных информационных троек на местах.

Они создавались из представителей губкома РКП(б), губисполкома и губчека. Аппарат госинформтройки создавался согласно <u>распоряжению ВЧК от 19 апреля 1921 г.</u> (подчеркнуто – А.С).

Возникает любопытный вопрос. Почему ВЧК, а не РКП(б) формирует эти органы? Ни есть ли это начало выхода органов госбезопасности из под контроля партии? На эти размышления наводит и анализ Инструкции по госинформации, в которой отмечается, что «госинформтройка не имеет специального технического аппарата, а пользуется аппаратом губчека» и «фактическое руководство всеми работами госинформтройки принадлежит исключительно губчека». Приказы ВЧК № 132 от 12 мая и № 300 от 14 сентября 1921 года конкретизировали организацию и задачи системы государственной информации[113].

Но если указанные выше органы занимались сбором всей информации, представляющей интерес с точки зрения политических настроений в молодой советской Республике, то подотдел военной цензуры Информационного отдела ВЧК занимался сбором информации представляющей

---

[112] «Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918-1928 г.г.». СПб. 1995. С. 83.

[113] Измозик В.С. «Система государственной информации: создание и деятельность». В кн.: «Исторические чтения на Лубянке 1999 г. (Отечественные спецслужбы в 1920-1930 г.г.)». М-Великий Новгород. 2000. С. 71.

оперативный интерес. По положению СНК о военной цензуре ВЧК от 21 октября 1921 г. «в целях сохранения военной тайны, предупреждения разглашения сведений о преступной деятельности шпионских контрреволюционных сил и ограждения политических, экономических и военных интересов РСФСР» помимо печатных произведений должны были подвергаться контролю «радиотелеграфные сношения», а также просмотр почтово-телеграфной, телефонной и радиотелеграфной корреспонденции.

Военная цензура, на наш взгляд, являлась частью цензуры политической, под которой мы понимаем систему мероприятий, направленных на нормальное функционирование государственной власти. Если, военная цензура являлась видовым понятием, то политическая цензура, была естественно шире и являлась понятием родовым. Как справедливо отмечает исследователь Т.М. Горяева: «В силу особенностей сложившегося после 1917 года в нашей стране политического режима, слияния партии и государства, главенства коммунистической идеологии, политическая цензура советского типа включала деятельность партийных и советских органов по руководству и контролю за всеми сферами общественной жизни ...»[114].

Поэтому сбор любой информации и любыми способами являлся одной из задач органов государственной безопасности. Не только перлюстрация корреспонденции или прослушивание телефонных разговоров представляли интерес, но даже разговоры на бытовые темы, слухи, распространяемые в многочисленных очередях являлись источником и частью мозаичной картины умонастроений в обществе.

Грозный глава советской тайной полиции (ВЧК-ОГПУ) Ф.Э. Дзержинский в качестве первоочередных задач в 20-е годы отмечал необходимость вести: «1) Учет проявления настроения рабочих и крестьянства, 2) Учет проявления антисемитизма... 3) Усилить наблюдения в армии (комсостав, технические части), 4) Ввести наблюдение за всеми средствами связи...».

Были и вполне конкретные задачи: а) чистка кремлевских курсов и усиление охраны Кремля, усиление караулов Кремля, РВС и штаба округа, прекращение полетов над Москвой, б) кадры ЧОН необходимо держать в общей боевой готовности, сократить на 50% отпуска в город во всех гарнизонах... в) в случае народных волнений процесс Тихона отложить, коммунистам выйти на улицы для ведения разъяснительной работы в массах[115].

---

[114] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. Росспэн. 2002. С. 150.

[115] Измозик В.С. «Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России 1918-1928 г.г.». СПб. 1995. С. 84.

Интерес к сбору информации в массах не пропадал, а более того усилился в последующем. XIII партийная конференция принимает решение о воссоздании информационного отдела в аппарате ЦК РКП(б).

28 апреля 1924 года Секретариат ЦК утвердил временное положение об информационном отделе. Он состоял из трех подотделов: разработки местной информации, центральной информации и общего. Штат был установлен из 29 ответственных и 16 технических работников.

Отдел готовил ежедневную и двухнедельную сводку, обзоры и доклады по отдельным темам, материалы о состоянии отдельных партийных организаций. Например, в первые месяцы после создания отдела для аппарата ЦК были подготовлены доклады: «Настроение и активность кулачества», «Развитие религиозного движения в крестьянстве», «Политнастроения и классовые группировки в крестьянстве», «Слухи о войне»[116].

В условиях классовой борьбы и еще существования нескольких партий и течений, информация подобного рода имела важное значение для ЦК РКП (б).

Неверно будет говорить, что в связи с упразднением системы информирования (гласной) через партийный аппарат в ней отпала необходимость.

Скорее произошло другое, информационная деятельность, в связи с реорганизаций структуры органов государственной безопасности теперь была скрыта за густой пеленой секретности окутавшей деятельность аппарата советского политического сыска и приобрела негласный (секретный) порядок.

Возможен и другой вариант. К середине 20-х годов ЧК, ГПУ, ОГПУ уже зарекомендовали себя в глазах мировой общественности как беспощадные карательные органы, особенно после появившихся на Западе публикаций лиц сумевших бежать из России, такая однозность совершенно не нужна была советскому правительству, строящему новое советское демократическое государство. Завеса секретности стала надежным гарантом исключения какой-либо информации о происходящем внутри советского общества.

О роли и месте ГПУ в разворачивающейся борьбе с внутренними идеологическими врагами свидетельствует докладная записка 1921 г. особоуполномоченного ГПУ Я. Агранова председателю ГПУ Ф. Дзержинскому «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». В ней говорилось об опасности консолидации буржуазных и мелкобуржуазных сил в обстановке НЭПа: «антисоветская интеллигенция широко пользуется от-

---

[116] Измозик В.С. «Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России 1918-1928 г.г.». СПб. 1995. С. 86.

крывшейся ей возможностью организации и собирания своих сил, созданной мирным курсом Советской власти и ослаблением деятельности репрессивных органов»[117].

При этом главная опасность виделась в создании различных творческих объединений, всевозможных союзов и организаций. В этих условиях возрастает и значение такой функции тайной советской политической полиции как перлюстрация корреспонденции. Уже в 1922 году в составе ОГПУ создается Отдел политического контроля, целью которого является наблюдение, сбор информации и соответствующие профилактические меры, направленные против диссиденствующей интеллигенции.

Как отмечал Ф.Э. Дзержинский, следовало собирать информацию о деревне, армии, рабочих, втузах, интеллигенции, духовенстве, хозорганах, госаппарате, торговле, кооперации, сектантах, сообщая высшим партийным и советским органам «о политическом состоянии в СССР».

Специальная Инструкция четко формулировала цели госинформации стоящие перед органами госбезопасности и раскрывала сущность политического контроля: «Важнейшей задачей госинформации является освещение настроений всех групп населения (подчеркнуто – А.С.) и факторов, влияющих на изменение этих настроений. В настоящий момент чрезвычайно важным является освещение настроений, господствующих в частях Красной армии и флота... Для нас является необыкновенно важным знание того, как принимаются эти меры различными группами населения (рабочими, крестьянами, красноармейцами, мелкой буржуазией и проч.), поскольку эти группы уясняют себе смысл происходящего, как оно отражается в их сознании. Второй задачей госинформации является наблюдения за ростом мелкобуржуазной стихии, за проявлением мелкобуржуазных настроений в рабочей, партийной союзной, красноармейской массах... Третьей задачей госинформации является возможно более полное освещение экономического развития районов и наблюдение за проведением в жизнь нашей новой экономической политики... Четвертой, чисто чекистской, задачей госинформации является осведомление центра об активных проявлениях явной и тайной контрреволюции, о работе контрреволюционных партий и группировок (конечно, только там, где они выходят за пределы обычного агентурного наблюдения и принимают размеры явлений государственной важности)»[118].

---

[117] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. Росспэн. 2002. С.С. 172-173.

[118] Измозик В.С. «Система государственной информации: создание и деятельность». В кн.: «Исторические чтения на Лубянке 1999 г. (Отечественные спецслужбы в 1920-1930 г.г.)». М-Великий Новгород. 2000. С. 74.

Представление о разрешении этих задач дают Сводки Полномочному Представителю ГПУ по Уралу «О политических настроениях различных социальных групп населения». Например, «...Иастроение совслужащих и отношение их к Совадасти и РКП(б) в общем по округу удовлетворительное, за исключением уволенных по сокращению или упразднением учреждений и отделов, настроение коих подавленное и за неимением средств существования – отчаянное и более несознательные имеют ропот и недовольство на Соввласть говоря, что якобы Соввласть умышленно делает районирование, для того, чтобы было больше безработных, а вместе с тем и голодающих и когда начнется война, то эти безработные охотно пойдут добровольцами на фронт...»[119].

Политико-экономическое состояние крестьянства: «Иастроение крестьян бедняков и отношение к Соввласти и РКП(б) в целом по Округу удовлетворительное, отмечается лишь некоторое недовольство во всех крестьянских районах по адресу проведения местного районного сбора, кулацкий элемент как и всегда при проведении компаний затрагивающих их экономические интересы высказывают враждебность и стараются разжечь недовольство со стороны бедняков, но в большинстве случаев эти методы не имеют результатов... батрацкое население и в особенности в К...районе смотрят на кулачество, как на своих благодетелей...»[120].

Настроение рабочих: «Содовый завод. Настроение рабочих за отчетный период подавленное по причине невыплаты жалования за май и июнь месяцы. Предполагается сокращение рабочих на 10% за счет вспомогательных цехов...

Завод Пермсоль. Настроение и отношение к Соввласти и К.Р.П. удовлетворительное. Отношение рабочих к ленинскому набору критическое, ввиду чрезвычайно малой популяризации значения набора...»[121].

Духовенство: «Попам приходится очень туго, посетителей в церквах не бывает почти совсем, за исключением рождественских праздников посещаемых стариками и старухами, попы поддерживаются материально зажиточным крестьянством...»[122].

О том, что перлюстрация корреспонденции активно проводилась в 1920 годы свидетельствуют рассекреченные данные. В 1924 году по сооб-

[119] В П.П. ГПУ по Уралу. Госинформсводка № 1 Пермского окружного отдела ГПУ на 1 января 1924 г. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 75. Л. 1.

[120] В П.П. ГПУ по Уралу. Госинформсводка № 15 Пермского окружного отдела ГПУ на 1 января 1924 г. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 63. Л. Л. 51-52.

[121] В П.П. ОГПУ по Уралу. Сводка № 3 от 13 июля 1924 г. Верхнее-Камского окружного отдела ОГПУ. ЦДООСО. Ф. 4. ОП. 2. Ед. хр. 62. Л. 35.

[122] Сводка курского Окр. Отдела ОГПУ по состоянию на 29 января 1925 г. Красноуфимский р-н. ЦДООСО. Ф. 4. ОП. 3. Ед. хр. 132. Л. 34.

щению начальника Политконтроля ОГПУ И.З. Сурта (ы?) Ф.Э. Дзержинскому отмечалось, что «полная обработка писем доведена до 250 штук на одного человека. Всего за 1924 год было перлюстрировано 5 млн. писем и 8 млн. телеграмм»[123].

Анализ перлюстрированной корреспонденции, а она все больше приближалась к тотальному характеру, о чем свидетельствуют вышеприведенные цифры, даст возможность увидеть истинный срез жизни советского общества в период новой экономической политики.

Какие проблемы волновали людей? Это рост преступности в городах и безработица, беспробудное пьянство в деревне, произвол местных властей, уровень жизни и работа в кооперации. Затрагивались и вопросы культуры, поскольку культурная революция была составной частью ленинского плана построения социализма в СССР. Но и здесь все должно было протекать под бдительным оком партии и ее вооруженным отрядом ВЧК-ОГПУ. Как отмечает исследователь Т.М. Горяева: «Культурная жизнь страны, во всем ее многообразии, уместилась в принятые Госпланом контрольные данные пятилетки художественной работы. В докладной записке Главискусства в Секретариат Коллегии Народного Комиссариата Просвещения о проделанной работе по выполнению постановления Коллегии НКП от 13 сентября 1929 года по вопросу о пропаганде пятилетки в области художественной работы рапортовали, что по линии ГРК (Главный комитет по контролю за репертуаром ИКП РСФСР – А.С.) созданы рекомендательные списки пьес, в которых затронуты вопросы и проблемы пятилетки; по линии кино созданы просветительные кинофильмы и кинохроники; по линии ИЗО (изобразительного искусства – А.С.) организованы выставки на индустриальные темы, проведены конкурсы на плакаты и лубки; по линии театра идет в основном шефская работа и т.д.»[124].

Таким образом, манипуляция сознанием или даже зомбирование основной массы населения имели в качестве источниковой основы материалы перлюстрации. И в этом отношении перлюстрационная деятельность имела более важное значение, чем даже ее контрразведывательная направленность.

Но вернемся к перлюстрированной корреспонденции 20-х годов. Страшный голод, поразивший Россию, нашел свое отражение в письмах. Особенно тяжело было в полосе неурожая, охватившей около 20 губерний России. Из Тамбовской губернии в мае 1925 года сообщали родственнику, служившему в армии: «Кругом, на сто верст, сильный голод. Ходят милостыню

[123] Измозик В.С. «НЭП через замочную скважину». Журнал «Родина». 2001. № 8. С. 81.
[124] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)». 2002. С. 197.

просить, но подать некому. У многих ничего не сеяно и озимых нет. Продают свои последние вещи и инвентарь и скот, которое все не ценится и покупать некому. Хлеб стоит 4 рубля пуд, а лошадь 30 рублей, а корова 15 рублей. Государство понемногу дает семена слабым, но этого слишком мало… Большая ненависть и зло к тому, у которого хлеб есть…» (подчеркнуто – А.С.).

В октябре 1925 года неизвестная женщина писала в Эстонию: «Так близко я никогда с крестьянами не жила… Спят на полу вповалку, удивлены зачем у нас кровати. Вытираются такой грязной тряпкой, что пол такой не моют. Едят щи пустые и картошку. Масло, яйца, телят и свиней продают… Русские мученики. Покрываются шубами-половиками… Салфетки постилают два раза в году. В лекарства не верят, знахари приезжают… Кажется мне, что я живу не в 20 веке, а в 8, до крещения Руси»[125].

Но не все жили такой жизнью. В одном из писем отправленных в Германию осенью 1925 года отмечается роскошь приема, в связи с 200-летием Академии наук: «Был обед в розовом мраморном зале музея Александра III. Там было сервировано 8 столов по 50 человек, прислуживало 150 лакеев… Столы утопали в цветах, которые были не только в хрустальных вазах, но даже были украшены кушанья… Икра стояла 10 фунтовыми банками… Целые фазаны в перьях… Вина потрясающие, шампанское лилось рекой. Обед говорят стоил 200 000 рублей. Русские дамы блистали туалетами… Особенно всех сразила жена Луначарского. Она была в дивном белом туалете, вся замотана горностаем в бриллиантах, на ногах серебряные чулки и туфли расшиты серебром…»[126].

Такой диссонанс в бытовой жизни населения советской России был явно не нужен правительству. И поэтому перлюстрация корреспонденции помогала корректировать необходимую политическую линию в системе управления своим народом.

Совершенствовалась и структура органов государственной безопасности отвечавших за эту совершенно секретную работу. К 1927 году в состав Секретно-оперативного Управления (СОУ) входили следующие отделы: Секретный, Контрразведывательный, Особый, Информационный, Транспортный, Восточный, Оперативный и Отдел центральной регистратуры. В 1931 г. Секретный и Информационный отделы были объединены в единый Секретнополитический отдел.

В 1932 году прошла особая реорганизация ОГПУ, и его структура стала еще более централизованной, а уже созданные в 1930 г. ГУЛАГ и Особый отдел во многом поглотили функции СОУ.

[125] Измозик В.С. «НЭП через замочную скважину». Журнал «Родина». 2001. № 8. С. 82.
[126] Там же. С. 87.

Именно в этот период начинается активное взаимодействие репрессивных органов с цензурными, на политических процессах, часто в качестве вещественных доказательств фигурировали печатные и рукописные тексты, которые по различным критериям подпадали под запретительные статьи Перечня Главлита (главное управление по делам литературы и издательств – подчеркнуто А.С.).

Так, 20 марта 1933 г. начальник Ленинградского облшита Орлов и заведующий Иностранным отделом Л. Грюнберг сообщали полномочному представителю ОГПУ в Ленинграде Медведю о том, что: «10 марта на имя Кибальчича (литературный псевдоним: Виктор Серж) был прислан из-за границы (Бельгии) пакет, содержащий несколько номеров выходящего в Бельгии журнала…, в котором помещено письмо Виктора Сержа о поэзии и поэтах в СССР», написанное в «тонах, явно нам враждебных и искажающих действительное положение вещей на поэтическом фронте в СССР». К служебной записке прилагался перевод письма Кибальчича вместе с номером французского журнала, изъятого из пакета с помощью перлюстрации (подчеркнуто – А.С.) (остальные экземпляры были направлены адресату), а также рецензия на книгу Кибальчича вышедшую во Франции[127].

Официальные источники литература, радио, периодическая печать восхваляли и широко демонстрировали успехи советского народа в годы новой экономической политики, а позднее и первых довоенных пятилеток. Но мало кто из советских людей задумывался о том, что существует обратная сторона медали. Спецслужбы не только бдительно следят за всеми сторонами личной жизни граждан, осуществляя мелочную опеку, но и формируют используя свои специфические методы общественное сознание, создавая таким образом полицейский режим, который в отличие от полицейского режима абсолютизма был глубоко законспирирован. Так зарождаются двойные стандарты, двойная мораль и двойное законодательство (секретные инструкции). В связи с этим весьма саркастически, но в общем верно, звучат стихи Леониида Филатова:

«Чтоб худого про царя
Не болтал народ зазря
Действуй строго по закону
То бишь действуй… втихоря».
(Леонид Филатов. «Про Федота стрельца, удалого молодца»)

Советская власть не только приняла на вооружение такую функцию тайной полиции, как перлюстрация корреспонденции, но и значительно

---

[127] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. «Росспэн». 2002. С. 203.

углубила и технически усовершенствовала ее. Теперь ее главная задача была направлена на масштабность и всеобщий охват всей корреспонденции советского государства.

Монолитность, сплоченность, безусловное выполнение указаний руководства – вот что стало главным в поведении советских людей. Люди должны были усвоить, что все кто мешает строить счастливую жизнь – враги. Уже в 1933 году партия указывала на то, что враги рассосались по нашей огромной стране, по всем каналам нашей сложной советской системы, проникли в наши советские, хозяйственные и даже партийные организации. Хищение, воровство, сознательная порча государственного и общественного имущества, утаивание доходов от государства – вот сейчас методы и приемы классового врага, так тогда учила партия.

И плох тот коммунист, который не умеет распознать классового врага в его новом виде, кто ищет его по-прежнему с винтовкой или обрезом в руках и благодушно проходит мимо хищника, вора и вредителя.

Перлюстрация корреспонденции послужила импульсом для проведения и ряда политических процессов, ведь именно в этот период в качестве вещественных доказательств фигурировали рукописи и печатные тексты, которые были запрещены Главлитом. Начинается процесс сращивания репрессивных органов и литературной цензуры. Наклеивание ярлыков, шпиономания, как волна все более захлестывает страну.

В политической организации общества в советском социалистическом государстве наблюдается ярко выраженные тенденции к тоталитаризму, что является диссонансом официальной политике, провозглашавшей демократические преобразования в стране, впоследствии закрепленные в сталинской Конституции СССР 1936 г.

Глава IV. Почтовая военная цензура в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

Великая Отечественная война явилась серьезным испытанием для всей социалистической системы государства. Созданный в предвоенные годы механизм государственного управления должен был в короткий срок перестроиться к новым чрезвычайным условиям войны. Особая ответственность в этих условиях возлагалась на два Наркомата – обороны и государственной безопасности, обеспечивавших внешнюю и внутреннюю функции защиты государственного строя.

Необходимо отметить, что перестройка органов государственной безопасности началась еще в предвоенные годы. 22 августа 1938 года первым заместителем наркома внутренних дел СССР был назначен первый секретарь ЦК ВКП(б) Грузии Л.П. Берия, который уже через месяц стал начальником Главного управления государственной безопасности (ГУГБ). 24 ноября 1938 года от должности наркома внутренних дел был освобожден Н.И. Ежов. Началась чистка центрального аппарата НКВД от бывших «ежовских» кадров и в связи с этим реформация структуры органов, появились новые управления, отделы и подразделения.

Так, 22 декабря 1938 года была организована следственная часть (следчасть), начальником которой стал Б.З. Кобулов. Через полгода следчасть разделилась на два подразделения, входящих в ГУГБ и ГЭУ. При Л.П. Берии окончательно оформились функции ГУГБ. По системному расписанию на конец 1939 г., 2-й отдел ГУГБ (секретно-политический) имел разветвленную внутреннюю структуру, которая соответствовала основным направлениям агентурной деятельности (борьба с антисоветскими формированиями среди академической, научно-технической, гуманитарной, медицинской интеллигенции, работников искусств и литературы, советского управленческого аппарата, агентурно-оперативная работа среди молодежи).

Среди одиннадцати его отделений, как минимум четыре имели отношение к политической цензуре, поскольку занимались агентурной разведкой и «разработкой» всей интеллектуальной элиты советского общества: 5-е отделение занималось литераторами и другими деятелями искусства, а также органами печати и издательствами, 6-е отделение – Академией наук, НИИ и научными обществами, 7-е отделение – учащейся молодежью, всей системой Наркомпроса и детьми репрессированных, 10-е отделение – осуществляло борьбу с церковью.

Всего на 1 января 1940 г. в центральном аппарате по штатам числилось 32 642 человека. Только в секретариате служило 200 человек, 233 сотрудника числились в СПО и 3 сотрудника в ОО ГУГБ[128].

Из года в год расширяли и сам аппарат НКВД СССР, в центре и на местах. С 1938 года по 3 февраля 1941 года (до образования НКГБ СССР) в НКВД СССР функционировали Главное управление государственной безопасности, Главное управление рабоче-крестьянской милиции, Главное экономическое управление, Главное транспортное управление, Главное управление по охране железнодорожных сооружений, Главное управление пограничных войск, Главное управление исправительно-трудовых лагерей, Главное тюремное управление, Главное управление противопожарной охраны, Главное управление местной противовоздушной обороны, Главное управление по делам военнопленных и интернированных (1940 г.), ряд самостоятельных отделов[129].

Мощный и громоздкий аппарат по существу был государством в государстве. И вероятно, поэтому И.В. Сталин, не желая сосредоточения всей полноты власти в руках одного человека Л.П. Берия, разделил НКВД СССР на два самостоятельных ведомства НКВД и НКГБ, с передачей органов военной контрразведки в ведение Народного комиссариата обороны и Народного комиссариата Военно-Морского Флота.

В первые дни войны особо остро встал вопрос о сохранении государственной тайны, недопущении распространения через почтово-телеграфную связь разного рода антисоветских, пораженческих, провокационных и клеветнических сообщений, подрывающих обороноспособность и государственную безопасность страны.

С этой целью ГКО издает Постановление «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции» от 6 июля 1941 года. Пункт второй этого документа обязывал Народный комиссариат государственной безопасности СССР организовать 100% просмотр писем и телеграмм… для чего разрешить НКГБ СССР соответственно увеличить штат политконтролеров (подчеркнуто – А.С.). И далее в областях, объявленных на военном положении, ввести военную цензуру на все входящие и исходящие почтово-телеграфные отправления. Осуществление военной цензуры возложить на органы НКГБ и третьих управлений НКО и НКМФ. На вскрытых и просмотренных документах ставить штамп «Просмотрено военной цензурой». Почтово-телеграфный обмен со странами, воюющими с Советским Союзом или порвавшими с ним отношения, прекратить.

---

[128] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. «Росспэн». 2002. С. 212.

[129] Коровин В.В. «История отечественных органов безопасности» (Учебное пособие). М. «Норма». 1998. С. 44.

Безусловно это постановление, подписанное И.В. Сталиным носило общий характер и конкретизировалось специальными секретными инструкциями НКГБ, регулирующими не только почтовую военную цензуру, но и продолжавшуюся перлюстрацию корреспонденции. Об этом свидетельствуют и рассекреченные ныне материалы ФСБ РФ. Например, на территории Свердловской области, даже в 1949 году, т.е. через пять лет после окончания войны, продолжали работать пункты ВЦ[130]. В связи с этим возникает законный вопрос – проштамповывались ли такие письма штампом «просмотрено военной цензурой» или это уже была перлюстрация корреспонденции, о которой совершенно не догадывались простые советские граждане, свято верившие в гарантированную Конституцией 1936 г. тайну переписки?

В некоторых литературных, мемуарных источниках, изданных на Западе утверждается, что почтовая военная цензура и перлюстрация корреспонденции осуществлялась и в начале 60-х годов в СССР[131].

Для того чтобы представить объем работы почтовых военных цензоров (легальная форма перлюстрации) обратимся к статистике. По справке Наркомсвязи в 40-е годы, ежедневно в среднем в СССР отправлялось 6 708 800 писем и 375 600 телеграмм, из которых за границу уходило 1 500 телеграмм и 33 000 писем; из-за границы поступало 1 000 телеграмм и 31 000 писем. По мнению исследователя Горяевой Т.М. для полного контроля внешних и внутренних писем и телеграмм, исходя из расчета 1 цензор на 150 писем или 600 телеграмм в день, требовалось дополнительно увеличить имевшийся штат цензоров на 41 351 единицу[132].

В годы войны, и особенно в первые послевоенные годы, как ни странно значительно увеличилась переписка с зарубежными странами. И, прежде всего из-за иностранных военнопленных, находящихся на территории СССР. В основном это были граждане Германии, Италии, Румынии, Испании, Японии. Но были и граждане других иностранных государств. Все они вели интенсивную переписку с родными и близкими на своей родине. Безусловно, все эти письма цензурировались органами государственной безопасности. Исключение составляли лишь письма направленные в адрес высших руководителей коммунистической партии и правительства.

Имеются такие данные на 1 января 1948 года в СССР в плену находилось 1 200 604 человека, из них 270 174 военнослужащих бывшей японской

---

130 Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Ед. хр. 342. Л.Л. 332-334.

131 См. например, Леопольд Авзегер «Я вскрывал ваши письма…» (из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ). Москва-Нью-Йорк. Альманах «Время и мы». 1980. С.С. 224-278.

132 Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. «Росспэн». 2002. С. 276.

армии[133]. Только с января по декабрь 1948 года ими было получено из-за границы 33 932 620 писем. За этот же период военнопленные отправили своим родным и знакомым: в Японию – 406 761; в Германию – 10 110 185; в Австрию – 154 455, в Венгрию – 1 260 355, в Румынию – 1 027 920 писем[134].

К вопросам цензурирования почтовой военной корреспонденции относились достаточно внимательно. Они находились не только под контролем органов государственной безопасности, но и коммунистической партии. Пример тому спецсообщение Начальника Управления НКВД по Свердловской области (20 июля 1941 г. НКГБ И НКВД были вновь объединены в единый наркомат – НКВД) «О не обеспечении подачи корреспонденции на пункты военной цензуры органами Народного комиссариата связи» от 18 ноября 1941 года, направленное в адрес Свердловского областного комитета ВКП(б) тов. Андрианова. В нем, в частности отмечается, что учреждения связи Свердловской области в недостаточной мере выполняют выше указанное Постановление Комитета Обороны от 6 июля 1941 года. В частности это проявилось в том, что не вся корреспонденция подавалась учреждениями связи на пункты ВЦ. Это касалось таких городов и населенных пунктов Свердловской области, как Первоуральск, Шаля, Сарга, Сабик, Илим, Камышлов, Туринск и др.

Проведенная органами государственной безопасности внезапная проверка учреждений связи 5 ноября 1941 года выявила, что корреспонденция, исходящая в области, объявленные на военном положении и, особенно в Москву и Ленинград не имеет штампов ВЦ, что тоже свидетельствует, что эта корреспонденция на пункты ВЦ не доставлялась. Такой корреспонденции было обнаружено 1 073 отправлений. Имелись и другие нарушения связанные с путаницей адресов доставки, задержкой сроков доставки и т.п.

В целях устранения указанных недостатков Начальник Управления НКВД по Свердловской области «считал необходимым понудить (так в тексте документа – А.С.) Начальника Обл. Управления Связи к выполнению указанных недостатков»[135].

Анализ пересылки между Свердловским обкомом КПСС и Начальником Управления НКВД по Свердловской области свидетельствует, что выполнению Постановления ГКО от 6 июля 1941 года уделялось особое внимание. В спецзаписке по вопросу срыва своевременной подачи корреспонденции на пункты военной цензуры от 2 февраля 1942 г. вновь отмечается, что значительное количество корреспонденции продолжает проходить минуя пункты

---

[133] Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Ф-1п. Оп. 9А. Ед. хр. 10. Л.Л. 38-39.

[134] Смыкалин А.С. «Колонии и тюрьмы в Советской России». Екатеринбург. 1997. С. 163.

[135] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Пор. 123. Л. 4.

военной цензуры, также отмечается недопустимая медлительность в продвижении корреспонденции. Так, например, отмечается в документе «почтовые отделения гор. Свердловска, как правило, не проводят 100% отсортировки военной корреспонденции идущей в Действующую Красную Армию (ДКА), вместе с другой корреспонденцией направляется вместо ВПСП гор. Свердловска в отдел сортировки ЖДО ст. Свердловск, там она отсортировывается и только после этого попадает ВПСП, в результате чего происходит ее замедление в продвижении от отделения связи до ВПСП на 2 суток, а исходящей из районов области до 5 суток»[136].

В заключении спецзаписки Начальник Управления НКВД по Свердловской области старший майор государственной безопасности Борщев обращается в Обком КПСС «прошу Вашего вмешательства, так как подобное состояние с корреспонденцией, проходящей через ВЦ, явно ненормально и противоречит решению ГКО о 100% пропуске ее обязательно через пункты ВЦ».

Но, наверное, больший интерес вызывает не сама система цензуирования, а содержание тех писем, которые были подвергнуты перлюстрации. Анализ этого эпистолярного наследия позволяет заглянуть в те далекие годы, представить проблемы и трудности военного времени. В апреле 1943 года, в цензуированных письмах идущих из Свердловской области в действующую Красную Армию отмечались следующие проблемы[137]:

	Наименование сообщений	Количество	
		за 2 половину марта месяца 1943 г.	за 1 половину апреля месяца 1943 г.
1.	О дороговизне и продзатруднениях	39 593	33 354
2.	Жалобы на удержания из з/п	1 722	918
3.	Жалобы на налоги	742	1 293
4.	О плохих квартирных условиях	1 662	1 198
5.	О недостатке топлива	1 742	1 121
6.	Об эпидемических заболеваниях	649	675
7.	Жалобы эвакуированных	1 137	754
8.	Жалобы семей военнослужащих	1 228	943
9.	Упаднические и панические	1 040	927
10.	Национальная рознь и вражда	28	41
11.	Дезертирство	86	150
12.	О недостатках на фабриках и заводах	102	108
13.	О недостатках в сельском хозяйстве	3 562	3 387
	Общее количество прочитанной корреспонденции	942 130	870 043
	Процент отмеченных отрицательных сообщений к количеству прочитанной корреспонденции	5,6%	5,15%

[136] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Пор. 123. Л. 15.
[137] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Пор. 123. Л. 82.

О чем же писали жители Свердловской области в своих письмах мужьям, сыновьям, братьям на фронт. Приведем некоторые выдержки из этих писем.

Гр. Пиджакова из Нишинского сельсовета дер. Еремино Ирбитского района Свердловской области в действующую Красную Армию Пиджакову:

…Вот с 20 февраля нет у меня хлеба, ребята просят есть, а я что им дам кроме картошки. Только достану где кусок хлеба разделю ребятам, а сама думаю ладно так, но чувствую, что скоро мое здоровье изменит мне. В голове шумит как в машине, руки падают, за что не возьмусь. Силы много исходит. Прошло пять дней, а мне все еще не выдали паек, послал бы письмо в сельсовет, да в Собес…

Гр. Машкова из гор. Ревды (Рабочий поселок, ул. Чкалова, 16) в действующую Красную Армию Машкову:

…Живем очень плохо, по суткам сидим голодом… придется помирать с голода, а на меня внимания не обращают, что красноармейская семья. Люди все на детей получают, а мне ничего нет и не смотрят, что нас трое, а я сама болею. Хоть бы ты похлопотал, что либо выслал на военкомат и может быть мне помогли бы. Я очень болею, а питания нет, а умирать не охота…

О том, что положение семей военнослужащих эвакуированных на Урал, было очень тяжелым, если не назвать бедственным видно из письма Амелиной из гор. Тавды Свердловской области (ул. Калинина, дом 54) капитану Амелину в действующую Красную Армию:

…Гриша напиши на райком, как капитан и орденоносец, тебя скорей послушают и дадут нам квартиру. Гриша, мы сейчас живем у людей и валяемся на полу, спим, где и собака и блохи. У нас уже появилась по всему телу чесотка. У Бори чесотка на руках уже волдыри стали и вши завелись. Мама лежит в больнице и пролежит еще месяц. Гриша милый помоги нам скорей, а то мамы нет и мы двое с Борей, нас уже тетенька ругает, что не уходим долго и почти выгоняет. Гриша еще прошу тебя напиши на райком и попроси, чтобы нам сироткам помогли: Гриша ведь у нас ничего не осталось в чем вышли в том и остались. Сейчас уже скоро месяц, как сгорели и все в одном ходим в грязном и вшивом и есть нечего…

Еще более строгому цензурированию, а порой и перлюстрации подвергались письма идущие с фронта. В качестве первичных источников информации служили донесения и разведки особых отделов, перлюстрированные письма военнослужащих, трофейные письма и дневники. Как отмечает исследователь Горяева Т.М.: «эти документы свидетельствовали о широком спектре настроений как у военнослужащих (от рядового состава до генералитета) так, и у гражданского населения. Это в очередной раз опровергает устоявшийся тезис о монолитном отношении советского общества к советской власти и коммунистической идеологии»[138].

---

[138] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. «Росспэн». 2002. С. 278.

Выдержки из перлюстрированных писем являлись доказательственной базой не только при проведении оперативно-розыскных, но и следственных действий, хотя это и подрывало строгую конспиративность перлюстрации. Вероятно, формой легализации этой незаконной деятельности служило цензуирование, которое легко объяснялось условиями военного времени.

Приведем некоторые примеры, таких антисоветских, пораженческих высказываний добытых оперативным путем.

«Казначей, сержант Торон среди красноармейцев возводит клевету на жизнь трудящихся в Советском Союзе и распространяет пораженческие настроения, говоря: «...Куда нам воевать, везде видна наша бедность. Мне лично все равно, в какой стране жить. В нашей стране никто лучше не жил, чем в любой стране, где нет советской власти. Коммунизм нам не построить. Зачем полякам и украинцам освобождаться, когда они в настоящее время освобождены?» Последствия для этого сержанта были весьма плачевными, он был арестован особым отделом. Следующий пример, лейтенант Елисеев восхвалял немецкий плен, где он побывал: там его хорошо кормили. Резюме: проводится документация а) с высказываний Елисеева, он будет арестован. Писарь хозчасти Колесников среди красноармейцев полка распространял следующие высказывания: «Немецкая армия культурнее и сильнее нашей армии. Нам немцев не победить. Смотрите, какая у немцев техника, а у нас, что за самолеты, какие-то кукурузники. Вся наша печать пишет неправду, в газетах пишут, что немцев побеждаем, а на самом деле наоборот». По этому случаю, также сообщалось, что проводится документация для ареста Колесникова[139].

Анализ исследуемых источников не дает возможности со стопроцентной уверенностью констатировать различие между почтовой военной цензурой и перлюстрацией корреспонденции. Думается, что в годы войны мало кто из руководителей органов государственной безопасности задумывался над этим. Поэтому вопрос о легализации перлюстрационной деятельности не стоял, так остро, как в послевоенный период.

Кстати, выдающийся русский писатель, лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын, тоже стал жертвой перлюстрации корреспонденции на фронте в годы Великой Отечественной войны. «Он был арестован 9 февраля 1945 года: ...жесткий голос произнес: – Вы арестованы. Этого не может быть! - крикнул Солженицын – За что?..

– Вы арестованы!

---

[139] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. «Росспэн». 2002. С. 279.

– Погодите! – генерал Травкин властным жестом остановил контрразведчиков и, глядя на своего бывшего подчиненного, сказал просто, как будто ничего не происходит:

– Солженицын, у вас есть брат на Первом Украинском фронте?

Больше он сказать не мог. Но этого было достаточно. Брат – это Виткевич. Он и Кока... Неужели из-за этого? Их переписка... Разве что «Резолюция»?! Но ведь о ней никто не знает?..» (выделено – А.С.)[140].

Перлюстрационная деятельность носила масштабный характер, прочитывались не просто сотни, а десятки тысяч писем поступающих с фронта или направленных на фронт. Практически, невозможно было скрыть тайные сведения, излагаемые в письме, используя другой язык. Так, например, в месячном отчете по обработанной корреспонденции пунктами военной цензуры отдела «В» УНКГБ по Свердловской области за ноябрь месяц 1943 года сообщалось: А. Всего обработано писем – 1 021 556, в том числе национальных:

на татарском языке ... 73 230	на латышском языке ... 856
на немецком языке ... 45 180	на армянском языке ... 1 942
на казахском языке ... 36 992	на удмуртском языке ... 1 002
на узбекском языке ... 17 130	на украинском языке ... 2 080
на еврейском языке ... 13 999	на литовском языке ... 225
на чувашском языке ... 14 400	на английском языке ... 65
на мордовском языке ... 2 851	на чешском языке ... 67
на польском языке ... 10 280	на французском языке ... 4
на эстонском языке ... 3 845	на грузинском языке ... 429
на туркменском языке ... 4 085	на каро-колпакском языке ... 25
на киргизском языке ... 1 420.[141]	

Некоторые письма были написаны на столь редких языках, что приходилось привлекать переводчиков из других регионов Советского Союза. Что, естественно задерживало срок доставки писем. Многие офицеры политконтроля, занимавшиеся перлюстрационной деятельностью владели многими иностранными и национальными языками. За знание дополнительных языков выплачивалась надбавка, что являлось материальным стимулом к их изучению.

И, тем не менее, объем работы был такой, что вопрос о кадрах военной цензуры, о переводчиках всегда был в центре внимания руководства органов государственной безопасности страны.

Возможно, с этим связаны постоянные перестройки органов государственной безопасности. Не последнюю роль играла и изменившаяся

[140] Решетовская Н. «В споре со временем». М. АПН. 1975. С. 54.
[141] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Пор. 185. Л. 217.

обстановка на фронте, связанная с коренным переломом в ходе войны. Приказом НКВД СССР от 18 января 1942 года на основе 2-го отдела было образовано 4-е управление НКВД СССР (разведка, террор и диверсии в тылу противника) во главе с П.А. Судоплатовым.

Вскоре Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 года был создан НКГБ СССР. Были также объявлены структура и штатное расписание НКГБ, утвержденные решением Политбюро и постановлением СНК СССР № 393-129 с.с. от 14.04.1943 г. Центральный аппарата НКГБ состоял из семи управлений (2-е управление контрразведка – было создано на базе 2-го и 3-го управлений НКВД) и четырех самостоятельных отделов, а также следственной части и секретариата.

На базе бывшего 2-го секретного отделения НКВД СССР был организован Отдел «В» НКГБ (МГБ) СССР занимавшийся **военной цензурой и перлюстрацией корреспонденции** (выделено – А.С.). Во время войны и первое послевоенное время, как показывает анализ архивных документов ФСБ РФ объем работы именно этого отдела значительно увеличился.

С начала Великой Отечественной войны особо остро встал вопрос о сохранении государственной военной тайны, **недопущении распространения через почтово-телеграфную связь разного рода антисоветских, пораженческих, провокационных и клеветнических сообщений, подрывающих обороноспособность и государственную безопасность страны** (выделено – А.С.). С этой целью Государственный Комитет Обороны 6 июля 1941 года принял постановление «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции».

Этим постановлением предусматривалась организация системы мер, направленных на решение задач по сохранению государственной и военной тайны. В частности, запрещалось сообщать в письмах и телеграммах сведения военного, экономического и политического характера; прием и посылка почтовых открыток с видами или наклеенными фотографиями и т.п.; употребление конвертов с подкладкой и др. Просмотр писем и телеграмм, шедших из прифронтовой полосы, возлагался на НКГБ СССР. Во всех областях, объявленных на военном положении, вводилась военная цензура на все входящие и исходящие почтово-телеграфные отправления. На вскрытых и просмотренных документах ставился штамп «Просмотрено военной цензурой». Осуществление военной цензуры возлагалось на органы НКГБ и третьи управления НКО и НКВМФ.

Преобразования коснулись не только органов осуществлявших цензурирование и перлюстрацию корреспонденции. 17 июля 1941 года ГКО СССР издает постановление о преобразовании органов третьего управления НКО СССР в особые отделы НКВД СССР. Их главной задачей являлась борьба со шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидация дезертиров непосредственно в прифронтовой полосе.

Третье управление НКО СССР преобразовывалось в Управление особых отделов НКВД СССР.

Тесное переплетение контрразведывательной функции и функции тайной политической полиции было организационно оформлено слиянием в единое 2-е Управление НКГБ СССР Контрразведывательного, Секретно-политического и Экономического управления с приданием им 3-го спецотдела НКВД СССР, осуществлявшего обыски, аресты и наружное наблюдение. Бессменным руководителем советской контрразведки в годы войны являлся П.В. Федотов.

Таким образом, созданный в 1943 г. НКГБ СССР включал в себя семь управлений (разведывательное, контрразведывательное, транспортное, по организации террора и диверсий на оккупированной немцами территории, шифровально-дешифровальное, по охране руководителей партии и правительства, административно-хозяйственное), четыре самостоятельных отдела «А», «Б», «В» и ОК (учетно-архивный, оперативно-технический, Военной цензуры и перлюстрации корреспонденции (подчеркнуто – А.С.), отдел кадров), следственную часть и секретариат. До 1946 г. эта структура претерпела небольшие изменения[142].

Реорганизованная структура и штаты территориального органа государственной безопасности на примере УНКГБ по Свердловской области выглядели в августе 1943 г. следующим образом:

Руководство – 4 чел. Секретариат – 8 чел.

2 отдел (по г. Свердловску) – 60 чел.

Руководство – 4 чел. Секретариат – 5 чел.

Отделения:

1-е – предприятия наркоматов вооружения, боеприпасов, танковой, авиационной, химической промышленности, электростанции г. Свердловска – 9 чел.

2-е – предприятия наркоматов черной и цветной металлургии, тяжелого и среднего машиностроения, электротехнической, угольной, резиновой, местной и др. промышленности – 6 чел.

3-е – торговля, промкооперация, финансы, юстиция, профсоюзы, военкоматы, неорганизованное население – 5 чел.

4-е – интеллигенция, молодежь – 8 чел.

5-е – розыск немецкой агентуры, заброшенной в тыл – 2 чел.

6-е – розыск авторов антисоветских листовок, анонимок, спецмероприятия и опертехника – чел.

8-е – аресты, обыски, наружное наблюдение – 3 чел.

---

[142] Вольхин А.И. «Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.». Дисс. док. ист. наук. Екатеринбург. 2001. С. 87.

9-е – учет, контроль, информация – 4 чел.

2 отдел (областной) – 35 чел.

Руководство – 2 чел. Секретариат – 3 чел.

Отделения:

1-е – по городам области – 9 чел.

2-е – сельскохозяйственное – 11 чел.

3-е – духовенство, церковники, сектанты – 6 чел.

9-е – учет, контроль по области, информация – 4 чел.

Следственный отдел – 24 чел.

5-й отдел – 10 чел. (шифровальная, дешифровальная работа, охрана гостайн)

Отдел «А» – 15 чел. (оперативный учет, статистика)

Отдел «Б» – 10 чел. (радиоконтрразведка)

Отдел «В» – военная цензура, перлюстрация корреспонденции (подчеркнуто – А.С.) административно-хозяйственный и финансовые отделы – 69 чел.

Отдел кадров – 11 чел.

Радиостанция – 50 чел.

Внутренняя тюрьма – 36 чел.

Общая численность УНКГБ по Свердловской области – 337 чел., из них оперативных сотрудников – 125 человек[143].

Обращает на себя внимание факт частых реорганизаций центральных и местных органов государственной безопасности во время Великой Отечественной войны.

И действительно в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года об объединении НКВД и НКГБ в единый Народный комиссариат внутренних дел указывается, что это вызвано «переходом от мирного времени на военные условия работы».

Что же касается причин преобразования органов Третьего управления НКО СССР в особые отделы НКВД СССР, то в постановлении Государственного Комитета Обороны по этому вопросу ничего не говорится. В директиве НКВД СССР № 169 «О задачах особых отделов среди органов военной контрразведки» от 18 июля 1941 г. сказано следующее: «Смысл преобразования органов Третьего управления в особые отделы с подчинением их НКВД заключается в том, чтобы повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами…»[144].

---

[143] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Ед. хр. 125. ЛЛ. 76-85; Ед. хр. 188. ЛЛ. 1-53.

[144] Коровин В.В. «История отечественных органов безопасности» (Учебное пособие). М. «Норма». 1998. С. 53.

Исследователь Коровин В.В. высказывает собственное мнение о том, что спустя пять месяцев после одной реорганизации (февраль 1941 г.) проведение второй реорганизации (июль 1941 г.) в крайне тяжелой обстановке начального периода Великой Отечественной войны вряд ли можно считать оправданным.

Реорганизация эта, как показала практика, была не очень удачной, потому что вскоре вновь вернулись к системе раздельного существования органов государственной безопасности и внутренних дел. Уж больно разные задачи стояли перед аппаратами этих наркоматов. Обращает на себя внимание тот факт, что Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 апреля, лишь несколько конкретизировало свое же постановление от 3 февраля 1941 г. о разделении НКВД СССР на два наркомата НКВД СССР Н НКГБ СССР. Перед каждым из этих наркоматов теперь стояли свои специфические задачи.

Установленная новая система органов государственной безопасности практически просуществовала до 1946 года.

Но вернемся к деятельности почтовой военной цензуры и перлюстрации корреспонденции в те далекие военные годы, как к одному из направлений в работе органов государственной безопасности.

Более полное представление об этом дают материалы архивов федеральной службы безопасности РФ. Так, в спецсообщении по обработанным документам пунктом «ПК» (политический контроль – отмечено А.С.) ВЦ Н-Тагильского НКВД Свердловской области за январь месяц 1942 г. отмечено:

Общий поток корреспонденции за месяц – 25 000;

За отчетный период прочитано военной цензурой корреспонденции, исходящей в области объявленные на военном положении – 12 000;

Прочтено путем политконтроля (перлюстрация корреспонденции? – А.С.) – 10 000;

Отмечено сообщений положительного характера – 5 600;

Отмечено сообщений отрицательного характера – 1 785;

Отмечено сообщений бытового характера – 7 615;

Корреспонденции писаной на иноязыках и языках народов СССР, направленной во 2-й спецотдел УНКВД для переводов – 20;

Подвергнуто документов «К» (конфискации – А.С.) – 50;

Передано в ГО НКВД для оперативного использования – 6.

Отмеченные сообщения отражают вопросы[145]:

---

[145] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Пор. 124. Л. 12.

	Характер материала	Количество выписок		Сообщения	
		«+»	«-»	«+»	«-»
1.	Политнастроения	5	25	1 200	25
2.	Восстановление эвакуированных заводов	8	4	150	15
3.	Взаимоотношения эвакуированных с местным населением	4	3	25	30
4.	О работе промышленных предприятий	5	6	200	60
5.	Продовольственное снабжение	6	6	115	80
6.	Помощь красноармейским семьям	3	4	90	40
7.	Подготовка к посевной компании	5	6	98	70
	ИТОГО:	36	54	1 878	320

Анализ перлюстрированной корреспонденции показывает, что наряду с сообщениями положительного характера, проникнутыми патриотическими чувствами 20,2%, в сложный период войны (январь 1942 г.) имеется и довольно значительный процент 7,01% писем, в которых ярко выражены упаднические и даже паникерские настроения.

Неустроенность, сложность быта, нехватка топлива, недостаточность питания приводило к тому, что советские граждане «выливали» свою боль на бумагу, не подозревая, что в их переписке двоих участвует еще и третий – офицер политконтроля. Бытовых сообщений было больше всего, они составляли почти 35%.

Представляется, что отрицательных сообщений могло быть и больше, просто народ воспитанный в условиях шпиономании и подозрительности 30-х–40-х годов уже особо не доверял бумаге свои мысли, какая-то часть населения внутренне сомневалась в ст. 28 Конституции СССР 1936 г., гарантирующей тайну переписки, а следовательно, в своих письмах старались не касаться политических проблем, сосредотачивая свое основное внимание на описание проблем бытовых.

И как мы убеждаемся сейчас, это решение было правильным. Ибо в «лучшем» случае письмо с такой негативной информацией, с точки зрения государства, конфисковывалось (док. «К»), а в худшем, поступала в оперативную разработку со всеми вытекающими для семьи последствиями. Мы, к сожалению, не располагаем информацией о том, сколько людей из-за своих писем оказалось в сталинских лагерях. Но уверены в том, что такая информация имеется, хотя вероятнее всего она до сих пор носит секретный характер.

Безусловно, представляет интерес то, о чем конкретно писали люди, в те далекие годы войны. Приведем наиболее характерные выписки по

обработанным документам. Кстати, оперативные работники контрразведки никогда не называли письма письмами. Во всех официальных отчетах они проходят, как «документы».

Политнастроения отрицательные:

г. Н-Тагил, Чапаева, 10, Иванову К.И.

«...Хлеба Соня все еще не давали на все трудодни и наверное не дадут, хлеба мало. Соня, мы теперь живем не в колхозе, а в каторге, все время день и ночь на работе....»

Свердловская обл., Талицкий район,

К-з «Кр. Заря» Спиридонова 13.11.1941 г. Док. «К»

Восстановление эвакуированных заводов, отрицательные

Москва, Герцена, 25

Иванову

«...И нам москвичам, приходится целыми днями работать на улице и восстанавливать свой завод. Но очень и очень медленно, не мешало бы за такие темпы кое-кого как полагается взгреть...»

Н-Тагил, Чкалова, 7

Соколов И.П. 23.12.1941. Док. «К»

Взаимоотношения эвакуированных граждан с местным населением, отрицательные

Алапаевск, Красноармейская, 7

Костареву С.И.

«...Работаю сейчас в конторе бухгалтером, но среди местных жителей отношение к нам, эвакуированным, жестокое и с ненавистью, не только население, но и администрация и коллективы. Ты понимаешь, что мы нуждаемся абсолютно во всем: в ложке, кружке и рубашке. Из продуктов и прочих предметов купить негде и население здешнее рады последнюю рубаху снять с плеч...»

г. Свердловск, ул. 8-го марта, 25 Костарева 25.11.1941 г. Док. «К»

Н-Салда, Вайнера, 51

Руш

«...Мы работаем в колхозе, жизнь очень скверная, нам абсолютно ничего не дают из колхоза. Вначале было ничего, но сейчас очень скверно, народ скверный, относится очень плохо, здесь были они все кулаки. Сейчас все раскулаченные и живут на местах, очень ждут немцев...»

В-Тавда, к-з «5-е октября»

Руш 27.11.1941 г. Док. «К»

Продовольственное снабжение,
отрицательные

с. Тугулым, Свердловская обл.

совхоз «Заря», Нестеровой С.П.

«...Нас завезли 300 км за Свердловск, в такую глушь, что никогда не думали, тут нет ни хлеба, ни продуктов, ни керосина, ни спичек, сидим в холоде, в голоде и в темноте, не знаю, что делать...»

В-Тавда, Ленина, 81

Чупрова 29.12.1941 г. Док. «К»[146]

Письма, направленные в действующую Красную Армию сеющие паникерство, неверие в победу, детально описывающие продовольственные, бытовые, трудовые и иные трудности, естественно могли вызвать отрицательную реакцию у отцов, мужей и братьев, находящихся на фронте и поэтому подлежали немедленной конфискации (док. «К») военной цензурой.

Но они не только конфисковывались, по ним проводилась определенная работа, с целью оказания помощи людям, попавшим в тяжелые материальные условия и более того документы «К» и выписки из них направлялись в соответствующие органы для принятия мер. Работа эта велась конспиративно (так, что многие письма никогда и не дошли до адресатов) и носила совершенно секретный характер.

В бывшем Партийном Архиве Свердловской области (ПАСО), нам удалось обнаружить любопытное письмо, перехваченное **военной цензурой (документ «К»), как раз свидетельствующее,** что работа, **пуская даже секретная, по ним велась. Приведем** данный документ:

Секретарю Обкома ВКП(б)
(Свердловской области) тов. Андрианову В.М.

Справка

На № 1166/с. жалоба гр-ки Гансбрук Т.Р.

Начальник Управления НКГБ (по Свердловской области) **тов. Борщев прислал в** Обком ВКП(б) выписку из задержанного военной цензурой **(подчеркнуто** – А.С.) письма гр-ки Гансбрук **которая жалуется мужу, находящемуся** на фронте на грубейшие нарушения революционной законности со **стороны** Начальника Оперчекотдела Ивдельлага **НКВД тов.** Дорошко **выразившиеся** в том, что якобы за активное **разоблачение злоупотреблений** она жена фронтовика и мать двух детей **была посажена** и подверглась истязаниям (подвешивалась **за ноги до потери сознания). Кроме** того

[146] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Пор. 124. Л. 17.

тов. Борщев сообщил, что подлинник письма (подчеркнуто – А.С.) он направил Начальнику Управления НКВД тов. Попкову...

23.10.1944 г.[147]

Можно предположить, что почтовые отправления, проходящие военную цензуру подвергались одной из следующих мер: полностью конфисковывались (док. «К»); пропускались, но корреспонденты ставились на оперативный учет, со всеми вытекающими последствиями; запрещенный текст «вымарывали» военной цензурой; письмо пропускалось. Но, в любом случае ставился штамп «проверено военной цензурой». Справедливости ради, надо сказать, что писем «оптимистического» патриотического содержания тоже было не мало. Приведем некоторые из них.

Политнастроения положительные

Московская обл., г. Электросталь
п/я № 1, подъезд 30
Абзалов Загир

«...Сынок Зингур, я пока живу ничего, но только не могу работать стар, но все же питаемся пока ничего. К нам приходил Шаров Степан, который говорил, что о тебе отзывы хорошие у командиров. Правильно сынок служить надо хорошо для блага народа, для защиты Родины. Ты пока находишься не на фронте, а если придется участвовать, то нужно стараться так, чтобы разгромить этих немцев. До смерти умирать не надо, нужно действовать смелее. Вот твой отец – я на двух войнах был на германской и в гражданской. Когда ходили в атаку я прикалывал 4-5 немцев, без этого не возвращался с атаки. Бей этих проклятых немцев беспощадно. Проклятого этого Гитлера не могло ударить паралич (так в тексте – А.С.). Если бы я был не так стар, то пошел бы опять бить немцев.

В 1919-20 г.г. за Ленинградом воевали с войсками Юденича и разгромили его там и с немцами тоже воевали и так завоевали власть Советов. Вы ее защищайте...»

Свердловская обл., ст. Красноуральск,
Манчашский р-н, Сарсинск, с/с
Дрл. Еманзалго Абзаков Садртдин 29.12.1941 г. Док. «А»
Следующее письмо, направленное мужу в действующую армию:
П.П.С. 484, 211 ОСБ
Волошину Максиму Митрофановичу

«...Милый муж! Бей их проклятых гадов, не давай им пощады, а я здесь буду работать так, чтобы помогать как можно лучше фронту, чтобы

[147] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф-1. Оп. 31. Ед. хр. 587. Л. 108.

разбить фашистов, т.е. буду помогать тебе и другим защитникам родины. У нас проходила подписка на денежно-вещевую лотерею. Я тоже подписалась на себя 30 рублей и на детей…»

Алтайский край, Краснозерский р-н,

с. Домышное «Н-Покровка»

Волошиной Пелагее М. 04.01.1942 г.

В первые месяцы войны особенно острой была проблема с эвакуированными гражданами, прибывавшими вместе с оборудованием заводов, на котором они работали в центральной и западной части СССР. Нельзя сказать, что местное население с восторгом воспринимало решение правительства об уплотнении жилья эвакуированными, предоставление им и их семьям дополнительных льгот и первоочередное решение их социально-бытовых условий. Это нашло отражение в переписке эвакуированных с родственниками, в том числе и сражающимися на фронте. Но среди большого количества отрицательных настроений эвакуированных, встречаются и письма где местное население с пониманием относилось к такого рода «переселенцам» в чрезвычайных условиях военного времени. Приведем некоторые из них:

г. Тагил, Чапаева, 1

Кур.

«…Нас встретили местные власти очень тепло, хорошо, дали хорошую квартиру, обеспечили на первое время дровами, так что ты об нас не беспокойся. Местное население нам сочувствует…»

г. Ревда, ул. К. Маркса

Курочкина В.П. 21.11.1941 г. Док. «А»

и еще одно письмо положительного содержания:

г. Н-Тагил, Малышева, 10

Зубову И.В.

«…Приехали мы сюда 25 августа, привезли нас в деревню, где встретили очень хорошо. Со станции везли нас на машине. Дали нам комнату вместе с хозяйкой. 5 дней мы отдыхали, а потом работать в колхоз. Я косила серпом горох, веяла на веялке пшеницу, горох, ячмень, овес. У меня выработано 30 трудодней. Нам за это давали хлеб и картошку. Сейчас работа кончилась, то нам дали гос. паек…»

г. Ревда, Ленина, 5

Рубин 27.11.1941 г. Док. «А»

Слишком резкий контраст, практически в описании одних и тех же жизненный событий, односложность в «положительных» письмах наводит

на мысль, а не писались ли они агентурой органов государственной безопасности, непосредственно под диктовку оперуполномоченного, отвечающего за политическое настроение подопечного ему эвакуированного населения? По крайней мере, такая возможность не исключена.

Начиная с 1930-х годов из Крыма, Западной Украины, а позднее и из других регионов страны стали переселяться представители разных этнических групп населения: крымские татары, украинцы, литовцы, поляки.

И в связи с этим, естественно, возникает интерес: О чем они размышляли? Как оценивали свой новый статус переселенцев? Как относились к Советской власти?

Свои мысли и чувства они доверяли бумаге, не подозревая, что каждое письмо внимательно изучается и анализируется органами НКГБ.

Как известно, на территории СССР были сформированы польские войсковые соединения, воюющие на стороне СССР против фашистской Германии. Однако семьи польских военнослужащих, как свидетельствуют материалы военной цензуры, находились на Урале в достаточно сложном материальном положении, о чем свидетельствуют письма.

Гражданка Шутра М.Ф. Свердловская область, Реж, ст. Хлих Костоусовский рудник, пишет в в/ч 66843/с. Шутра С.Ю.

«...что касается помощи нам, то на наши просьбы никто не отвечает. Нас все забыли, кто здоровый взяли в армию, а которые остались могут погибать – это никого не касается, т.к. мы остались совершенно без опеки. Это подлая из подлых дум В. Василевской (просоветски настроенная, польский функционер – отмечено А.С.), которая хочет погубить уничтожить и растоптать весь польский народ, находящийся в СССР... Боже помоги польскому крестьянскому народу. Помоги, чтобы наша католическая вера воскресла... Неужели заграницей о нас забыли. Неужели на это повлиять нельзя... почитай письмо всем товарищам...»

Другое письмо проникнуто заботой о будущем территориальном устройстве Польши.

Гражданка Чупик Х., Свердловская область, Пышминский район, Чупинская почта Чупино № 38, пишет гражданину Мицику Х.

«...Ждем момента нашего освобождения, но кажется что это не скоро будет. Перспектива не особо хорошая для нас, – не в нашу пользу. Вы, это знаете ты и Владек, ничего хорошего не выигрываете. Может Юрик будет воевать действительно в пользу нашей... (видимо Польши – А.С.) Дела наши не очень хорошие по вашей части, ты читаешь газеты и знаешь какая должна быть Польша... Граница должна быть такой, как в 1939 г. Мы должны принадлежать России. Эти области должны принадлежать России, а граница Польши должна быть расширена за счет Чехословакии, но ведь неизвестно, как чех будет на это реагировать, не захочет ли он с тобой драться...»

Гражданка Бочар А.И. Свердловская область, г. Вер, Пер. пос. д. 11 кв. 7, пишет в Полевую Почту (П.П.) № 89479 Бочар В.П.

«...Эта проклятая почта и холерская жидовская цензура «съедают письма». Мы все в отчаянии. Мы прекрасно понимаем, что делается. Мы знаем как погибают наши, как мучают поляков... О нас никто не думает. Не думают, о том, что дети гибнут от голода и о том, что наших отцов, мужей и братьев без вопросов убивают... Дорогой Бронек, мы здесь погибаем, так как нечего есть, а никто ничего не дает. Войны не думают кончать, а Вас на фронт послали. А Польша для кого будет. Для Ванды Василевской, Берлинга и жидов. Чтобы тех, кто нас сделал сиротами – осиротел, столько лет мучили предсмертные судороги, сколько они нас мучают... И еще по радио дразнят нас эти идиоты...»

Такие эмоциональные, полные отчаяния письма весьма характерны для польских переселенцев оказавшихся на Урале.

Гражданка Хлих-Шулира Моря Франковна из Свердловской области г. Реж Костоусовский рудник пишет в П.П. 66843/с. Шулира С.

«...Ваши «успехи» мы чувствуем. Нам хлеба урезали и Вам наверное. Нам дают ½ кг и маме 200 гр. и Вас выкормят как нитки будете... У нас часто много новостей, но правды в этом мало. Напиши ты нам, если что-либо знаешь. Нам ведь правды не говорят. С каждым днем все скучнее и хуже, к смерти ближе, а почему ты сам знаешь. Ты ведь знаешь где мы живем под какой властью (опекой). Эта сволочь (В. Василевская) нам о Вас очки втирает. Сволочи. Нашу кровь пьют и брата на брата в бой гонят. Я все знаю, только говорить нам нельзя. Но мне уже все равно. Хватит этой нищеты и издевательства. Ведь уже 4-й год так живем. Боже помоги нам пережить эти муки... Дай бог видеться в свободной от никого независящей Польше...»[148].

В спецсообщении в Москву, начальнику отдела «В» НКГБ СССР полковнику госбезопасности тов. Смородинскому из Управления НКГБ по Свердловской области сообщалось, что при просмотре переписки идущей в польские военные части от поляков проживающих в Свердловской области – Военной цензурой отмечены... отрицательные и антисоветские сообщения и высказывания.

Также в этой переписке имеется значительное количество писем с жалобами на тяжелые материально-бытовые и продовольственные условия жизни (подчеркнуто – А.С.).

Обращает на себя внимание любопытный факт. В спецсообщениях идущих от русских, жителей Свердловской области и Урала в целом с жа-

[148] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Ед.хр. 218. Л.Л. 136-139.

лобами на тяжелые условия жизни в тылу, материал не только анализирован, но по нему партийные органы области и города принимали конкретные решения, для улучшения жизни семей фронтовиков, и такая помощь, после соответствующей проверки, была адресной.

Что касается польских переселенцев, то их судьба действительно никого не интересовала, никакой помощи польским гражданам не оказывалось, более того письма, цитируемые выше, на фронт отцам, мужьям, братьям, воюющим на стороне СССР в польских соединениях подлежали конфискации и уничтожению. Так, четко прослеживался принцип «свои и чужие».

«Польская проблема» еще не так давно была в центре внимания мировой общественности, в фокусе политической жизни не только нашего государства.

Дело в том, что была опубликована служебная записка Л.П. Берия, датированная мартом 1940 г. в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, в которой указывалось, что в лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии скопилось большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов которые являются «заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю».

В лагерях для военнопленных содержится – 14 736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков – по национальности 97% поляки. В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18 632 арестованных (из них 10 685 поляки). Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми (подчеркнуто – А.С.) врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР: 1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков, 2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных контрреволюционных шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков – рассмотреть в особом порядке, применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения... (подчеркнуто А.С.).

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку в составе т.т. Меркулова, Кобулова, Баштакова (начальник 1-го спецотдела)[149].

---

[149] Военные архивы России. I выпуск. 1993. С.С. 124-126; Кудрявцев В., Трусов А. «Политическая юстиция в СССР». М. «Наука». 2000. С. 298.

Приведенный выше документ является не только примером вопиющего произвола и цинизма органов государственной безопасности, но и вообще является следствием прямых внесудебных расправ творимых ЧК в 20-е годы.

«Неудобство» показать перед мировым сообществом подобные методы работы НКВД СССР явилось одной из причин особого засекречивания этого документа.

Но времена меняются и многие документы, которые никогда не должны были увидеть свет, стали доступны исследователям. В январе 2002 года управление ФСБ РФ по Свердловской области рассекретило ряд документов касающихся «польской проблемы» и в частности граждан польской национальности в массовом порядке депортированных на Урал. Что же это за контингент?

Исходя из принципа «яблоко от яблони падает недалеко» советское правительство и органы НКВД СССР решили обезопасить себя, выслав значительную часть поляков (по национальности) проживавших ранее на территории западных областей БССР и УССР. Они, как свидетельствуют документы, направлялись вглубь страны, в частности на Урал.

Документы отмечают, что на 25 апреля 1940 г. в Свердловскую область прибыло из западных областей Украины и БССР 2 809 семей в количестве 14 243 человека спецпереселенцев для трудоиспользования. Директивные указания за № 435(б) от 01.02.40 г. и приказ № 00444 от 11 апреля 1940 г. Народного Комиссара Внутренних Дел т. Берия обязывали экономические отделы УНКВД обеспечить агентурно-оперативное обслуживание всего контингента прибывших[150].

О том, что вновь прибывшие спецпереселенцы были окружены трогательной заботой агентуры органов госбезопасности, свидетельствует другой документ. Уже 15 мая 1940 г. начальник ГЭУ НКВД СССР комиссар госбезопасности III ранга Кобулов интересуется: Какое количество агентов и осведомителей завербовано? Сколько из них занято разработкой спецпереселенцев? Какая проделана работа по выявлению из указанных категорий лиц бывших жандармов, полицейских, тюремщиков, разведчиков (агентов, информаторов, конфидентов) бывших польских разведывательных органов и членов политических партий бывшей Польши[151]?

Как уже отмечалось выше, основная масса высланных являлись поляками по национальности, в основном интеллигенция: учителя, врачи, музыканты, преподаватели гимназий, профессора университетов. Все они

---

[150] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 33.

[151] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л.Л. 34-36.

явились заложниками сталинской бредовой идеи создания «пятой колонны» на западных границах СССР.

На Урале они попали в тяжелейшие условия и были размещены в специальных поселках и лагерях для работы в лесной, строительной промышленности и цветной металлургии в качестве рабочих[152]. Еще более усугубила и без того тяжелое положение этих людей начавшаяся Великая Отечественная война. Накануне войны в феврале 1941 г. проверка произведенная в Севураллаге НКВД СССР в г. Ирбите показала, что должных мер к созданию нормальных бытовых условий спецпереселенцев принято не было: «расселены спецпереселенцы крайне скученно, жилые помещения к зиме не подготовлены; в значительной части домов и бараков печи не отремонтированы – зимние рамы не вставлены. Ощущается острый недостаток в предметах хозяйственного обихода (тарелки, ложки, кастрюли и т.п.)»[153].

По-разному сложилась судьба этих, в основной массе невиновных людей. Какая-то часть, не выдержав суровых условий существования, погибла от непосильного труда, голода и холода. Часть, дождавшись приказа Л.П. Берия от 20 августа 1941 г. № 430 по вопросу освобождения из мест заключения и ссылки польских граждан[154] сумела выехать в западные страны, часть после освобождения осталась на территории СССР, в том числе и на Урале.

Еще более трагичной была судьба тех поляков, которые в силу разных обстоятельств оказались в концентрационных лагерях, без суда и следствия. Как свидетельствуют материалы Национального архива США (г. Вашингтон) условия их существования были чрезвычайно тяжелыми. Некоторые из них были призваны в польские военные формирования воюющие на стороне СССР.

Руководитель польского правительства в эмиграции (в Лондоне) генерал В. Сикорский отмечает, что «… судя по условиям, созданным для поляков, недавно призванных на службу в формирующееся польское военное соединение недалеко от г. Саратова, здоровье их было несомненно серьезно подорвано. У 40% из них была обнаружена пеллагра, большинство из этих людей, в результате лишились зубов.

В отношении наказаний, применяемых к польским заключенным, генерал говорит, что мог бы упомянуть немало случаев проявления ис-

[152] Там же. Л.Л. 1-3.
[153] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л.Л. 66-67.
[154] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л.Л. 26-32.

ключительной жестокости: например, отец Cienski, взятый русскими в плен во Львове, подвергался жесточайшим пыткам в течение своего заключения. Русские пытались заставить его назвать имена тех поляков, которые содействовали ему в оказании помощи беззащитным семьям в близлежащих окрестностях. Пытка заключалась в следующем: ему вводили длинные острые иглы под ногти пальцев рук на небольшом расстоянии. Когда подобные действия не разговорили его, он был брошен в темную камеру, в которой он провел так много времени, что когда он был вызволен оттуда, его глаза еще несколько месяцев не могли привыкнуть к дневному свету...» (p. 244).

«...Другой пример, подтверждающий чрезвычайную жестокость, связан с именем майора Бонацевича, офицера польской G-2. Во время своего заключения, он неоднократно подвергался следующей пытке: русские били его прутьями по стопам ног, до тех пор, пока он не терял сознание. Когда он приходил в себя, избиения продолжались до очередного обморока. Различные подобные мероприятия были расписаны для него на каждый день в течение недели, а уже на следующей неделе пытка заключалась в том, что ему не разрешалось спать...» (p. 245)[155].

Некоторым полякам «повезло», их не отправили в концентрационный лагерь НКГБ, а депортировали на Урал. Но как показывает анализ перлюстрированной почтовой корреспонденции поляков, жизнь и здесь была не лучше.

Гражданин Айзенштат Т.Я. из Свердловской области, Нижнесалдинский район, г. Н-Салда, ул. Луначарского, 9, пишет в П.П. 21494 «г». Г...

«...Я понимаю, как вы переживаете то, что евреев в армию не принимают. Я тоже всегда думал... что это еврейская армия, однако это не так, хотя в этой польской армии рабочих очень мало, а в основном военнопленные, которые сидели в лагерях, конечно они не очень хорошо настроены в отношении СССР. Есть тоже и осадники, которые жили раньше на Украине и Белоруссии и которых выслали, понятно, что они не очень хорошо относятся к СССР. И такого элемента здесь очень много, надо с ними работать, для того, чтобы они начали относиться с уважением к СССР и для того, чтобы они поняли, что СССР действительно наш союзник...»

Менталитет польских граждан был, безусловно, ближе Западу, нежели Советской России. Советские граждане, воспитанные в духе коммунистических идей просто не понимали западных ценностей, и в частности отношение к частной собственности. Поэтому «польский патриотизм», если так можно выразиться, преследовал свои интересы. Быстрейшее окончание войны, побе-

---

[155] Национальный архив США (Вашингтон). Roll 1260. Page 245.

дой СССР, скорейшее возвращение на свою историческую Родину, создание самостоятельной, независимой Польши. Перевоспитать их в «советском, коммунистическом духе» просто было нельзя, в лучшем случае можно было добиться лояльного отношения к Советской власти. По крайней мере, так просматривается из перлюстрированной корреспонденции.

И еще одно письмо, отражающее бытовое положение польских спецпереселенцев живущих на Урале.

Гражданин Ломаку из Свердловской области, Режевской район, ст. Крутика 94 – пишет в Москву, кузнецкий мост, 13, в редакции «Свободной Польши» и «Союза польских патриотов»

«...семья военнослужащих многосемейные (так в тексте – А.С.) кроме 300 грамм хлеба на человека ничего не получают. Положение у них очень тяжелое, рабочие получают только один суп из столовой, сделанный из листьев, который есть невозможно. Летом все кушали всякие травы и поэтому многие заболели желудком. На работу начальство гонит, а когда просишь продукты, то отвечает, что продуктов нет, во время войны будьте довольны тем, что вы получаете... недовольство наших людей отбивает у них желание работать...»

Письма депортированных поляков, это лишь небольшой эпизод в деятельности военной цензуры на Урале. Были еще литовцы, эстонцы, западные украинцы, позднее появились военнопленные противника: немцы, австрийцы, румыны, японцы и т.д., почтовые отправления которых тоже подлежали обязательному цензуированию. Но эпистолярное наследие этих категорий необъятно и может явиться темой отдельного научного исследования.

Безусловно, представляет интерес не только, то о чем писали в письмах с фронта и на фронт, но и сама организация процесса цензуирования писем.

Сохранившиеся отчеты пунктов военной цензуры дают представление о колоссальном количестве корреспонденции, которую обрабатывали военные цензоры.

Так, согласно спецсообщению по обработанной корреспонденции пунктами Военной Цензуры, второго спецотдела Управления НКВД по Свердловской области за период с 1 апреля по 15 апреля 1943 года.

Всего прочитано	Подвергнуто «К»	Направлено по «А» с изъятием текста	Кол-во меморандумов направленных		Кол-во писем отобранных по заданию
			в Г.О. Р.О. НКВД	в другие органы	
650 055	1 122	25 000	31	61	967

1.Количество писем перепроверенных оперсоставом – 22 058.

2.Количество дефектов отмеченных в работе контролеров – 39.

Из них:

а) пропуск по «А» писем подлежащих «К» – 3;

б) пропуск по «А» текстов подлежащих вычеркиванию – 18;

в) кол-во неправильного и небрежного вычеркивания текстов – 2;

г) кол-во неправильного вскрытия писем – 0;

д) кол-во небрежного заклеивания – 7;

е) кол-во неправильного наложения цензорского штампа – 9;

Исходя из анализа представленного документа видно, что работа самих цензоров тщательно контролировалась и каждые две недели составлялся отчет, который включал не только анализ перлюстрированной корреспонденции, но и качество работы самих военных цензоров.

Как уже отмечалось выше, анализу подлежала корреспонденция, как исходящая от гражданского населения в действующую армию, так и от военнослужащих-фронтовиков в тыл. Существовала определенная схема (опросник) по которой составлялись отчеты, уходящие в центр, в г. Москву на имя Начальника второго спецотдела НКВД СССР, комиссара государственной безопасности тов. Лапшина.

Что же интересовало органы государственного безопасности? Интересы их выходили за рамки принципа «что можно писать в письмах, а что нельзя».

По нашему мнению, этот «опросник» был составлен таким образом, что речь шла не просто о запретительном или разрешительном принципе при прохождении той или иной корреспонденции, а о политическом контроле и целом политических настроениях граждан СССР.

Для подтверждения этого тезиса, вновь обратимся к документам. За указанный выше период (с 1 апреля по 15 апреля 1943 г.) было обработано:

1.По исходящей корреспонденции
гражданского населения

Обработано всего исходящих писем	Подвергнуто «К»	Послано по «А» с изъятием текста
578 739	1 041	25 052

Отмечено отрицательных сообщений – 25 063;

Из них:

а) К/р (видимо контрреволюционные – А.С.) и А/с (антисоветские – А.С.) письма – 1;

б) о дороговизне и продзатруднениях – 20 479;

в) жалобы на налоги – 410;

г) жалобы на удержания из зарплаты – 615;
д) о плохих квартирных условиях – 596;
е) о недостатках топлива – 475;
ж) об эпидемических заболеваниях – 476;
з) жалобы семей военнослужащих – 273;
и) упаднические и панические – 866;
к) национальная рознь и вражда – 33;
л) о дезертирстве – 106;
м) о недостатках на железнодорожном транспорте – 87;
н) о недостатках в работе фабрик и заводов – 80;
о) о недостатках в сельском хозяйстве – 116.

Такой широкий спектр направлений работы органов государственной безопасности свидетельствует об всепроникающем контроле за личными сторонами жизни граждан советского государства, мелочная опека, более характерная для абсолютистского государства с авторитарным режимом, была характерна и для демократического СССР, только все это скрывалось за плотной пеленой секретности.

Вместе с тем, удивляет тот факт, что писем антисоветского, контрреволюционного содержания практически не было. Мы далеки от мысли, что это исключительно связано с тем, что к 40-м годам был сформирован новый тип человека, «человек советский», хотя кое-что в сознании людей социалистического общества изменилось. Это хорошо видно из сопоставления писем советских граждан, выросших и воспитанных в условиях социализма и тех же поляков, эстонцев, литовцев воспитанных в духе буржуазной морали и нравственности. Анализ перлюстрированной корреспонденции дает возможность увидеть истинный срез политических настроений граждан нашего и не только нашего государства.

Безусловно, многие граждане СССР, не верили в «гарантию тайны переписки», закрепленную в статье 128 Конституции СССР 1936 г. и поэтому «чисто» политические вопросы старались в своих письмах не затрагивать, обращаясь больше к вопросам бытовым, материальным, тем более что официальное введение военной цензуры, в чрезвычайных условиях войны заставляло видимо осторожно вести переписку, всегда подозревая, что в ней присутствует кто-то третий. Единственно, можно высказать предположение, что рядовые советские люди не подозревали, что цензура носит такой тотальный и беспрецедентный по своим масштабам характер, когда практически ни одно письмо не должно было миновать пункта военной цензуры.

О чем же писали отцы, мужья и братья с фронта своим родным? Какие проблемы их заботили? Обратимся вновь к документам, характеризующим один и тот же временной отрезок (апрель 1943 г.).

2. Корреспонденция исходящая от военнослужащих

Обработано всего исходящих писем	Подвергнуто «К»	Послано по «А» с изъятием текста
71 316	81	1 948

Отмечено отрицательных сообщений – 1 964;

Из них:

а) К/р и А/с письма – 0;
б) о ходе военных действий – 3;
в) о снабжении и вооружении боеприпасами – 3;
г) отзывы о командно-политическом составе – 22;
д) о состоянии дисциплины – 39;
е) о дороговизне и продзатруднениях – 1 700;
ж) об обмундировании – 33;
з) дезертирство и членовредительство – 8;
и) о санитарном обслуживании – 13;
к) жалобы военнослужащих на необеспеченность их семей – 65;
л) упаднические и панические – 78;
м) о национальной вражде – 0;
н) о пребывании в плену – 0.

Отмечено сообщений, разглашающих военную тайну – 76.

Кроме того, периферийными пунктами Военной Цензуры 42-х районов Свердловской области за период с 15.03 по 30.03 – 1943 г. обработано всего следующее количество корреспонденции.

Всего прочитано	Подвергнуто «К»	Направлено по «А» с изъятием текста	Кол-во меморандумов направленных в Г.О. Р.О. НКВД	Кол-во писем отобранных по заданию
1 339 895	4 406	39 974	529	1 126

Поражают некоторые цифры, письма не просто прочитывались политконтролерами, но и факты, указанные в них подлежали проверке оперативным составом органов государственной безопасности. Так, количество писем перепроверенных оперсоставом составило на период с 15 марта

по 30 марта 1943 г. – 67 933 (из 1 339 895), т.е. по каждому 14-му письму проводилась оперативная работа[156]. Масштабы такой деятельности военной цензуры действительно поражают воображение.

Как показывают документы, коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны привел к тому, что поток писем в действующую Красную Армию увеличился. За период с 1 по 15 апреля 1943 года он выражался следующими цифрами.

№	Наименование областей	Всего обработано	Из них «К»	Направлено по «А» с изъятием текста	Кол-во меморандумов направленных в др. отделы УНКВД
1.	Свердловская	466 908	2 239	28 461	90
2.	Омская	453 398	3 158	39 877	138
3.	Челябинская	217 779	1 408	17 472	51
4.	Курганская	111 095	794	7 687	81
	Прочие	175 539	2 319	13 729	95
	Всего:	1 424 719	9 918	107 226	455

В это же время оперсоставом было переправлено – 34 614 писем[157].

Многонациональный состав жителей Урала, а также большое количество спецпереселенцев вызывали еще одну трудность в деятельности военной цензуры. Многие письма были написаны на иностранных языках, в том числе национальных. Некоторые языки были настолько редкие, что приходилось прибегать к переводчикам из других регионов страны, все это задерживало доставку корреспонденции. Но и эта проблема была разрешимой, не было такого языка, который бы представлял серьезную трудность для органов военной цензуры. То же самое, касалось писем, написанных с помощью специального шифра. Написанное неподготовленным специально дилетантом, оно подвергалось дешифровке, а незадачливый шифровальщик, сразу попадал в поле деятельности контрразведки и брался на оперативный учет. Представление об уровне работы с корреспонденцией, написанной на иностранных языках, дает месячный отчет отдела «В» УНКГБ по Свердловской области за июль 1943 г.

По пункту военной цензуры гор. Свердловска

1.по корреспонденции исходящей от гражданского населения

А. Всего обработано писем – 910 351,

в том числе национальных:

---

[156] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Пор. 185. Л.Л. 112-119.

[157] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Пор. 124. Л. 135.

на татарском языке ... 89 895	на туркменском языке ... 3 890
на немецком языке ... 44 440	на киргизском языке ... 1 550
на казахском языке ... 32 644	на латинском языке ... 500
на узбекском языке ... 22 050	на корейском языке ... 450
на еврейском языке ... 11 865	на удмуртском языке ... 375
на марийском языке ... 12 670	на финском языке ... 150
на чувашском языке ... 9 120	на литовском языке ... 50
на мордовском языке ... 6 740	на английском языке ... 20
на польском языке ... 5 575	на чешском языке ... 10
на эстонском языке ... 4 690	на французском языке ... 3

Написание писем на иностранных языках свидетельствует только об одном, граждане СССР, как впрочем, и иностранные граждане, находящиеся в СССР не верили в ст. 128 Конституции СССР 1936 г. гарантирующую тайну переписки. Они исходили из того, что вряд ли найдется такой цензор знающий, например ойратский язык. И в этом было их глубокое заблуждение. Отсутствие переводчика в пункте военной цензуры Свердловской области, вовсе не говорит о том, что письмо пропускалось непрочитанным. Шел активный обмен нечитанных писем на иностранных языках, с пунктами военной цензуры всей страны. Примером может служить следующая таблица.

Б. Направлено в другие органы на цензурирование:

На каком языке	Куда (город)	Количество
Чувашском	Чебоксары	4 600
Грузинском	Тбилиси	1 297
Дагестанском	Махачкала	360
Как не читающиеся	Ереван	83
Как не читающиеся	Нальчик	13
Как не читающиеся	Алма-Ата	516
Как не читающиеся	Ашхабад	64
Азербайджанский	Баку	1 057
Как не читающиеся	Барнаул	19
Как не читающиеся	Грозный	32
Как не читающиеся	Киров	27
Как не читающиеся	Красноярск	56
Как не читающиеся	Краснодар	31
И т.д...	...	...[158]

Практически десятки городов СССР были включены в эту систему политического контроля. Если, по каким-либо причинам, все же не удавалось узнать содержание письма, оно подлежало уничтожению, а коррес-

[158] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Пор. 185. Л. 172.

понденты брались в оперативную разработку. Такая колоссальная по объему работа, не только выполнялась, но еще и специально контролировалась. Существовало понятие контроля качества проверки корреспонденции.

Контроль качества проверки корреспонденции

Кто проводил проверку	Проведено проверок	Проверено цензоров	Прочитано писем
Начальник отделения	35	40	1 850
Ст. оперуполномоченный	28	33	1 650
Оперуполномоченный	44	111	8 168
Пом. оперуполномоченного	38	69	2 876
Контролеры I категории	62	188	11 088

Обнаружено дефектов:

1.Пропуск писем подлежащих «К» – 3;
2.Пропуск писем в которых следует изъять текст – 31;
3.Перепутано и утеряно вложений – 0;
4.Небрежное изъятие текста – 4;
5.Дефекты при вскрытии письма – 0;
6.Плохая заклейка письма – 2;
7.Неправильная штамповка – 35[3)].

Подобные отчеты составлялись ежемесячно и направлялись Начальнику отдела «В» НКГБ СССР полковнику госбезопасности тов. Смородинскому в г. Москву.

Письма, прочитанные почтовой военной цензурой, а также и в результате перлюстрации корреспонденции не просто актировались, а по ним принимались конкретные решения, нередко политического характера. Примером могут служить материалы перлюстрации корреспонденции ряда лидеров калмыцкого народа, который, как известно, подвергся депортации.

К моменту окончания Великой Отечественной войны у калмыков появилась надежда на скорое возвращение на Родину с бескрайних районов Восточной Сибири.

«...С осени 1944 года наиболее распространенными стали слухи о том, что калмыков в ближайшее время должны вернуть назад, в Калмыкию, или предоставить им автономию в рамках Монголии, Бурято-Монголии, Хакасии. Агентурным путем было выявлено, что слухи исходят от группы бывших руководящих работников Калмыцкой АССР, расселенных в Куйбышевском и Барабинском районах Новосибирской области,

---

[3)] Данные на июль 1943 г.

Назаровском районе Красноярского края, некоторых поселках Тюменской области, Алтайском крае. Речь шла о бывшем Председателе СНК КАССР Н. Горяеве, его заместителе Д. Гахаеве, Д. Горяеве, Б. Эрдниеве... по материалам почтового контроля (ПК) – (перлюстрации корреспонденции – А.С.) Д. Гахаев один из наиболее авторитетных лидеров калмыцкого руководства, в письме к доценту Номенхамову сообщал: «Написал М.И. Калинину. Вернее, просил ответить на некоторые вопросы, в частности: 1) Неужели калмыцкий народ должен умереть голодной смертью среди советских людей в своей советской стране? 2) Неужели преследуется виновность по крови? 3) Неужели целая нация должна отвечать за преступления ничтожного меньшинства, и т.д. Пока ответов нет...»[159].

Советская идеологическая система зорко следила за всеми отклонениями от той линии, которую проводила в жизнь коммунистическая партия. Новое поколение людей, воспитанное в духе сталинской Конституции 1396 года должно было мыслить и чувствовать, так как это требовал вождь трудящихся. Поэтому деятельность и самих цензурных органов, тоже подвергалась регулярным проверкам, и органы государственной безопасности докладывали областным партийным органам о состоянии работы пунктов военной цензуры. В одном из спецсообщений Нач. Управления НКВД по Свердловской области секретарю Обкома ВКП(б) тов. Андрианову от 18.11. 1941 г. указывались определенные недостатки, в частности: «1) Обследованием Первоуральского пункта ВЦ установлено, что корреспонденция, исходящая в области объявленные на военном положении... полностью на пункт ВЦ не подается. Так, например: из общего числа писем, отправляемых конторой связи за 30 октября 1941 года оказалось недоставленной ВЦ этой корреспонденции в количестве 210 писем. Кроме того, не осуществлялась также 100% отсортировка корреспонденции, исходящей в действующую Красную Армию и Военно-морской флот. 2) Начальник Шалинской районной конторы связи контроль над поступлением корреспонденции из ведомственных ему почтовых отделений связи не осуществлял, в результате корреспонденция из почтовых отделений Дунан, Роща, Н-Баская, Тепляки, Шайтанка, Н. Село миновала ВЦ, а из других отделений, как-то: Сарга, Сабик, Илим, Унь, ст. Утка корреспонденция поступала нерегулярно...»[160].

Подобные нарушения были далеко не единичными, обо всех них достаточно подробно говорится в спецсообщении, а это в свою очередь

---

[159] Вольхин А.И. «Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.». Дисс. док. ист. наук. Екатеринбург. 2001. С.С. 261-262.

[160] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Пор. 123. Л. 6.

заставляет сделать вывод о том, как внимательно государство в лице органов НКГБ отслеживало любую (подчеркнуто – А.С.) информацию, исходящую от своих граждан.

Подводя итоги в целом, можно сказать, что почтовая военная цензура СССР выполняла задачи, поставленные перед ней советской идеологической системой: не допускать распространения панических слухов и упаднических настроений, разглашение государственной тайны, отслеживать готовящиеся покушения на государственные преступления и следить за политическими настроениями советских людей.

Как показывает анализ архивных источников (отчетов о деятельности пунктов военной цензуры (ПВЦ)), деятельность этих органов с начала 1942 года приобретает все более масштабный характер. Ряд документов ФСБ РФ дает основание говорить о том, что она не закончилась вместе с окончанием Великой Отечественной войны.

Исходя из анализа меморандумов составленных органами НКГБ, на основании цензурирования и перлюстрации корреспонденции можно утверждать, что правительство страны всегда было в полной мере осведомлено об истинном положении народа своей страны.

Деятельность пунктов ВЦ носила секретный характер, хотя факт цензуирования писем и иных почтовых отправлений был легализован. Более того, в соответствии с законом на корреспонденции прошедшей цензуирование ставился штамп «проверено цензурой».

Почтовая военная цензура являлась лишь небольшой частью политической цензуры в СССР вообще. По Положению 1940 г. о главном военном цензоре при СНК СССР, цензура осуществляла две функции: охрану государственных (военных, экономических и политических) тайн и политико-идеологический контроль в произведениях печати, кино, радио ...а также контроль внешней и внутренней почтовой и телеграфной переписки[161].

Давая общую оценку почтовой военной цензуры в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г. можно отметить, что она являлась одним из видов идеологического воздействия со стороны советского государства. Такой мелочный контроль над гражданами собственной станы, грубое вмешательство в личную жизнь граждан свидетельствовали об укреплении авторитарной власти И.В. Сталина и дальнейшем усилении тоталитарного режима в СССР.

Заключительный этап войны характеризуется массовыми мероприятиями по установлению советской цензурной системы и в освобожденных от фашизма областях.

---

[161] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. «Росспэн». 2002. С. 277.

Глава V. Почтовая военная цензура и перлюстрация корреспонденции в послевоенные годы (1946-1960 гг.)

Окончание Великой Отечественной войны и вскоре наступление нового периода обозначенного в мировой истории, как «холодная война» заставило органы государственной безопасности сосредоточить свое внимание на новом объекте. Главной задачей теперь была борьба с подрывной деятельностью спецслужб крупнейших капиталистических государств США, Англии, Франции, вчерашних союзников по борьбе с фашизмом.

В связи с этим, особое внимание отводилось нейтрализации буржуазно-националистического подполья, особенно в новых районах присоединенных к СССР накануне Великой Отечественной войны (Прибалтика, Западная Украина). Другой не менее важной задачей был розыск агентов фашистской разведки и иных государственных преступников на территории СССР. По-прежнему интересовали руководство страны и политические настроения советских граждан.

Эти задачи были сформулированы в постановлении ЦК ВКП(б) «О работе МГБ СССР» от 20 августа 1946 г. Встал вопрос о новой реорганизации органов государственной безопасности.

Постановлением Политбюро от 4 мая 1946 г. была утверждена новая структура центрального аппарата МГБ, которая приобрела следующий вид: 1-е Главное управление – разведка за границей (с 15 июня 1946 г. – П.Н. Кубаткин, с 7 сентября 1946 г. – Федотов); 2-е Главное управление – контрразведка (П.В. Федотов, с 7 сентября – Е.П. Питовранов); 3-е Главное управление – военная контрразведка (Н.Н. Селивановский); 4-е управление – розыскное (В.П. Рогов); 5-е управление – оперативное (П.Г. Дроздецкий); 6-е управление – шифровальное (И.Г. Шевелёв). Транспортное управление (С.Р. Мильштейн); Управление охраны № 1 (А.К. Кузнецов); Управление охраны № 2 (Н.С. Власик); УКМК (Н.К. Спиридонов); Отдел «А» (учетно-архивный) (А.Я. Герцовский); Отдел «Б» (применение опертехники) (Е.П. Лапшин); Отдел «В» (перлюстрация корреспонденции) (М.В. Грибов); Отдел «Д» (изготовление и экспертиза оперативных документов) (А.М. Палкин); Отдел «К» (оперативная работа на объектах атомной промышленности) (И.С. Писарев); Отдел «О» (оперативная работа среди духовенства) (Г.Г. Карпов, он же одновременно с 14 сентября 1943 г. по 6 февраля 1960-го числился председателем Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК/СМ СССР); Отдел «Р» (радиоконтрразвед-

ка) (В.М. Блиндерман); Отдел «С» (перевод и обработка материалов разведки по атомной проблеме) (П.А. Судоплатов), в том же 1946-м этот отдел был включен в состав 1-го Главного управления МГБ; Отдел «Т» (борьба с террористическими устремлениями против руководителей партии и правительства) (А.М. Иванов); Отдел «ДР» (служба террора и диверсий) (П.А. Судоплатов); Отдел «ДН» (служба дезинформации) – запланированный, этот отдел тогда создан не был; Следчасть по особо важным делам (на правах управления) (А.Г. Леонов); Административно-хозяйственно-финансовое управление (АХФУ) (П.П. Смирнов). Управление кадров (М.Г. Свинелупов); Инспекция при Министре (С.Ф. Кожевников); Секретариат МГБ СССР (И.А. Чернов); Юридическое бюро.

Произошли изменения и в руководстве центрального аппарата МГБ. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) 51/IV от 4 мая 1946 г. вместо В.Н. Меркулова министром госбезопасности был назначен В.С. Абакумов.

В состав МГБ также вошел Отдел «В», который занимался перлюстрацией корреспонденции (выделено – А.С.).

Среди новых, образованных после войны отделов были Отдел экспертизы и подделки документов, Отдел чекистского наблюдения на объектах атомной промышленности, Отдел оперативной работы по духовенству всех конфессий, Отдел борьбы с «лицами высказывающими угрозы террористического характера в отношении партийных и советских руководителей», служба дезинформации.

В основном эта структура сохранилась до марта 1953 года, хотя в разные годы имели место некоторые реорганизации. В 1949 году была создана служба наружного наблюдения и установки. МГБ СССР приказом № 00293 от 10 сентября 1949 г. создает 7 Управление МГБ СССР (оперативное). В соответствии с этим решением приказом МГБ СССР № 00386 от 6 декабря 1949 г. утверждается новая структура 5-го Управления. Отдел «О» был упразднен, а его функции были переданы в 5-е Управление.

Теперь основной задачей 5-го Управления стала борьба с враждебными и антисоветскими элементами, работа против клерикалов и розыск авторов и распространителей антисоветских листовок и анонимных политических документов...[162]

Изменившаяся, в послевоенный период, политическая обстановка приводит к постепенному формированию двух супердержав в мире – СССР и США. Победоносное окончание второй мировой войны необычайно подняло авторитет Советского Союза в мире, а образование мировой системы социализма, такой вывод был сделан на XX съезде КПСС в

---

[162] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. «Росспэн». 2002. С. 293.

феврале 1956 года[163], свидетельствовало о том, что борьба двух мировых систем вступила в новую стадию и никакого перемирия в идеологической области из-за антагонистических противоречий здесь быть не может.

Именно контролю в идеологической сфере теперь уделялось особое внимание, а это ставило перед органами государственной безопасности новые задачи по усилению политического сыска в стране.

Официально в стране существовала только одна идеология – марксистско-ленинская, проповедуемая Коммунистической партией Советского Союза. Поэтому все иное объявлялось инакомыслием. Оперативному контролю (политическому контролю) подлежали все стороны жизни граждан, политические настроения всех слоев общества и преследование диссидентов в СССР.

Теоретической подоплекой этой борьбы был тезис о том, что «идеологически диссиденты связаны с империализмом», а раз так то это уже идеологическая диверсия, которая подрывает устои социалистического государства.

Этим теоретически обуславливалась необходимость усиления политического сыска в стране.

Значительная часть сил и средств органов государственной безопасности отвлекалось от своей основной работы разведки и контрразведки и по требованию лидеров КПСС направлялось на идеологический фронт, борьбу с инакомыслием.

Придание КГБ «жандармских функций» снижало эффективность работы, формировало у простых людей негативное отношение к этим органам и в целом тормозило демократические преобразования в обществе, наметившиеся после окончания войны.

Как известно, основу деятельности любой спецслужбы составляет агентурный аппарат. «В условиях почти ежегодных изменений, отмечает исследователь Пожаров А.И., пострадал и агентурный аппарат, поскольку многочисленные передачи агентов от одного сотрудника к другому негативно влияли на конспиративность в работе и приводили во многих случаях к отказу агентуры от сотрудничества и к снижению качества ведения оперативных дел. Вместе с тем, отказ от института осведомителей в агентурном аппарате повлиял не создание другого института – доверенных лиц, которые, к какой-то мере, продолжали в измененном виде выполнять функции массовой сети осведомления»[164].

Многочисленные реорганизации органов государственной безопасности продолжались на протяжении 1950-х – 1960-х г.г. В марте 1945 г., через

[163] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. «Полит. лит-ра». 1986. Т-9. С. 9.
[164] «Исторические чтения на Лубянке 1997». ФСБ РФ. М-В.Новгород. 1999. С. 50.

год после смерти И.В. Сталина, Президиум ЦК КПСС 10 февраля 1954 г. принимает решение о выделении органов государственной безопасности из МВД СССР в самостоятельное ведомство, а 12 марта 1954 г. Президиум ЦК КПСС принял решение об основных задачах органов государственной безопасности. 13 марта 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был образован Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР, председателем которого был назначен И.А. Серов.

В результате структурных изменений появились «7 новых спецотделов – учетно-архивный, секретной техники, изготовления документов, радиоконтрразведки, изготовления опертехники, перлюстрации, Гохрана, 4-е – 5-е Управления, отделы «М», «П», «С» и 7-й спецотдел», Центральное архивное управление и все хозяйственные подразделения курировал генерал Круглов С.Н»[165].

В новой структуре КГБ наиболее близкую к политической цензуре и идеологическому контролю направленность имело 4-е Управление (борьба с антисоветским подпольем, националистическими формированиями и враждебными элементами). В соответствии с распоряжением СМ СССР № 805-484 с.с. от 26 апреля 1955 г. был организован 6-й спецотдел (перлюстрация телеграфной и почтовой корреспонденции), функции которого ранее исполнял 10-й отдел 4-го Управления КГБ при СМ СССР.

Реорганизация подразделений, осуществлявших оперативно-техническую работу, была проведена 2 июля 1959 г. На базе 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го спецотделов было создано Оперативно-техническое Управление КГБ.

Таким образом, структурные подразделения органов государственной безопасности, осуществлявших перлюстрацию почтово-телеграфной корреспонденции прошли следующие этапы своего развития в 1950-е – 1960-е годы:

1.14 апреля 1943 г. на базе отделения бывшего 2-го спецотдела НКВД СССР был организован Отдел «В» НКГБ-МГБ СССР;

2.с 14 марта 1953 г. 6-й спецотдел МВД СССР;

3.с 18 марта 1954 г. функции бывшего 6-го спецотдела МВД СССР были переданы в 4-е Управление КГБ при Совете Министров СССР;

4.с 30 апреля 1955 г. – на базе 10 отдела 4-го Управления был организован 6-й спецотдел КГБ при Совете министров СССР;

5.со 2 июля 1959 г. – функции бывшего 6-го спецотдела были переданы в Оперативно-техническое Управление КГБ при Совете Министров СССР.

---

[165] Колпакиди А.И., Серяков М.Л. «Щит и меч». Энциклопедический справочник. М. «Олма-пресс». СПб. «Нева». 2002. С. 464.

5 июля 1978 г. КГБ при СМ СССР был переименован в Комитет государственной безопасности СССР, однако система и структура органов КГБ при этом существенных изменений не претерпела. Сохранились и основные направления деятельности этих органов.

Но цель данного научного исследования рассмотреть формы политического контроля советского общества в более ранний период, 1950-е – 1960-е годы.

Естественно, что тоталитарный режим советского государства не мог существовать без постоянной информационной подпитки, без анализа истинных знаний процессов происходящих в социалистическом обществе. Для того чтобы принять правильное управленческое решение, необходимо было располагать достоверной информацией, знать истинное положение вещей.

Именно эта задача и стояла перед органами государственной безопасности. Это было особенно важно в условиях нарастающего диссидентского движения в СССР. Формы съема информации были многообразны и многоплановы, но объединяющим началом в деятельности советских спецслужб был политический сыск.

В данной работе, мы ограничимся двумя направлениями деятельности органов МГБ-КГБ. Это анализ различного рода слухов и сплетен, распространяемых населением и перлюстрация корреспонденции.

В силу закрытости многих источников, хранящихся в специальных архивах ФСБ РФ данная научная проблема еще не получила должного освещения в печати, научной публицистике. Имеется лишь очень незначительное число публикаций в открытой печати, касающихся этих форм политического контроля и то в рамках научных публикаций самих спецслужб[166]. Хотя, автор не исключает возможность, что в закрытой, ведомственной печати спецслужб такие исследования имеются.

Обратимся к тому, что в простонародье называется слухом или сплетней. Этимологическое значение понятий слух и сплетня разные, хотя объединяющим началом является отсутствие достоверной информации. Человеческий мозг устроен таким образом, что в этом случае эта ниша заполняется различными домыслами и догадками, причем, проходя через призму сознания и транслируясь другим, мнимые знания превращаются в убеждения.

Авторитетные филологические источники, так трактуют понятие слух и сплетня: слух – это молва, известие о чем-нибудь, обычно еще ничем не подтвержденное, а сплетня – слух о ком, чем-нибудь основанный на неточных или заведомо неверных сведениях[167].

---

[166] См., например, Ковалев Б.Н. «Слухи и сплетни российской глубинки». В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке».
[167] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. «Толковый словарь русского языка». М. «АЗЪ». 1996. 3-е изд. стереотип. С.С. 722, 745.

Анализ деятельности слухов и сплетен, распространяемых в обществе, всегда представлял интерес для спецслужб. Невозможно найти правильное управленческое решение, не зная чем «дышит» общество, как социум, какие проблемы его волнуют. Кроме этого отделы дезинформации спецслужб сами занимались, через свою агентуру, распространением соответствующих слухов, с целью направить общественное мнение в нужное правительству русло или сформировать общественное мнение в обществе по тому или иному вопросу.

Работа эта была весьма деликатной и специфической, требовавшей знания в области психологии человеческих отношений, национальной политики, истории того или иного региона и других научных направлений. Аналитическая сущность дезинформационной работы с населением страны до сих пор составляет государственную тайну, поскольку затрагивает такие понятия, как формы и методы работы органов государственной безопасности.

Рассекреченные материалы о настроениях различных социальных групп в 50-е годы свидетельствуют об определенном росте антисоветских и в особенности антиколхозных настроений.

Советские органы НКГБ-МГБ систематически и внимательно, через свою агентуру, отслеживали их.

Они были систематизированы и в количественном отношении. Так, например, в сводке «Об антисоветских проявлениях, отмеченных агентурой Поддорского РО НКГБ (Новгородская область) весной 1946 г. отмечалось, что: «...зарегистрировано 23 факта:

а) антисоветско-фашистской агитации – 9;

б) пораженческих настроений – 6;

в) повстанческих настроений – 1;

г) провокационных слухов – 7»[168].

О чем говорили советские люди в очередях, банях, чайных, не подозревая, что вся эта информация тщательно анализируется и докладывается высшим партийным руководителям?

Это были проблемы, связанные со сложной международной обстановкой (советское общество, в отличие от западного всегда было политизировано), это были проблемы экономические, связанные, прежде всего, с материальными затруднениями, в том числе и жилищные проблемы, которые стояли достаточно остро в первые послевоенные годы. Люди говорили о неизбежности третьей мировой войны с США и Великобританией, в

[168] Ковалев Б.Н. «Слухи и сплетни российской глубинки (по спецдонесениям МГБ в обкомы ВКП(б). В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке». ФСБ РФ. М-В.Новгород. 2001. С. 64.

этом отразилась политическая обстановка «холодной войны». Очень популярным был слух о роспуске колхозов и даже коммунистической партии.

В этом проявилось стремление простых советских людей выдать желаемое за действительное. Опыт колхозного строительства в СССР вызывал негативную реакцию у населения. Использование волюнтаристских методов ведения сельского хозяйства, голое администрирование нанесли большой вред сознанию колхозников. Их сохранение после войны многие пытались объяснить произволом местных властей. Во время проведения подписи на заем в Стародубском районе, Орловской области, колхозница Савельева заявила: «...ничего подписывать не надо, а то будем платить деньги, вечно будем в колхозе. Сталин не знает, что мы в колхозе быть не хотим, а нас держат местные руководители». В колхозе «Маяк» и «Имени Ильича», мужчина средних лет распространял слух: «идут к вам подписывать чистую бумагу. Англия и Америка потребовали от нашего правительства распустить колхозы, вот почему большевики собирают подписи: они хотят показать союзникам, что колхозники сами не желают выходить из колхозов. Подпишешь быть колхозу, а не подпишешь – не быть больше колхозам». В колхозе «Красный Октябрь» Мценского района, Орловской области, среди колхозников распространился слух о том, что «сейчас распускают коммунистов, а скоро распустят и колхозы».

Колхозница Мария Александрова из Уторгошского района, Новгородской области, заявила: «Я слышала новость, что в Новосельском сельсовете уже распускают колхозы, там и сев проводился единолично. Скоро ли мы-то так начнем? Прямо скажу – колхозы для нас каторга»[169].

Многие высказывания связывались с международными событиями. Так, по материалам военной цензуры г. Свердловска отмечены высказывания населения города по Крымской Конференции руководителей трех союзных держав.

Гражданка Ивакина М.П. из г. Свердловска, ул. Шейкмана, д. 19, кв. 78, пишет 11 февраля 1945 г. в Макеевку, Сталинской области Донбасс 12, лит. 5, проспект д. 34, Бунаковой Ю.П.:

«...Война идет быстрыми шагами к концу. Крымская историческая Конференция руководителей трех союзных держав, ясно говорит о часе близкой победы. Скоро наша Красная Армия сотрет с лица земли всех фашистов. Скоро они получат по заслугам великое возмездие за горе, слезы, причиненные нашему народу...».

В другом письме гражданин Бужницкий из г. Свердловска, пишет в Борисово-Сутский район, Вологодской области, Бужницкому:

---

[169] Ковалев Б.Н. «Слухи и сплетни российской глубинки (по спецдонесениям МГБ в обкомы ВКП(б). В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке». ФСБ РФ. М-В.Новгород. 2001. С. 65.

«...Только что передали приказ. Перешли реку Одер. Этому неслыханно рад. Хотя в этом месте река не особенно широка, но теперь уже пойдут, нет больше препятствий вторгнуться вглубь Германии и даже в Берлин... 8 февраля началась долгожданная Конференция Сталина, Рузвельта и Черчилля... И понятно, что многие вопросы будут разрешены именно теперь, как например, об усилении и даже окончании войны...».

Еще один пример оценки событий февраля 1945 года.

Гражданка Лятнокова М.К. из г. Свердловска, ул. 8 Марта Главуралэнергострой, пишет в Молотовскую область в г. Кунгур, ПП-49412 «Ю» – Волкову И.В.:

«...Какие замечательные дела на нашем фронте делаются сейчас. Я сегодня три раза утром прослушала сообщения комиссии трех союзных держав в Крыму, так думаю, что вероятно война продлится считанные дни и тогда, да здравствует мир и мой Ваня приедет домой к своей Машеньке...» (14 февраля 1945 г.)[170].

Радостные настроения, выраженные в письмах простых советских людей вполне понятны, тяжелая кровопролитная война идет к завершению и Крымская конференция должна была поставить точку в этом вопросе.

Общественное сознание советских людей формировалось под воздействием средств массовой информации (печать, радио). Уровень доверия к которым был чрезвычайно высок. Поэтому изменившаяся политическая ситуация в конце 1950-х годов тоже отразилась в общественном сознании народа.

Начало «холодной войны», обострение международных отношений порождали слухи о том, что война или военные столкновения уже начались. В этих условиях, все мероприятия правительства рассматривались под углом зрения подготовки к новой войне. Даже снижение цен, на некоторые продукты рассматривалось как стремление правительства дать возможность населению запас их на случай новой войны.

Природа возникновения слухов и сплетен достаточно загадочная и до конца не изученная. Однако, некоторые наблюдения возможно представляют интересе. Более достоверной считалась информация, подкрепленная ссылкой на авторитетный источник. Например, на родственника приехавшего из Москвы или Ленинграда. Парадоксально, то, что чем абсурднее и нелепа была ложь, тем ей больше верили, хотя порой это противоречило даже здравому смыслу. Например, жительница города Старая Русса Маслякова рассказывала своим знакомым: «недавно из Ленинграда вернулась заведующая детским садом Никитина Екатерина Васильевна, которая рассказала, что в Ленинграде идет мобилизация, так как началась война с Америкой и Англией. Об этом говорят по радио и пишут в газетах». Подобные утверждения очень быстро

---

[170] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Ед. хр. 242. Л.Л. 87-92.

обрастали новыми подробностями: «Война уже начата. Американские самолеты разбомбили советское судно... Сейчас на генеральной Ассамблее ведутся переговоры в отношении войны...»[171].

Иногда слухи приобретали гипертрофированную форму, недостаток продуктов и предметов первой необходимости, естественно домысливался населением, как ответной реакцией в виде массовых забастовок и даже восстаний рабочих в крупных городах страны.

Очень много сплетен породила денежная реформа 1947 года. Муссировались слухи о том, что карточную систему должны скоро отменить, народ с оптимизмом смотрел в будущее. Но, информации о реформе, готовившейся в строжайшем секрете, практически в средствах массовой информации не было, поэтому опять появились различного рода слухи, порой анекдотического характера, например, говорили о том, что с 15 декабря 1947 г. отменят карточную систему и введут новые деньги взамен существующих. Вся разница в новых деньгах будет заключаться в том, что вместо портрета Ленина будет напечатан портрет Сталина.

Слухи сплетни не только изучались и анализировались специальными подразделениями НКГБ-МГБ, но и с целью создания общественного мнения распространялись через агентуру среди населения.

15 марта 1946 г. Верховный Совет СССР принял закон о преобразовании СНК СССР в Совет министров СССР, а наркоматы СССР были переименованы в министерства СССР, соответственно НКГБ было переименовано в МГБ СССР. 4 мая 1946 г. вместо В.Н. Меркулова министром госбезопасности был назначен В.С. Абакумов. Среди новых, образованных после войны отделов была и «служба дезинформации»[172]. Конечно, более продуктивно эта служба работала за рубежом, через советский журналистский корпус, членов иностранных компартий, международные общественные организации, о чем подробно рассказал в своей книге американский исследователь и публицист Джон Баррон[173]. Тем не менее, и работе внутри страны придавалось большое значение.

Потенциальными распространителями слухов и сплетен могли быть те граждане, которые больше всего испытывали нужду и бедствия, даже после окончания войны 1941-1945 г.г. Одной из таких социальных групп были инвалиды, которые сплошным потоком возвращались с фронта. Необустроенность, голод, болезни, равнодушие и произвол местных властей, недовольство инвалидов, принимавшее порою деструктивную направлен-

---

[171] Ковалев Б.Н. «Слухи и сплетни российской глубинки (по спецдонесениям МГБ в обкомы ВКП(б). В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке». ФСБ РФ. М-В.Новгород. 2001. С. 67.

[172] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. «Российская». 2002. С.С. 292-293.

[173] Джон Баррон. «КГБ сегодня – невидимые щупальца». СПб. «Петрополис». 1992.

ность значительно осложняли оперативную обстановку (выражаясь чекистским языком) на местах.

В связи с этим НКГБ СССР в течение 1943-1944 г.г. направил по линии 2-го Управления местным органам госбезопасности ряд директив, требуя обеспечить через агентуру изучение процессов, происходящих в среде инвалидов. Одновременно было установлено агентурное наблюдение за контингентом инвалидов Отечественной войны, выявлены и арестованы агенты немецкой разведки, а также лица, занимавшиеся антисоветской агитацией, распространением слухов паникерского характера и даже вредительством.

Наиболее распространенным проявлением их социально-экономического недовольства являлись антиколхозные выступления. В Молотовской области инвалид войны К. призывал колхозников выступить с организованным протестом против коллективных форм труда. В Шарыповском районе Краснодарского края инвалид М. работавший председателем колхоза занимался распространением антисоветских слухов, вел агитацию, направленную на развал колхоза. В присутствии группы колхозников он говорил: «После этой войны наступит хорошая жизнь, из ссылки вернуться кулаки, которые потребуют свои дома и имущество, отобранные у них ранее. Поэтому сейчас нужно больше нажимать на свое хозяйство и личные огороды, а то сколько не работай, все пойдет государству, и мы опять будем сидеть голодными»[174].

Среди колхозников распространялись и иного рода слухи и клеветнические измышления в связи с роспуском Коминтерна, открытием церквей и активно муссировались слухи о скором роспуске колхозов.

Причиной распространения слухов и сплетен именно этой категорией людей вполне понятна. Конфликтная психология инвалидов объясняется их физической неполноценностью. Отечественная война, окружение, плен, ранение, невнимательность, а порою, и произвол местных властей ожесточало душу этих людей, судьба которых была покорежена войной. Они открыто, не боясь никого, высказывали свое мнение, поскольку им было нечего терять, становясь своего рода ретрансляторами слухов и измышлений.

Другим важным источником сбора информации органами государственной безопасности в 1950-е – 1960-е г.г. стала почтовая военная цензура и перлюстрация корреспонденции. Если, первая носила открытый официальный характер, то вторая являлась государственной тайной. В 1946 году в состав МГБ вошел Отдел «В», который занимался перлюстрацией корреспонденции и почтовой военной цензурой[175].

---

[174] Волькин А.И. «Оперативная работа территориальных органов НКГБ среди инвалидов Великой Отечественной войны в 1943-1945 г.г.». В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке». ФСБ РФ. М-В.Новгород. 1997. С. 101.
[175] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. «Росспэн». 2002. С.С. 292.

Уже в первые дни войны особо остро встал вопрос о сохранении государственной тайны, недопущении распространения через почтово-телеграфную связь разного рода антисоветских, пораженческих, провокационных и клеветнических сообщений.

С этой целью Государственный Комитет Обороны издает постановление «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции» от 6 июля 1941 г.

Пункт второй этого документа обязывал Народный комиссариат государственной безопасности СССР организовать 100% просмотр писем и телеграмм… для чего разрешить НКГБ СССР соответственно увеличить штат политконтролеров (выделено – А.С.). И далее в областях, объявленных на военном положении, ввести военную цензуру на все входящие и исходящие почтово-телеграфные отправления. Осуществление военной цензуры возложить на органы НКГБ и третьих управлений НКО и НКМФ. На вскрытых и просмотренных документах ставить штамп «Просмотрено военной цензурой».

Но, наверное, больший интерес вызывает не сама система цензурования, а содержание тех писем, которые были подвергнуты перлюстрации. Анализ этого эпистолярного наследия позволяет заглянуть в те далекие годы, представить проблемы и трудности военного времени. В апреле 1943 года, в цензурированных письмах идущих из Свердловской области в действующую Красную Армию отмечались следующие проблемы[176]:

	Наименование сообщений	**Количество**	
		за 2 половину марта месяца 1943 г.	**за 1 половину апреля месяца 1943 г.**
1.	О дороговизне и продзатруднениях	39 593	33 354
2.	Жалобы на удержания из з/п	1 722	918
3.	Жалобы на налоги	742	1 293
4.	О плохих квартирных условиях	1 662	1 198
5.	О недостатке топлива	1 742	1 121
6.	Об эпидемических заболеваниях	649	675
7.	Жалобы эвакуированных	1 137	754
8.	Жалобы семей военнослужащих	1 228	943
9.	Упаднические и панические	1 040	927
10.	Национальная рознь и вражда	28	41
11.	Дезертирство	86	150
12.	О недостатках на фабриках и заводах	102	108
13.	О недостатках в сельском хозяйстве	3 562	3 387
	Общее количество прочитанной корреспонденции	**942 130**	**870 043**
	Процент отмеченных отрицательных сообщений к количеству прочитанной корреспонденции	5,6%	5,15%

[176] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Пор. 123. Л. 82.

О чем же писали жители Свердловской области в своих письмах мужьям, сыновьям, братьям на фронт. Приведем некоторые выдержки из этих писем.

Гр. Пиджакова из Нишинского сельсовета дер. Еремино, Ирбитского района, Свердловской области, в действующую Красную Армию, Пиджакову:

«...Вот с 20 февраля нет у меня хлеба, ребята просят есть, а я что им дам кроме картошки. Только достану где кусок хлеба разделю ребятам, а сама думаю ладно так, но чувствую, что скоро мое здоровье изменит мне. В голове шумит как в машине, руки падают, за что не возьмусь. Силы много исходит. Прошло пять дней, а мне все еще не выдали паек, послал бы письмо в сельсовет, да в Собес...».

Гр. Машкова из гор. Ревды (Рабочий поселок, ул. Чкалова, 16), в действующую Красную Армию, Машкову:

«...Живем очень плохо, по суткам сидим голодом... придется помирать с голода, а на меня внимания не обращают, что красноармейская семья. Люди все на детей получают, а мне ничего нет и не смотрят, что нас трое, а я сама болею. Хоть бы ты похлопотал, что либо выслал на военкомат и может быть мне помогли бы. Я очень болею, а питания нет, а умирать не охота...».

О том, что положение семей военнослужащих эвакуированных на Урал, было очень тяжелым, если не назвать бедственным видно из письма Амелиной из гор. Тавды, Свердловской области (ул. Калинина, дом 54), капитану Амелину в действующую Красную Армию:

«...Гриша напиши на райком, как капитан и орденоносец, тебя скорей послушают и дадут нам квартиру. Гриша, мы сейчас живем у людей и валяемся на полу, спим, где и собака и блохи. У нас уже появилась по всему телу чесотка. У Бори чесотка на руках уже волдыри стали и вши завелись. Мама лежит в больнице и пролежит еще месяц. Гриша милый помоги нам скорей, а то мамы нет и мы двое с Борей, нес уже тетенька ругает, что не уходим долго и почти выгоняет. Гриша еще прошу тебя напиши на райком и попроси, чтобы нам сироткам помогли: Гриша ведь у нас ничего не осталось в чем вышли в том и остались. Сейчас уже скоро месяц, как сгорели и все в одном ходим в грязном и вшивом и есть нечего...».

Еще более строгому цензуированию, а порой и перлюстрации подвергались письма идущие с фронта. В качестве первичных источников информации служили донесения и разведки особых отделов, перлюстрированные письма военнослужащих, трофейные письма и дневники. Как отмечает исследователь Горяева Т.М.: «эти документы свидетельствовали о широком спектре настроений как у военнослужащих (от рядового состава до генералитета) так, и у гражданского населения. Это в очередной раз

опровергает устоявшийся тезис о монолитном отношении советского общества к советской власти и коммунистической идеологии».

Выдержки из перлюстрированных писем являлись доказательственной базой не только при проведении оперативно-розыскных, но и следственных действий, хотя это и подрывало строгую конспиративность перлюстрации. Вероятно, формой легализации этой незаконной деятельности служило цензурирование, которое легко объяснялось условиями военного времени.

Давая общую оценку почтовой военной цензуры в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г. можно отметить, что она являлась одним из видов идеологического воздействия со стороны советского государства. Такой мелочный контроль над гражданами собственной станы, грубое вмешательство в личную жизнь граждан свидетельствовали об укреплении авторитарной власти И.В. Сталина и дальнейшем усилении тоталитарного режима в СССР.

Парадоксальный факт, казалось бы, военная цензура должна была прекратить свое существование вместе с окончанием войны. Но этого фактически не произошло. Слишком велик был соблазн контролировать политические настроения людей у органов государственной безопасности.

Перед нами документ, датированный октябрем 1948 года! А именно, Спецсообщение Управления МГБ по Свердловской области «О высказываниях среди населения районов Новосибирской области по поводу распространения эпидемии «Туляремии» по материалам Военной цензуры». Документ отправлен в два адреса Начальнику Управления МГБ по Новосибирской области генерал-майору Мещанову и в г. Москву Начальнику отдела «В» МГБ СССР генерал-майору Грибову.

Из документа видно, что Военной цензурой города Свердловска в сентябре месяце 1948 г. зарегистрировано 20 писем исходящих из районов Новосибирской области в Советскую Армию с сообщениями о массовых заболеваниях среди населения «Туляремией». В некоторых из этих сообщений указывается на неудовлетворительные меры борьбы с распространением этой болезни. Приведем некоторые выдержки из этих писем:

1. Гражданка Сантоцкая О.Д. из Коченевского района, В-Карасукский с/совет, совхоз № 213, пишет в ПП 75258 «М», Сантоцкому И.Д.:

«...Но болею не я одна в деревне, а уже много. Болезнь такая: сначала поднимается сильный жар несколько дней, а потом образуются шишки возле ушей, в ручных пахах или в ногах, и у меня сейчас сильно болят ноги ходить не могу. Тетка Стеша тоже более, она заболела еще раньше... В общем дело неважное и даже врачи не определяют, что за болезнь. По соседним деревням тоже болеют...» (10/IX 1948 г.).

2. Гражданка Площик из Венчеровского района, Староторский с/с колхоза «Серп и Молот» пишет в ПП 11472, Площику Павлу:

«...Павлик, я 15 дней лежала в больнице, где у нас болезнь какая-то новая – туляремия, многие люди болеют по 6 месяцев, вот и мне пришлось этой болезнью заболеть...» (5/ IX 1948 г.).

3. Гражданка Толкачева А.В. из Ст. Чудымская, Ишкульского р/х завода № 702, пишет в ПП 20653 «К», Толкачеву А.А.:

«...Какая-то болезнь ходит здесь, говорят от этих зверьков, которых у нас видели в озере. Делали прививку всем, но все же я простыла, стирала, изба была сломана, меня продуло, жар и какая-то шишка, у кого на шее, у некоторых в пахах... болеют много...» (3/ IX 1948 г.)[177].

О том, какой объем почтово-телеграфной корреспонденции приходилось обрабатывать пунктам Военной цензуры Свердловской области, свидетельствует месячный Отчет за июнь 1949 г. Характерно то, что поступившая корреспонденция помимо того, что измерялась в штуках, определялась и в килограммах (причем ее вес составлял более 2,5 тонн!).

Литер «А»

Совершенно секретно

Экз. №2

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА «В» МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ

тов. ГРИБОВУ.

гор. Москва.

МЕСЯЧНЫЙ ОТЧЕТ.

О работе отделения Военной цензуры № 22 Министерства Государственной Безопасности Союза ССР.

За ИЮНЬ месяц 1949 года.

Всего поступило корреспонденции – 2516 кг.

Всего обработано корреспонденции – 466317 шт.

В том числе корреспонденции адресованной в Советскую Армию – 466 317 шт.

ИЗ НИХ:

По Свердловской области – 57 715

По Тюменской области – 30 060

По Омской области – 35 699

По Челябинской области – 36 556

По Молотовской области – 34 850

[177] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Ед. хр. 342. Л.Л. 332-333.

По Курганской области – 22 385
По Новосибирской области – 41 266
По Иркутской области – 4 157
По Томской области – 11 675
По Кемеровской области – 32 548
По Красноярскому краю – 9 266
По Алтайскому краю – 42 481
По Казахской ССР – 37 024
Прочим областям – 70 635

Обработано национальной корреспонденции.

а)	На татарском языке	-	12 216	д)	На хакасском языке	-	13
б)	на казахском языке	-	3 032	е)	на ойротском языке	-	21
в)	на узбекском языке	-	90	ж)	на украинском языке	-	83
г)	на немецком языке	-	81				
					Итого: 16 285		

Направлено в другие органы для цензурирования.

№ п/п	На каком языке	Куда (город)	Количество
1.	На марийском	Харьков	612
2.	На молдавском	Харьков	68
3.	На армянском	Харьков	20
4.	На мордовском	Рязань	34
5.	На эстонском	Ленинград	2
6.	На латышском	Ленинград	4
7.	На чувашском	Владивосток	38
8.	На чувашском	Германия ОВЦ № 15	525
9.	На удмуртском	Германия ОВЦ № 15	390
10.	На таджикском	Германия ОВЦ № 15	106
11.	На коми	Минск	75
		Итого:	1 874[178].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в результате цензуирования писем органы государственной безопасности, а в конечном счете правительство страны, получало истинный срез политических настроений населения государства и всегда было в курсе намерений различных социальных групп.

[178] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1. Оп. 1. Ед. хр. 342. Л.Л. 1-2.

Но, если цензуирование почтовой корреспонденции являлось легальной формой работы органов государственной безопасности, то перлюстрация корреспонденции всегда составляло строжайшую государственную тайну.

Ни одно правительство в мире никогда официально не признавалось, что занимается перлюстрацией корреспонденции своих граждан, и только провалы спецслужб обнаруживали эту совершенно секретную деятельность. И в этом отношении показательны примеры, имевшие место в дореволюционной России.

Царская контрразведка активно использовала этот метод политического сыска. Как показывает анализ архивных источников, перлюстрации подлежали все письма независимо от ранга и титула адресата. Министры и депутаты Государственной думы, губернаторы и даже ближайшие родственники императора, великие князья и княгини, все они являлись объектами спецслужб.

Сохранились воспоминания, что Николай II заставлял перлюстрировать письма своей супруги Александры Федоровны и родного брата великого князя Михаила. И только два человека в стране могли быть спокойны за свою корреспонденцию это сам Государь и действующий в данный момент министр внутренних дел.

Поэтому, уходя в отставку, министры внутренних дел уничтожали доказательства слежки за коллегами. Тайна раскрывалась в том случае, если министров настигала внезапная смерть, например в результате покушения террористов. Когда директор Департамента полиции А.А. Лопухин вошел в кабинет только что убитого Плеве, он с удивлением обнаружил пакет перлюстрированных собственных писем[179].

Социалистическая революция в России мало что изменила в деятельности новых советских спецслужб. В.И. Ленин рекомендовал расширять и углублять эту совершенно секретную деятельность. Большевики поняли, что без заглядывания в частную переписку граждан им не обойтись.

Вопрос о тайне переписки не поднимался в конституционных актах советского государства до 1936 года. Ни в Конституции РСФСР 1918 г., ни в позднейшей Конституции СССР об этом ничего не говорится. Но, в сталинской Конституции 1936 г., имевшей большое международное политическое значение, вопрос о личных правах граждан СССР обойти уже было нельзя. Поэтому статья 128 торжественно объявляла, что в СССР тайна личной переписки охраняется законом.

---

[179] Рууд Ч., Степанов С. «Фонтанка – 16: политический сыск при царях». М. «Мысль». 1996. С. 114.

Но фактически дело обстояло иначе. Уже в 1919 году, в перлюстрации корреспонденции в России, по мнению профессора В.С. Измозика участвовало не менее 1000 человек.

О том, что перлюстрация корреспонденции активно проводилась в 1920-е годы, свидетельствуют рассекреченные данные. В 1924 г. по сообщению начальника Политконтроля ОГПУ И.З. Сурты Ф.Э. Дзержинскому отмечалось, что «полная обработка писем доведена до 250 штук на одного человека. **Всего за 1924 год было перлюстрировано 5 млн. писем и 8 млн. телеграмм»** (выделено – А.С.)[180].

Анализ перлюстрированной корреспонденции, а она все больше приближалась к тоталитарному характеру, давал возможность увидеть истинный срез жизни советского общества в период новой экономической политики.

Официальные источники: литература, радио, периодическая печать восхваляли и широко демонстрировали успехи советского народа в годы новой экономической политики, а позднее и первых довоенных пятилеток. Но мало кто из советских людей задумывался о том, что существует обратная сторона медали. Спецслужбы не только бдительно следят за всеми сторонами личной жизни граждан, осуществляя мелочную опеку, но и формируют, используя свои специфические методы, общественное сознание, создавая, таким образом, полицейский режим, который в отличие от полицейского режима абсолютизма был глубоко законспирирован. Так зарождались двойные стандарты, двойная мораль и двойное законодательство (секретные инструкции).

Информация о перлюстрации корреспонденции в СССР в 1950-е – 1960-е г.г. весьма скудна, поскольку является засекреченной до сих пор. Хотя известно, что Постановление Политбюро от 4 мая 1946 г. в составе Центрального аппарата МГБ СССР был создан Отдел «В» отвечавший за перлюстрацию корреспонденции и военную цензуру. В условиях тоталитарного коммунистического режима эта форма деятельности спецслужб все больше тяготеет к всеобщему охвату почтово-телеграфной корреспонденции в СССР.

Если в дореволюционной России перлюстрация имела превентивный характер, и, судя по штату работников ее осуществлявших, носила выборочный характер, **то в Советской России это уже была форма политического контроля над общественным сознанием населения страны** (выделено – А.С.).

Сведения о том, как она осуществлялась в СССР, дают зарубежные источники, в частности воспоминания сбежавших на Запад офицеров государственной безопасности разгласивших государственную тайну.

---

[180] Измозик В.С. «НЭП через замочную скважину. Журнал «Родина». 2001. № 8. С. 81.

Этой совершенно секретной деятельностью занимались исключительно офицеры МГБ, причем и они находились на территории своей страны в своего рода «подполье». Им запрещено было входить в Управление МГБ, место и должность были вымышлены, резко ограничивались контакты даже с родственниками, т.е. речь шла о глубокой конспирации, ни одна живая душа не должна была знать их истинный характер работы.

Как правило, большинство из них проходило такой этап, как почтовая военная цензура, т.е. легальная форма работы с почтово-телеграфной корреспонденцией.

Этот же путь прошел в 1950-х годах офицер Управления МГБ по Читинской области Леопольд Авзегер, который первоначально был направлен в отделение военной цензуры № 115 Забайкальского военного округа. По существу здесь было два отделения военной цензуры. Их территория была огорожена колючей проволокой. Здесь круглосуточно находился ответственный дежурный, которого можно было отличить по чекистской форме. Даже своим внешним видом он символизировал, что Военная цензура это организация военная, на которую распространяются все нормы армейской жизни. Дежурный непосредственно подчинялся Управлению МГБ.

Военная цензура была чрезвычайно жесткой. Ежедневно комендант военной цензуры принимал мешки писем, поступающих за колючую проволоку из внешнего мира. Цензор, приходя на работу, получал штамп «Проверено военной цензурой», а вместе с ним ножницы и два отдельных конверта. На одном было написано «Для изъятия текста», на другом – «Для оперативного использования».

Поскольку письма писались на различных языках, от цензора требовалось знание не менее 3-х – 4-х языков. Руководство поощряло изучение языков, за знание нового языка была установлена доплата. Вышеупомянутый офицер МГБ владел немецким, польским, идишем и украинским. Но были и настоящие полиглоты знавшие 7-8 языков. Это было очень важно, поскольку письма писались на различных иностранных языках. Например, в Управлении МГБ по Свердловской области, в упомянутый период, как показывают архивные материалы могли прочитать письмо, написанное на 26 языках народов мира и СССР, в том числе и на таких достаточно редких языках, как ойратский[181].

И даже, если попадался язык совсем незнакомый, это тоже не являлось проблемой. Письмо пересылали в то Управление МГБ-КГБ, где этот язык знали.

---

[181] Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. «Месячный отчет о работе отделений и пунктов «ПК» отдела «В» Управления МГБ по Свердловской области», за июль 1949 г. Ф-1. Оп. 1. Пор. 377. Л.Л. 162-163.

Поскольку объем корреспонденции был большой, пунктов «ПК» (политического контроля) тоже было много. На территории Свердловской области до середины июля 1949 года действовало 13 пунктов «ПК», где проводилась читка документов (в практике отдела «В» никогда не использовалось слово «письмо», а только «документ») подозрительных по внешним данным: т.е. без обратных адресов, или с адресом до востребования, с искаженным почерком, с почерками подозрительными по сходству с почерками авторов анонимных антисоветских документов[182]. На это обращалось особое внимание при обработке основной массы корреспонденции.

В письмах запрещалось писать о продовольственных, жилищных и других трудностях, стихийных бедствиях, неурядицах в колхозах и совхозах, на производстве, об очередях… и т.п. Естественно, что информация более серьезная связанная с понятием военная, государственная или иная тайна не просто «вымарывалась» цензурой, а, скорее всего письмо изымалось, и по нему проводилась оперативная разработка.

Для того чтобы военные цензоры не теряли бдительность, время от времени, руководство Управлений МГБ применяло подстроенные провокации, подкладывая цензору письмо с нарушением военной тайны. В случае пропуска такого письма цензора ждали большие неприятности, вплоть до увольнения.

Но, если почтовая военная цензура, хотя и имела конституционные ограничения личных прав граждан СССР, была официальной и гласной, то перлюстрация корреспонденции носила антиконституционный характер («Тайна переписки охраняется законом», Конституция СССР 1936 г., ст. 128) и являлась совершенно секретной деятельностью органов государственной безопасности СССР.

Работа эта тщательно конспирировалась, составляла государственную тайну, круг людей, допущенных к этой работе, очень тщательно проверялся. По мнению автора мемуаров «Я вскрывал ваши письма…» Л. Авзегера, опубликованных в Нью-Йорке в начале 1990-х годов это было «советское подполье» в собственной стране.

С момента перехода на работу в отделение Политического контроля (ПК) занимающегося перлюстрацией корреспонденции рекомендовалось значительно ограничить круг знакомых, запрещалось посещать рестораны, кафе и другие места отдыха граждан, входить в Управление МГБ и выдавались новые документы («крыша») места работы, обычно это горком КПСС или ВЛКСМ. Другими словами, это была жизнь разведчика в собственной стране. Все это свидетельствует о том, что советское государство с особой тщательностью подходило к конспирированию антиконституционной деятельности по перлюстрации корреспонденции.

---

[182] Там же. Л. 175.

Как правило, помещения (бункеры) где проводилась перлюстрация корреспонденции располагались рядом с железнодорожным вокзалом.

Например, в Забайкалье, перлюстрация корреспонденции проводилась в здании почтамта, на станции Чита II. Это было продумано специально, чтобы не обращать внимание почтовых работников, на факт исчезновения на некоторое время почтовой корреспонденции.

Вся корреспонденция, прибывавшая в опломбированных вагонах на вокзалы и станции, поступала обычно на привокзальную почту. Здесь на конвертах и открытках гасились марки и именно отсюда шли письма на тайную проверку.

С другой стороны, через вокзальный почтамт проходила вся корреспонденция, направляемая в другие места и перед отправкой ее тоже можно было подвергнуть перлюстрации.

Естественно, что работники почтамта совершенно не подозревали о наличии тайной процедуры выполняемой контрразведкой, за исключением 2-х – 3-х человек, которые связаны строжайшей подпиской о неразглашении государственной тайны. Более того, вход в бункер, был совсем с другой стороны, что создавало иллюзию, что люди входят не в служебное помещение, а в подъезд жилого дома. По описанию Л.Я. Авзегера, у входа в «ПК» была пристройка, площадью 2х2. Пристройка имела дверь, которая никогда не запиралась на замок. Внутри было темно, что создавало впечатление заброшенности помещения. Но каждый из сотрудников «ПК», знал, что на одной из внутренних стен пристройки оборудован специальный звонок. Был тут и свой код – необходимо было дать два очень коротких звонка, и лишь после этого вахтер открывал дверь, ведущую в помещение «ПК». Через специальный тайный люк, проделанный в стене, все письма поступали в помещение, которое никакого отношения к почте не имело. Этот процесс передачи почты на перлюстрацию происходил совершенно секретно, поэтому работники читинского привокзального почтамта вообще не догадывались о существовании «цензорского люка» и помещения, где проводилась перлюстрация корреспонденции.

В отделении «ПК» работало около семидесяти человек. Существовало строгое разделение труда. Оперативный состав насчитывал шесть человек. Так называемая группа «списки» – десять человек. В группу «вскрытие» входило четыре человека, они занимались вскрытием и заклейкой писем. Специальная группа из трех человек выполняла работу по фото и химической «обработке документов». Остальные пятьдесят пять человек были заняты чисткой писем, т.е. политическим контролем. Более полное представление о пункте «ПК» дает план размещения этого отделения (см. …).

В группе «списки», работали молодые люди, имеющие феноменальную память. Для того, чтобы справляться со своей задачей, каждый из них

должен был знать имена, фамилии и адреса людей, находящихся в списках. Т.е. лиц, которыми интересовалось МГБ. Они должны были запоминать характеры почерков и написание отдельных букв в анонимных письмах. Иногда им приходилось заучивать наизусть до шестисот-восьмисот фамилий.

В их обязанности входил отбор писем дяя перлюстрации. Отбирались, прежде всего, письма представлявшие «оперативный интерес». Для вскрытия писем использовалась и специальная технология, в том числе специальная аппаратура, не оставляющая следов проникновения. Она изготавливалась в секретных мастерских Управления МГБ.

Если, письмо невозможно было вскрыть, не оставив следов проникновения, оно копировалось и уничтожалось. Но такие случаи были крайне редки.

Существовал и свой график прихода на работу каждой группы «ПК». Он был составлен с таким расчетом, чтобы свести к минимуму простои цензоров, у которых часто работы было невпроворот.

Этот график выглядел следующим образом. Первыми в закуток-предбанник входили сотрудники группы «списки». Они готовили для всего отдела «фронт работы» и являлись обычно в шесть утра. В 6.30 начинала свой рабочий день и группа «вскрытие». К ее приходу группа списки уже успевала подготовить к работе определенное количество писем. Затем в 6.45 являлось начальство: оперуполномоченные, старшие групп, переводчики. И, наконец с 7.00 до 8.00 приходили цензоры. Таким образом, к восьми утра перлюстрация корреспонденции в г. Чите уже шла полным ходом[183].

Нет сомнения, что подобной деятельностью занималось не только 115 отделение Военной цензуры «ПК» г. Читы, эта деятельность была характерна для всей необъятной советской страны.

Но продолжим рассмотрение форм деятельности отдела «В». Отдел «В» Управления МГБ по Читинской области имел в своем подчинении три отделения: Военной цензуры № 115, Отделение «ПК» (политический контроль) и международное отделение, занимающееся перлюстрацией международной корреспонденции. Международное отделение находилось в одном помещении с «ПК», но занимало две совершенно изолированные комнаты, где работало восемь сотрудников. Их работа считалась наиболее секретной и ответственной в отделе «В». Все сотрудники международного отделения имели звание оперуполномоченных, офицерский чин и гораздо более высокую зарплату.

Для международных писем не существовало принципа выборности (выделено – А.С.). Все без исключения лица, ведущие переписку с заграницей, были взяты на учет. На каждого было заведено специальное наблюдательное дело. Отдельно велись наблюдательные дела в отношении

---

[183] Авзегер Л. «Я вскрывал ваши письма (из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ)». Альманах «Время и мы». Нью-Йорк. 1980. № 55-56. С. 252.

тех, кто вел переписку с корреспондентами в странах народной демократии (социалистический лагерь – А.С.), отдельно – в отношении лиц, поддерживающих переписку с гражданами капиталистических стран.

Естественно, чтобы не вызвать подозрения, не все письма конфисковывались, но на учет брались все. Существовал обширный перечень требований к корреспонденции, исходящих от граждан Советского Союза. Именно цензор решал, пропустить письмо или нет, именно перед ним открывалось широкое поле деятельности, и на нем лежала огромная ответственность. Поэтому цензоры, как правило руководствовались принципом «лучше перебдеть, чем недобдеть». Поэтому иногда конфисковывались даже, на первый взгляд невинные письма – человек, например, просил выслать ему икону или помочь материально. Изымались письма, содержащие самые обычные фото, причем фотографии особенно тщательно изучались. По фотографии, по одежде людей, по их облику и даже по выражению лица можно было составить представление о том, как они жили.

Подозревая о том, что вся корреспонденция идущая заграницу обязательно цензуируется советские люди шли на различного рода уловки. Одна из них эзоповский язык, когда за внешне позитивной информацией, скрывался потаенный смысл. Например: «Наше государство очень хорошо заботится о пенсионерах, нам с женой всего хватает, мы получаем пенсию… 160 рублей». Или: «У нас прекрасная комната, 14 квадратных метров, с соседями живем очень хорошо. Все шесть семей, которые проживают с нами в одной квартире на улице Ленина, – очень симпатичные люди».

Но этот язык был понятен не только корреспонденту в другой стране, но и цензору МГБ, которые безжалостно конфисковывали такие письма[184].

Поражал объем работы тайных цензоров МГБ-КГБ в 1950-е – 1960-е г.г. По воспоминаниям, того же Л. Авзегера ежедневно вскрывалось и читалось до 2 500 писем. Нетрудно сделать небольшой арифметический подсчет, чтобы понять, что в целом по СССР перлюстрировались миллионы единиц корреспонденции.

Укреплению авторитарности власти способствовала тотальная слежка за ее гражданами. Всякое инакомыслие сразу же безжалостно подавлялось. Перлюстрации корреспонденции в СССР как форме политического контроля МГБ-КГБ уделялось большое внимание.

«Обработка» корреспонденции ставила целью не просто накопление информации на будущее «на всякий случай», с «документом» работали. Существовало два закодированных варианта. «А» – письмо возвращалось на почтамт и шло по своему адресу, и вариант «К» – письмо конфисковы-

---

[184] Авзегер Л. «Я вскрывал ваши письма (из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ)». Альманах «Время и мы». Нью-Йорк. 1980. № 55-56. С. 257.

валось. Относительно задержанного письма уже принималось более конкретное решение – например, завести на получателя и отправителя наблюдательное дело (наиболее невинный вариант), сообщить для сведения в 5-й отдел управления МГБ, занимавшийся внутренними делами, или во 2-й международный отдел. Наконец в особо важных случаях направлялось спецсообщение в Министерство государственной безопасности.

Однако решение приводилось в действие лишь после того, как его утверждал начальник отдела «В»[185].

Представление об оформлении представляющего интерес письма дает приводимый ниже примерный образец заполнения меморандума.

Перлюстрации подлежали не только письма и телеграммы, но и иные виды почтовой корреспонденции, поступающие из-за рубежа. Особенно «опасной» были книги и журналы, поступающие из-за границы, пускай даже самого безобидного содержания. Органы государственной безопасности искали во всем тайный, скрытый смысл, будь-то ноты или ученая книга по биологии. Все они рассматривались под углом зрения антисоветской литературы.

Вспоминается случай, рассказанный одним коллегой доцентом. Ведя научный обмен и переписку с учеными Англии он получил письмо из Великобритании, что на его домашний адрес выслана только что вышедшая книга по теме общих научных исследований. Естественно, книгу он не получил. Каково же было его удивление, когда через два месяца он заказал эту книгу в спецхране библиотеки им. В.И. Ленина и на обложке этой книги обнаружил дарственную надпись со своей фамилией, именем и отчеством. Заместитель директора библиотеки ничего определенного не мог сказать, как книга с дарственной надписью оказанась в спецхране, но порекомендовал никаких расследований не проводить, «шума не поднимать» пригрозив неприятностями на работе. Книга им была тут же изъята из фонда.

Внутренние инструкции органов государственной безопасности нацеливали на проявление еще большей бдительности, постоянно подчеркивая активизацию спецслужб противника. Об этом свидетельствуют такие нормативные акты как: «О реорганизации оперативного учета антисоветских элементов» (1947 г.); «О состоянии и мерах по улучшению практики ведения дел оперативной разработки и оперативной проверки» (1964 г.) и др.[186]

---

[185] Авзегер Л. «Я вскрывал ваши письма (из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ)». Альманах «Время и мы». Нью-Йорк. 1980. № 55-56. С. 261.

[186] Шумилов А.Ю. «Уроки истории нормативного регулирования оперативно-розыскной деятельности отечественных спецслужб». В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке». ФСБ РФ. М-В.Новгород. 1997. С. 69.

В практике деятельности отдела «В» это означало усиление политического сыска. Иногда, из 2 500 тысяч перлюстрированных писем Читинского Управления МГБ до половины конфисковывались и не доходили до адресатов[187].

Однако, конфискация почтовой корреспонденции это еще только половина беды, куда печальнее и трагичнее выглядела судьба тех людей, письма которых поступали в оперативную разработку. Слепо доверяя статье 128 Конституции СССР 1936 г., гарантировавшей тайну переписки, человек и не подозревал, что причиной его ареста органами МГБ стало перлюстрированное письмо.

Вместе с тем, необходимо отметить, что некоторые люди пытались докопаться до истины и выяснить, а кто третий присутствует при их переписке.

Примером может служить известный биолог, историк и публицист Жорес Медведев, опубликовавший в лондонском издательстве «Macmillan» в 1972 г. книгу с саркастическим названием «Тайна переписки охраняется законом», где он с дотошностью истинного ученого пытался проследить все этапы прохождения и исчезновения почтовой корреспонденции в СССР.

Он пишет: «Для научного работника международная переписка – необходимый элемент подготовки исследования, форма связи с мировой наукой. Международную корреспонденцию я начал в 1955 году. Именно в это время Советский Союз кончил свою бесплодную борьбу с так называемым «космополитизмом» в науке и обратил внимание своих ученых на необходимость серьезного изучения достижений науки и техники за рубежом»[188].

Политическая установка партии привела к тому, что с этого периода международная почтовая переписка значительно активизировалась. Вместе с тем это, естественно, увеличило во много раз объем работы тайных цензоров МГБ, но об втором факте мало кто знал, люди свято верили в статью 128 Конституции СССР гарантирующую нам тайну переписки. Ж. Медведев отмечает: «Первый загадочный почтовый казус произошел в моей практике после многих лет переписки в 1960 г. Один из моих биохимических корреспондентов прислал из Англии эмоциональное письмо… англичанин возмущался тем, что русские коллеги не приехали на какую-то совместную конференцию в Лондон, всей делегацией. Для них были забронированы за счет Оргкомитета места в гостиницах, доклады включены

---

[187] Авзегер Л. «Я вскрывал ваши письма (из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ)». Альманах «Время и мы». Нью-Йорк. 1980. № 55-56. С. 267.

[188] Медведев Ж. «Тайна переписки охраняется законом». «Macmillan». 1972. С. 367.

в программу, их встречали в аэропорту. Но никто не прибыл и даже не предупредил об этом заранее. Последнее обстоятельство более всего возмутило британца. – Могли бы хоть телеграмму или письмо прислать»[189].

Вторая загадочная пропажа произошла в 1961 году. С тех пор, часть писем с некоторой периодичностью не доходила до адресатов. Это касалось, как писем из СССР, так и писем из-за рубежа.

С дотошностью истинного ученого Ж.Медведев тщательно изучил все нормативные акты, касающиеся как внутренней, так и международной почтовой переписки, по поводу пропажи писем, затеял служебную переписку с Международным московским почтамтом, неоднократно встречался с его руководителями.

В результате удалось выяснить, что международные заказные письма страхуются государством. Советский Союз входит во Всемирный почтовый союз и Устав этого Союза был ратифицирован Указом президиума Верховного Совета СССР 27 февраля 1959 года. Соответственно и Устав почтовой службы СССР предусматривал высокую компенсацию за утрату международного заказного письма – 7 руб. 35 копеек (в ценах до 1961 года – А.С.), т.е. почти в 15 раз больше чем оплачивается утрата по вине почты внутреннего заказного письма. Из этого следовало, что почта должна принимать серьезные страховые обязательства перед отправителем и адресатом.

Но пропажа международной корреспонденции продолжалась и далее.

Ученый поставил задачу проследить все этапы прохождения международной корреспонденции и с точки зрения прохождения сроков доставки и пришел к правильному выводу об ее исчезновении на некоторое время из поля зрения почтовых работников, что собственно подтвердили и сами ответственные служащие Московского международного почтамта.

О том, что проблема перлюстрации корреспонденции в СССР исследовалась с дотошностью истинного ученого, свидетельствует название глав вышеназванной книги Ж.А. Медведева: «Проблема обратного адреса», «Загадочный парадокс Московской международной почты», «Проверка почтовых отправлений с печатными произведениями структура заградительной сети», «Проблема конфискации и изменений печатных произведений, прибывающих из-за рубежа», «Тайны «черного кабинета» и т.п.

Такой, чисто эмпирический подход, без отсутствия анализа нормативной базы (Инструкции имеют совершенно секретный характер до сегодняшнего дня), тем не менее, привел ученого к правильным результатам. Почта тут ни причем, пропажа корреспонденции это дело рук спецслужб СССР, которые активно продолжали заниматься политическим сыском нарушая Конституцию СССР.

---

[189] Там же. С. 370.

Их не смущало то, что они нарушают закон. У них была совершенно секретная Инструкция, которую они ставили выше закона. Так, формировались двойные стандарты и двойная мораль в жизни советского социалистического государства.

В 1960-х годах произошли и некоторые изменения в структуре органов государственной безопасности СССР, в том числе и в Управлении «В» занимавшимся почтовой военной цензурой и перлюстрацией корреспонденции.

В 1949 году Совет Министров СССР принял постановление об организации в МГБ СССР (в 1946 году Наркоматы были переименованы в Министерства) 7-го Управления (организация и установка наружного наблюдения за лицами, разрабатывающимися органами госбезопасности); о передаче Главного управления пограничных войск и Главного управления милиции из МВД СССР в МГБ СССР; о создании на базе Комитета информации Совета министров СССР 1-го Управления МГБ СССР, преобразованного в 1951 году в 1-е Главное управление (орган внешнеполитической разведки). Не все они были оправданы. Один из видных исследователей истории органов государственной безопасности В.В. Коровин отмечает: «Критически рассматривая данные организационно-структурные изменения в МГБ СССР, следует признать, что возложенные на органы госбезопасности несвойственные им функции охраны общественного порядка, борьбы с общеуголовными преступлениями, в определенной мере снижало уровень контрразведывательной работы, отвлекало контрразведывательные аппараты от решения главных задач...»[190].

Министерство государственной безопасности просуществовало до марта 1953 года. Однако, уже через год в марте 1954 года Президиум ЦК КПСС 10 февраля 1954 г. принял решение об основных задачах органов государственной безопасности. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 года был образован Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР, председателем которого был назначен И.А. Серов. В соответствии с распоряжением СМ СССР № 805-484 с.с. от 26 апреля 1955 г. был организован 6-й спецотдел (перлюстрация телеграфной и почтовой корреспонденции), функции которого ранее исполнял 10-й отдел 4-го Управления КГБ при СМ СССР. Реорганизация подразделений, осуществлявших оперативно-техническую работу, была проведена 2 июля 1959 г. на основании постановления Президиума ЦК КПСС от 17 июня 1959 г. и Совета Министров СССР № 677-305 от того же числа. На базе 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го спецотделов было создано Оперативно-техническое управление КГБ[191].

---

[190] Коровин В.В. «История отечественных органов безопасности». М. «Норма-Инфра-М». 1998. С.С. 58-59.

[191] Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР 1917-1991 г.г.». М. «Росспэн». 2002. С. 306.

Невозможно дать правильную историческую оценку деятельности государства, без изучения функционирования тех структур государственного аппарата, которые составляли его каркас. Особенности деятельности органов государственной безопасности в 1950-е первой половине 1960-х годов проявлялись в том, что по сути дела они выполняли две функции, с одной стороны функции защиты государства и народа, а с другой стороны являлись инструментом КПСС, «вооруженным отрядом партии» и использовались для поддержания власти коммунистической партии. И, естественно, для выполнения второй функции политический сыск и одна из форм его работы перлюстрация корреспонденции был просто необходим.

Более того, он начинает приобретать все более гиперболизированные размеры, особенно в связи с появлением так называемого диссидентского движения в СССР.

В силу сложности доступа к архивному материалу этого периода, деятельности органов МГБ-КГБ СССР еще не получила должной оценки на страницах открытой печати.

Однако, можно отметить, что этот период характеризуется попытками поиска наиболее оптимальной структуры ведомства.

В связи с обнародованием на XX съезде партии материалов о массовых политических репрессиях Министерство государственной безопасности СССР первым из всех министерств подверглось реорганизации. Была предпринята попытка объединиться с МВД, поиск оптимальной структуры ведомства проявлялся и в том, что появлялись новые управления, которые вскоре сокращались или упразднялись, шла частая смена руководства (с 1953 по 1963 год сменилось шесть руководителей, а с 1987 по 1997 – восемь).

В условиях «хрущевской оттепели», некоторых демократических преобразований в системе социалистического государства пересматривались и формы работы, а именно переориентация работы с агентурой, изменения в вербовочной базе; проблемы гласности в работе; преемственность поколений и «чекистских» традиций и много другое.

Однако, четкой программы реформирования не было. Партийное руководство страны с одной стороны официально осудило массовые политические репрессии, проводимые органами госбезопасности, но с другой стороны, понимая, что они как силовая структура составляют опору государственной власти и коммунистического режима достаточно бережно отнеслось к кадровому составу. Достаточно отметить, что штатная численность личного состава ведомства в начале 1950-х годов превосходила довоенную в три раза[192].

---

[192] Пожаров А.И. «Некоторые аспекты деятельности органов госбезопасности СССР в 1950-е – первой половине 1960-х годов». В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке». ФСБ РФ. М-В.Новгород. 1999. С. 46.

Имевшие место изменения коснулись прежде всего агентурного аппарата. В январе 1952 г. была ликвидирована система секретных осведомителей и введена новая категория агентуры – спецагенты, планировалось реорганизовать службу наружного наблюдения, было сокращено денежное довольствие за счет упразднения выплаты за воинское звание, отменены и переработаны инструкции и приказы военных лет, наборы в МГБ стали осуществляться по партийным рекомендациям.

В 1954 году очередная реформа выделила органы госбезопасности из МВД и одновременно понизила их статус до комитета в целях полного подчинения партийному аппарату и лишения самостоятельности. Начались сокращения личного состава. К 1960 году эти сокращения составляли от 30% до 50%.

Таким образом, процесс деидеологизации силовых структур сказался на эффективности работы системы КГБ.

Осознав пагубность политики, направленной на ослабление деятельности силовых структур и учитывая внешнеполитическую ситуацию, начавшуюся «холодную войну», правительство в 1961 году принимает новое решение об изменении структуры и увеличении штатов органов КГБ.

Постоянные реорганизации органов государственной безопасности не способствовали улучшению качества работы этих органов.

Как отмечает один из исследователей органов государственной безопасности А.И. Пожаров: «...существовавшая партийно-государственная система так и не смогла обеспечить кардинальных реформ не только в органах госбезопасности, но и по всей стране в целом. Партийные установки обусловили направленность деятельности ведомства. Например, органам госбезопасности было категорически запрещено контролировать людей из партноменклатуры даже при наличии на то оснований. На заявления о необходимости проверки фактов об антигосударственных связях ряда высокопоставленных партчиновников неизменно накладывалось табу... а именно из высших эшелонов власти западные политики получали самую важную закрытую информацию, приобретая возможность активно влиять на политические процессы в нашей стране»[193].

В 1960-е годы происходит перенаправленность целей работы, ослабляется разведывательная и контрразведывательная работа, зато особое внимание начинает уделяться оперативному контролю за жизнью и политическим настроением практически всех слоев населения и преследованию

---

[193] Пожаров А.И. «Некоторые аспекты деятельности органов госбезопасности СССР в 1950-е – первой половине 1960-х годов». В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке». ФСБ РФ. М-В.Новгород. 1999. С. 49.

диссидентов. Тотальный контроль в обществе и политический сыск это две стороны одной медали.

«…Если говорить о перлюстрации корреспонденции (ПК), то в 1965 году Коллегия КГБ обсудила состояние дел в этой сфере. Был подготовлен единый план службы ПК (операция «Алмаз») согласно которому основное внимание уделялось потоку исходящей международной корреспонденции (подчеркнуто – А.С.). Вступила в силу 28 ноября 1967 года «Инструкция по негланому контролю почтово-телеграфных отправлений органами Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР»[194].

Приказом КГБ при СМ СССР от 12 июля 1977 г. была утверждена «Инструкция по оперативному учету в КГБ при Совете Министров СССР. Она предусматривала:

- дело оперативной проверки;
- дело оперативной разработки;
- дело оперативного розыска;
- дело оперативного наблюдения;
- дело контрразведывательной операции;
- дело оперативной подборки…

Своя система учета была и у 6-го отдела (перлюстрация корреспонденции) ОТУ (оперативно-техническое управление) КГБ:

- централизованная картотека инокорреспондентов (иностранных граждан, организаций, осуществляющих почтово-телеграфную переписку);

- картотека подставных адресов спецслужб противника (загранадреса, используемые для связи с разведками и агентурой);

- картотека адресов радиостанций и пропагандистских центров противника;

- централизованная фототека почерков неизвестных отправителей, скрывающих свои адреса при направлении корреспонденции в зарубежные и капиталистические страны;

- учет зарубежных организаций и граждан капиталистических стран, от имени которых систематически направляются враждебным элементам в СССР посылки и материалы;

- учет советских граждан, ведущих переписку с инокорреспондентами[195].

---

[194] История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 561; Чертопруд С. «Вожди в законе, Андропов и КГБ». М. «Яуза». «Эксмо». 2004. С. 131.

[195] История специальной регистрации, учетов и архивов. Сб. Исторический справочник Спецорганы России: в датах, цифрах, именах, приказах. М., Военно-историческое общество им. Я.К. Берзина. 2002; Чертопруд С. «Вожди в законе, Андропов и КГБ». М. «Яуза», «Эксмо». 2004. С.С. 148-149.

Не только эпистолярные упражнения советских граждан интересовали органы контрразведки.

Специалисты 6-го отдела Оперативно-технического Управления КГБ принимали участие, используя методы почерковедческой экспертизы, и в идентифицировании различного рода прокламаций и листовок. Особенно в период диссидентского движения в СССР. Достаточно сказать, что в 1977 году было выявлено 16 125 документов антисоветского характера и установлено авторство 2 088 человек. Аналогичные показатели за 1985 год – 9 864 и 1 376 соответственно. В зависимости от конкретного года КГБ удавалось выявить от 60 до 90 авторов. Из них от 50 до 60% были подвергнуты профилактике, а с остальными обошлись более жестоко – отправили в лагеря (по ст. 70 «подрыв советского государственного и общественного строя», ст. 190-1 «антисоветская агитация», а также по обвинению в тунеядстве и в хулиганстве) или на принудительное лечение в психбольницы[196].

Так, система партийно-государственного руководства сделала органы МГБ-КГБ исполнителями своей воли. С точки зрения правовой, особое место отводилось не закону и Конституции СССР, а постановлениям ЦК КПССС, на основании которых разрабатывались ведомственные инструкции, которые противоречили Основному закону государства и поэтому скрывались за грифами «совершенно секретно». Значительная часть из них касалась личной жизни граждан.

В чем то был прав американский публицист Джон Баррон утверждая, что «советская система в значительной мере существующая за счет таинственности и секретности, которыми она себя окружила очень чувствительна к малейшим нарушениям секретности, к проникновению неконтролируемой информации и утечки информации из страны»[197].

Новые политические реалии в стране в 1980-е – 1990-е годы привели к переоценке существовавших ранее ценностей. Впервые, человек рассматривался, не как «винтик в государственной машине», а как личность. К осознанию этого, в конце концов, пришли и лидеры КПСС. Выступая на XIX Всесоюзной конференции Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев отмечал: «Как граждане несут ответственность перед своим общенародным государством, так и государственная власть несет ответственность перед гражданами[198], т.е. первостепенное значение необходимо было уделять правовой защите личности.

---

[196] Рэддэвей П. Советология и диссидентство: новые источники протеста. Сб. V Международной конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра». М. 1996. С. 77.

[197] Джон Баррон. «КГБ сегодня – невидимые щупальца». СПб. «Петрополис». 1992. С. 463.

[198] Газета «Правда». 29 июня 1988 г.

Стало больше уделяться внимания праву на личную жизнь, что означало предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, не допускать разглашения сведений личного, интимного характера. Из права на личную жизнь вытекала недопустимость слежки за человеком, прослушивания и записи личных разговоров, ведущихся дома или общественных местах (ресторанах, гостиницах и т.п.) в том числе телефонных переговоров. Право на личную жизнь – это также и возможность беспрепятственного общения с другими людьми через посредство почты и телеграфа. **Государство гарантировало тайну почтовой корреспонденции и телеграфных сообщений (ст. 56 Конституции СССР 1977 г.)** (выделено – А. С.)[199].

В условиях авторитарного режима, право на личную жизнь является фикцией. Достаточно вспомнить, на примере Российской империи, начало XVIII века, период установления абсолютизма. Полицейский политический режим времен правления Петра I, являлся свидетельством того, что понятие «личная жизнь» у подданных государя императора просто не существовало. Полиция, как гласно, так и негласно (фискалы) следила за всеми сторонами бытовой жизни населения, при этом использовались все формы и методы политического сыска. Правительство в различного рода Регламентах, Уставах, Указах, Манифестах устанавливало какой образ жизни должно вести население Российской империи и за выполнением этих нормативных актов следил широко разветвленный аппарат полиции.

Таким образом, стремление сделать личную жизнь предметом правового регулирования характерно для полицейского государства, которое методом запретов не оставляет простора для индивидуальных проявлений.

В условиях правового, демократического государства понятие «личная жизнь» выступает больше как категория нравственная, хотя и состоит из ряда юридических правомочий. Право лишь в самых общих чертах влияет на характер взаимоотношений государства и гражданина в сфере личной жизни.

Человек, как личность свободен в определении своих знакомств, дружеских связей, домашнего уклада, интимных отношений, образа мыслей, увлечений, творчества и т.п.

Государство обязано, через Конституцию, гарантировать гражданам **право на личную жизнь** (выделено – А.С.).

Понятие это многопланово и многогранно, мы в силу специфики данной работы ограничиваемся лишь таким аспектом личной жизни, как право на тайну переписки. Это право нашло отражение не только в совет-

---

[199] Петрухин И.Л. «Личная жизнь: пределы вмешательства». М. «Юрид. лит-ра». 1989. С. 9.

ском законодательстве (Конституция СССР 1936 г. ст. 128, Конституция СССР 1977 г. ст. 56), но и в международно-правовых актах. Например, Всеобщая декларация прав человека 1948 года провозгласила, что «никто не может подвергаться произвольным посягательствам на... тайну его корреспонденции» (ст. 12).

Люди, доверяя бумаге свои личные тайны, интимного, врачебного, коммерческого, служебного или иного характера должны были быть уверены, что в их переписке отсутствует кто-либо третий, в противном случае ни о каком искреннем общении между людьми речи быть не может. Так нравственная категория перерастает в категорию юридическую.

В соответствии с законом сохранение тайны переписки возложено на почтово-телеграфные учреждения. В Уставе связи СССР, принятом постановлением Совета Министров СССР от 27 мая 1971 года отмечается: «Всякого рода справки о почтовых и телеграфных отправлениях... могут выдаваться предприятиями связи лишь отправителю, адресату... или их законным представителям»[200].

Общее правило о сохранении в тайне почтово-телеграфной корреспонденции допускало ряд исключений, которые были отражены в Уставе связи СССР (ст. 55), а именно: 1) по распоряжению адресата (например, в случае его болезни); 2) по указанию руководителя предприятия связи (при нарушении оболочки, перевязи, печати, недостаче веса, обнаружении подозрительного запаха или течи (кроме писем) при наличии оснований для предположения об утрате или порче содержимого бандеролей, посылок, при длительном невостребовании корреспонденции; 3) с санкции прокурора или по определению (постановлению) суда.

Вместе с тем, Устав связи СССР имел значительные пробелы, поскольку далеко не все случаи сохранения переписки в тайне были указаны в этом нормативном акте. В частности, не было упоминания о цензуре корреспонденции в пенитенциарных заведениях (к примеру сказать, ныне действующий уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в ст. 91 сообщает что «получаемая и отправляемая осужденными корреспонденция подвергается цензуре со стороны администрации исправительного учреждения...»[201]).

Обойден был вопрос об ознакомлении с перепиской (перлюстрация корреспонденции) в ходе оперативной разработки фигуранта спецслужб.

Считалось, что интересы борьбы с преступностью стоят выше, чем тайна переписки. Поэтому уголовно-процессуальный закон допускал наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, ее осмотр и выемку

---

[200] СП СССР. 1971. № 10. Ст. 83.

[201] ФЗ РФ от 04.11.2004 г. № 129-ФЗ.

(ст. 174 УПК РСФСР). В законе четко было установлено, при наличии каких оснований и в какой процессуальной форме допустимо столь серьезное ограничение одного из самых существенных конституционных прав личности.

В правовой литературе даже высказывалась такая точка зрения, что объектом права на тайну переписки является **не только содержание корреспонденции, но и сам факт переписки между определенными лицами** (выделено – А.С.)[202].

Поэтому ознакомление с личной перепиской граждан было допустимо только после возбуждения уголовного дела.

В связи с этим напрашивается вопрос о законности негласной оперативной работы по перлюстрации корреспонденции. До издания Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности 1992 г. и ныне действующего Федерального закона об ОРД от 12 августа 1995 г.[203], предусматривающего в статье 6 пункт 9 «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» эта деятельность, по нашему мнению была незаконной и антиконституционной. Такой вывод вытекает из анализа ст. 56 Конституции СССР 1977 г. Что касается ведомственных инструкций КГБ, то они не могли отменить вышеприведенную конституционную норму.

Вопрос о том, какие виды почтово-телеграфных отправлений были гарантированы от произвольного вскрытия и ознакомления с их содержанием, тоже является довольно непростым. Дело в отсутствии единого понятия тайна переписки. В Конституции СССР 1977 года говорилось лишь об охране тайны переписки и телеграфных сообщений (ст. 56), во Всеобщей декларации прав человека (ст. 12) – об охране тайны корреспонденции (это является уже более широким по объему понятием – А.С.), в действовавшем в тот период времени Уставе связи СССР – об охране тайны почтовых и телеграфных отправлений.

Такие коллизии в законодательстве привели к тому, что ученые предложили разные способы доктринального толкования понятия тайна переписки. Красавчикова Л.О. высказывала мнение, что «Конституция, а также нормы отраслевого законодательства охраняют именно тайну переписки, а не «секретиость» содержимого бандеролей и посылок»[204].

Вместе с тем, практика шла по другому пути. Устав связи СССР охранял тайну содержимого бандеролей и посылок. На таких же позициях

---

[202] Рудинский Ф.Н. «Теоретические проблемы личных конституционных прав и свобод советских граждан». Автореф. док. дисс. юрид. наук. М. 1980. С. 24.
[203] ФЗ РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.
[204] Красавчикова Л.О. «Право гражданина на тайну личной переписки». Сб-к науч. трудов «Социальное управление и право». Свердловск. 1977. Вып. 61. С. 32.

стоял и УПК РСФСР, который допускал арест осмотр и выемку содержимого бандеролей и посылок лишь с санкции прокурора или по определению суда (ст. 147).

Но, в юридической печати высказывалась и другая точка зрения, что объекты права на тайну корреспонденции – не только письма и телеграммы, но и посылки и бандероли[205].

Поэтому, можно согласиться с мнением, высказанным Петрухиным И.Л., считавшим, что «Закон охраняет тайну любой корреспонденции…» и статья 56 Конституции СССР 1977 г., страдала неполнотой[206].

Таковы теоретические выводы ученых-юристов, занимавшихся проблемами взаимоотиошений личной жизни граждан и государства, причем даже в более поздний период 1970-х – 1980-х годов, поскольку на вопросы охраны тайны переписки, прослушивание телефонных разговоров, наружного наблюдения и иных оперативных действий съема информации было наложено своеобразное табу и они в 1950-е – 1960-е г.г. в открытой печати не обсуждались.

И если, даже и шла о них речь, то исключительно применительно к буржуазным, капиталистическим государствам Запада. Так, в советском обществе, строящем коммунизм, постепенно формировалась «двойная» мораль и «двойное» законодательство, состоящее из официальных актов и совершенно секретных инструкций, прямо противоречащих Конституции.

Категории мораль и нравственность являются не только общефилософскими, но и общечеловеческими вообще. Они лежат в основе человеческого социума. Поэтому любому государству далеко не безразлично как формируется мировоззрение индивидов, и какие регулятивные принципы лежат в основе поведения людей.

Поэтому, естественно каждая власть старалась сформировать и приспособить эти категории под себя. Мы можем говорить о морали и нравственности фашистского государства, но с тем же успехом можно говорить о морали и нравственности коммунистического государства, что кстати, нашло свое воплощение в создании «Морального кодекса строителя коммунизма», принятого на XXII съезде КПСС в 1961 году. Партийный документ предусматривал не только создание новой социальной общности людей – советский народ, но и нового человека, воспитанного на коммунистических принципах морали и нравственности – «homo soveticus» (человек советский).

---

[205] Горшенев А.П. «Личные конституционные права граждан». Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Саратов. 1972. С. 16.

[206] Петрухин И.Л. «Личная жизнь: пределы вмешательства». М. «Юрид. лит-ра». 1989. С. 141.

Надо отдать должное руководителям коммунистической партии советского государства, им удалось это сделать. Большинство советских людей, особенно в довоенный период, свято верило в коммунистические идеалы. И путеводной звездой на этом пути была Конституция, по которой и строилась жизнь.

Новое поколение советских людей, выросших в условиях социализма доверяли Основному закону государства. Ведь он гарантировал свободу слова, печати, собраний и уличных шествий, бесплатное образование и медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение в старости, а также многие важные личные права, такие как тайна телефонных разговоров, **тайна почтовой переписки** (выделено – А.С.).

Советские граждане не подозревали, что их письма не только читаются, но и активно изучаются органами государственной безопасности тоталитарного государства и более того, часть из них поступает в оперативную разработку.

Вместе с тем, Конституция СССР 1936 года недвусмысленно провозглашала «**неприкосновенность жилища и тайна переписки охраняется законом**» (статья 128). Это подтвердила и брежневская Конституция СССР 1977 года «**...тайна переписки... охраняется законом**» (статья 56) (выделено – А.С.). Советские конституции гарантировали нам охрану личных прав. Более того, в соответствующих уголовных кодексах устанавливалась за это противоправное деяние уголовная ответственность, это являлось дополнительной гарантией, а не просто декларацией со стороны советского государства.

К примеру, в сегодняшней, действующей Конституции РФ законодатель уже в такой императивной форме, не даст гарантии тайны переписки, а говорит лишь о «**праве на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений**» (выделено – А.С.), указывая, что ограничения этого права допускаются на основании лишь судебного решения (статья 23, п. 2 Конституции РФ 1993 г.).

Это вселяет надежду, что эра тоталитарного шпионажа и мелочной опеки всех сторон личной жизни граждан России закончилась. В правовом, демократическом государстве не может быть места двойной морали, двойным стандартам и двойному законодательству.

Задача юриспруденции, так решить эту проблему, чтобы защитить личную жизнь граждан от произвола властей и в то же время обеспечить возможность раскрытия преступлений. Поэтому эти деликатные вопросы, особенно в условиях обострившегося международного терроризма должны быть основательно проработаны юристами.

Возвращаясь к формам политического контроля органов МГБ-КГБ СССР в 1950-е – 1960-е г.г., в качестве выводов необходимо отметить: 1) В

рассматриваемый период органы государственной безопасности были исполнителями воли партийно-государственного аппарата; 2) Правовая база регулировала и направляла их деятельность в строгом соответствии с партийными постановлениями, отражавшими устарелые политические установки о классовом подходе и политической целесообразности; 3) Роль права, как регулятора отношений в обществе, была принижена, принцип верховенства закона приобрел формальные черты; 4) Как следствие вышесказанного, в стране сформировалось «двойное» законодательство (секретные инструкции) явно противоречащие Конституции; 5) Нарушались права личности и гражданина, закрепленные в международных конвенциях, подписанных, в том числе и СССР.

Советская политическая система лишь приспосабливалась к новым историческим условиям и изменяла свою структуру только поверхностно (достаточно вспомнить, сколько реорганизаций в советском государстве имели органы государственной безопасности – А.С.).

И поэтому смягчение карательных функций институтов власти и либерализация общественной жизни допускалась лишь до определенных пределов, не затрагивающих само существо этой системы. Антагонистические противоречия, заложенные в геополитической модели двух супердержав в борьбе за мировое господство, определяли государственно-политический режим внутри страны. Не зря, американский исследователь и публицист Джон Баррон отмечал, что: «до тех пор, пока в Советском Союзе не произойдут коренные изменения, нам никогда не следует забывать слова, неоднократно произносившиеся советскими лидерами и в очередной раз повторенные Андроповым: «ареной исторического противоборства социализма и капитализма является весь мир, это противоборство затрагивает все области общественной жизни, экономики, идеологии, политики». Тот же Андропов подчеркнул, что «чекисты» (читай: КГБ) действуют в такой специфической области, где не бывает и не может быть перемирия и передышек...»[207].

Непоследовательная и недальновидная политика советских руководителей, отрыв от политических реалий мирового цивилизационного процесса, сформировали имперское мышление и образовали узлы противоречий, которые проявляются и сейчас в виде различного рода кризисных ситуаций.

---

[207] Джон Баррон. «КГБ сегодня – невидимые щупальца». СПб. «Петрополис». 1992. С.С. 463-464.

Глава VI. Технические приемы и методы перлюстрации корреспонденции, современное состояние вопроса

В вышеобозначенных главах, мы рассмотрели некоторые формы политического сыска в России и СССР. По мнению бывшего главы Министерства безопасности В.П. Баранникова, после августа 1991 года органы государственной безопасности ни политическим сыском, ни тем, что можно было бы сравнить с полицейским надзором, не занимались...[208] В августе 1991 г. под предлогом ликвидации политического сыска было упразднено Управление «3» КГБ СССР, занимавшееся защитой конституционного строя и борьбой с терроризмом.

Вместе с тем, необходимо отметить, что нестабильная политическая ситуация в государстве приводила к частым реорганизациям отечественных спецслужб: ноябрь 1991 г. – АФБ (Агентство федеральной безопасности) (В. Иваненко); декабрь 1991 г. МБВД (Министерство безопасности и внутренних дел) (В. Баранников); январь 1992 г. – МБ (Министерство безопасности) (В. Баранников, Н. Голушко); февраль 1994 – ФСК (Федеральная служба контрразведки) (Н. Голушко, С. Степашин); апрель 1995 – ФСБ (Федеральная служба безопасности) (С. Степашин, М. Барсуков, Н. Ковалев). Кроме этого, с 1991 года принимались решения о поэтапном вычленении из головной организации службы внешней разведки, правительственной охраны, пограничной охраны, правительственной связи.

«Несмотря на частые структурные реорганизации, органы государственной безопасности являлись, по сути дела, единственным федеральным институтом власти, сохранившим вертикальную структуру управления (центр – область – город – район) и уже в силу военизированного характера организации способным добиваться исполнения своих приказов – даже в условиях политического и экономического хаоса»[209].

Однако частые структурные реорганизации проводились без глубокого сравнительного историко-юридического исследования, и они носили, скорее всего, политический характер, поскольку органы государственной безопасности и власть составляли единое целое. Это касалось и законодательства регулирующего деятельность оперативных служб. Анализ законодательства и ведомственных нормативных актов, регулирующих опера-

---

[208] Зенькович Н.Н. «Новости из Кремля, сэр». М. «Олма-Пресс». 2001. С. 519.
[209] Газета «Известия». 04.12.1993. С. 7.

тивно-розыскную деятельность с 1917 года по настоящее время, показывает, что очень часто разработчики не исследовали исторический опыт. В подобных случаях неизбежны были ситуации, когда хорошо зарекомендовавшие себя ранее в теории и практике силы, средства, методы и другие институты оперативно-розыскной деятельности просто забывались[210].

А приемы и методы оперативно-розыскной деятельности были разнообразными, что касается перехвата и перлюстрации писем, то завладеть чужой корреспонденцией можно было:

– у отправителя (кража посредством контактеров или профессионалов, грубое разбойное нападение, изымание почты из ящика при оперативном визуальном наблюдении за объектом, разнотипные изъятия в почтовом отделении…);

– в пути (перехват либо подкуп курьера, силовой захват или угон почтовой машины…);

– у получателя (в местном отделении связи, путем подкупа почтальона, из почтового ящика, в ходе его постоянного просматривания, в доме у адресата, через его контактера).

При скрытом извлечении информации из обычных запечатанных писем применялись такие приемы как:

– мощное просвечивание и фотографирование письма без вскрытия конверта (чтобы читать полученные таким образом копии нужен некоторый навык, ибо строки выявляются частично перевернутыми и наложенными друг на друга);

– временное (секунд на 30) опрозрачивание конверта при обрызгивании его специальным спреем (РК 705, 1А-4…);

– грубое вскрытие с последующей заменой поврежденного конверта и с фабрикацией имеющихся на оригинале печатей и надписей;

– ловкое вытягивание навернутого на костяную спицу письма через маленькую щель в углу конверта;

– осторожное вскрытие и предельно осмотрительное запечатывание послания.

Нежное вскрытие конвертов издавна осуществляли с помощью изящных костяных инструментов и обычного водяного пара. Для этого на плоскую подогреваемую снизу поверхность клали увлажненную промокательную бумагу, выделяющую при последующем нагреве размягчающий клей пар. Поверх всего этого клали вскрываемое письмо.

Существовал и параллельный вариант, увлажненные полоски промокательной бумаги или поролона возлагались только на заклеенные по-

---

[210] Елинский В.И. «История уголовного сыска в России (X – начало XX в.в.)» (Учебное пособие). М. «Инфра-М». 2004. С. 3.

верхности, а для создания пара прибегали к помощи обычного утюга или к струе пара исходящей из носика кипящего чайника.

Если, подозревается, что отправитель использовал невидимые чернила, извлеченное послание тщательно размещают между двумя подвергшимися обработке горячим паром листками бумаги, и водворяют данный «бутерброд» под пресс с тем, чтобы часть задействованной «химии» перенеслась на копии-подложки, с которыми можно было работать для выявления тайнописи. Оригинал при этом внешне не менялся.

Сняв информацию и скопировав письмо, конверт тщательно запечатывался, при помощи мягких ватных тампонов и прозрачного (но не силикатного!) клея[211].

Статья 6 «Оперативно-розыскные мероприятия, главы II «Проведение оперативно-розыскных мероприятий» ФЗ РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ с дополнениями и изменениями допускает проведение следующих оперативно-розыскных мероприятий: 1) опрос; 2) наведение справок; 3) сбор образцов для сравнительного исследования; 4) проверочная закупка; 5) исследование предметов и документов; 6) наблюдение; 7) отождествление личности; 8) обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности, транспортных средств; 9) контроль почтовых отправлений; 10) прослушивание телефонных переговоров; 11) снятие информации с технических каналов связи; 12) оперативное внедрение; 13) контролируемая поставка; 14) оперативный эксперимент[212].

Весь комплекс перечисленных оперативно-розыскных мероприятий дает основание говорить о существующей технологии добывания информации.

Вместе с тем, надо помнить, что добываемая таким путем информация еще не дает целостной и объективной картины, поскольку составляет не более 5-10% от обычного объема.

Французский исследователь методов современного промышленного шпионажа Морис Денюзер отмечал, что современная научная, промышленная и экономическая информация большей частью легко доступна. По оценкам специалистов 95% информации можно получить путем обработки специализированных журналов, научных трудов, отчетов, проектов и брошюр, имеющих вполне легальный характер.

Легальное добывание информации состоит в изучении и обработке разнообразных источников. Это публикации в средствах массовой инфор-

---

[211] Ронин Р. «Своя разведка» (Практическое пособие). Минск. «Харвест». 1998. С.С. 25-26.

[212] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». 6-е изд. доп. и перераб. М. 2004. С. 59.

мации, публикации в научных и популярных журналах; публикации в печатных трудах ВУЗов и научно-производственных организаций, правительственные (официальные) издания; учебные пособия и т.п.

Большинство специалистов аналитиков, считают, что в условиях современного мира до 90% информации, спецслужбы получают из открытых источников, путем скрупулезного анализа.

Таким образом, почтовый контроль (перлюстрация корреспонденции) это не панацея, а лишь небольшой эпизод в оперативно-розыскной деятельности. Хотя, необходимо подчеркнуть, что в условиях авторитарного режима, в посткоммунистическую эпоху он вероятнее всего носил тоталитарный характер.

Стремление избежать перлюстрации корреспонденции приводило к созданию различных хитроумных способов защиты письма от вскрытия. В качестве примера можно привести запечатывание писем дипломатической почты в первой половине XX века. В практике потовой переписки использовались зеленые конверты из специального картона размером 41x26 сантиметров. На лицевой стороне обозначались печатным шрифтом отправитель и получатель. Картон, из которого был сделан конверт был специальным, особенности сгибов и структура материала делали невозможным тайное вскрытие такого конверта без повреждений. Кроме того, на обратной стороне и на закрывающемся клапане имелись два небольших отверстия в бумажном слое. При запечатывании конверта эти отверстия закрывались, а через картон пропускался специальный шнур, который образовывал сложную геометрическую фигуру и завязывался особенным узлом. Узел заливался сургучом, а на сургуч ставилась печать. Получатель такого конверта сначала искал внешние признаки вскрытия, затем отделял клапан и через отверстие проверял шнурованную маркировку. Поэтому, практически вскрыть такой пакет, не оставив при этом следов было невозможно. Его можно было только заменить, при наличии точно таких же конвертов, специального шнура и печати[213].

К таким своеобразным способам защиты прибегала дипломатическая почта. Что касается повседневной переписки, то органы государственной безопасности, осуществлявшие перлюстрацию корреспонденции с такими трудностями не сталкивались. В 1950-х годах XX века, вскрытие корреспонденции осуществлялось следующим способом. «Для вскрытия писем ...применялась специальная посуда, отлитая из нержавеющей стали. Эту посуду делали не на обычном предприятии (кому же можно было доверить такое дело!), а в специальных мастерских МГБ. В распоряжении

---

[213] Землянов В.М. «Своя контрразведка» (Практическое пособие). Минск. «Харвест». 2002. С. 247.

работников П.К. находились стальные герметически закрытые чаны, имеющие сверху отверстие для наполнения водой. Кроме того, в них были и специальные отверстия, через которые проходил пар. Письма клались не на металл, а на специальную марлевую подкладку. Когда вода нагревалась, и пар через отверстия поднимался вверх, конверты, предназначенные для вскрытия, оказывались на этом пару. Вскрытие производилось специально предназначенной для вскрытия костяной палочкой, с ее помощью не составляло никакого труда раскрыть клапан такого разогретого на пару конверта. Обычно слой почтового клея был очень тонок, и работа с конвертами, купленными в магазинах и книжных киосках, не представляла трудностей. Но иногда (вспоминает сотрудник П.К. – А.С.) приходилось сталкиваться с самодельными конвертами, заклеенными «домашним» клеем. Этот клей не поддавался воздействию пара, и поэтому их было чрезвычайно трудно вскрыть, не повредив при этом. Однако в П.К. были заранее предусмотрены и эти ситуации. Подобного рода конверты передавались оперуполномоченному, который был особым специалистом по сложным техническим ситуациям и имел целый набор специальных технических приспособлений. А если не помогали и они и после вскрытия оставались следы, то такие письма просто конфисковывались. Действовал молчаливый принцип: пусть лучше письмо пропадет, чем минует контроль МГБ или, того хуже – на письме останутся следы вмешательства цензуры»[214]. Более четкое представление о технической стороне дела дает чертеж секретного устройства для вскрытия «документов» (писем) на странице ___.

Вообще специлаборатории и мастерские МГБ СССР могли практически выполнить задание любой технической сложности. Здесь, в свое время, были собраны талантливые ученые и инженеры, нередко из числа бывших заключенных. Имена многих из них: Туполев, Келдыш, Королев, Рамзин и др. широко известны в стране. Литературный вариант жизни и деятельности сотрудников таких закрытых миру спецлабораторий представил лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын в романе «В круге первом».

Естественно, что эти научно-технические подразделения имели и различный «вес» в зависимости от выполнения задач, которые стояли перед ними. Существовали особые технические бюро и даже целые институты, в которых использовался труд осужденных специалистов в целях создания и внедрения новых образцов вооружения, военной и специальной техники.

---

[214] Авзегер Л. «Я вскрывал ваши письма…». М– Нью-Йорк. Альманах «Время и мы». 1980. №№ 55-56.
С. 251.

Особые технические бюро существовали в системе ОГПУ-НКВД-МВД СССР под различными названиями: ЦКБ, ОКТБ (1928-1934 г.г.); ЦКБ, ОТБ, ОКБ (1938-1953 г.г.). С июля 1941 по март 1953 деятельность ОТБ протекала в составе 4-го Спецотдела НКВД-МВД СССР. Приказом МВД СССР № 0046 от 30 марта 1953 года деятельность ОТБ была прекращена, 4-й Спецотдел расформирован[215].

В 1939 г. было сформировано ЦКБ-29 из осужденных авиаконструкторов, в котором работали А.Н. Туполев, В.М. Петляков, В.М. Мясищев, Д.Л. Томашевич, Р.Л. Бартини, С.П. Королев. Ими были спроектированы, построены и запущены в серийное производство бомбардировщики Пе-2, Ту-2, истребитель «110», штурмовик «Пегас».

Ряд осужденных и вольнонаемных специалистов ОТБ были удостоены высоких наград. За выдающиеся заслуги в деле создания новых образцов военной и специальной техники А.Н. Туполеву, В.М. Петлякову, А.Д. Чаромскому, А.С. Бакаеву были присуждены Государственные премии, и они были освобождены со снятием судимости. Награждены орденами и освобождены со снятием судимости были также: С.П. Королев, В.П. Глушко, Е.П. Иконников, С.И. Лодкин, М.Ю. Цирульников, П.Г. Гойнкис и многие другие[216].

Разработка спецтехники шла полным ходом и в послевоенное время. Примером может служить разработка аппаратуры автоматического засекречивания телефонных переговоров гарантированной стойкости на базу Марфинской лаборатории МГБ СССР в 1950-е годы.

Перед секретной лабораторией была поставлена задача «...разработка шифратора, работающего на скоростях во многие десятки раз больше скорости телеграфного шифратора..., а также криптографический анализ и обеспечение стойкости высокоскоростного шифратора...». В кратчайшие сроки были оборудованы технические помещения, подразделения насыщены самой современной (на тот период – А.С.) аппаратурой. Для заключенных-специалистов был установлен 14-часовой рабочий день, и зачастую без выходных. Для решения поставленных задач здесь были собраны лучшие силы. К концу 1948 года в Марфинской лаборатории работало 480 человек, в том числе и 280 заключенных. В проекте участвовали четыре лауреата Сталинской премии военных лет – Д.П. Горелов, В.С. Салтыков, А.П. Петерсон и многие другие[217].

[215] «Исторические чтения на Лубянке». ФСБ РФ. 2000. М-Великий Новгород. 2001. С. 127.
[216] Там же. С.С. 130, 132.
[217] Астрахан В.И. «Два свидетеля – два взгляда» (О работе Марфинской лаборатории МГБ СССР на рубеже 1940-х – 1950-х г.г.). В сб-ке: «Исторические чтения на Лубянке». ФСБ РФ. 2002. М. 2003. С.С. 44-45.

Поставленные задачи были решены к началу 1952 года, опытные образцы аппаратуры М-803 были приняты к испытаниям на реальных линиях ВЧ-связи.

К сожалению, в открытой печати, нет информации о совершенствовании специальной техники в работе по перлюстрации корреспонденции, хотя по аналогии можно сделать вывод, что такая работа тоже велась в специальных лабораториях МГБ СССР. Возможно, что часть такой техники приобреталась за рубежом. По крайней мере, в наши дни такая спецтехника частично приобретается за рубежом. Об этом свидетельствует Постановление правительства Российской Федерации № 1292 «Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию»[218].

В пункте 5 Приложения, указанного постановления в «Списке видов специальных технических средств...» говорится о «специальных технических средствах для негласного контроля почтовых сообщений и отправлений (код ТН ВЭД СНГ из 90 22 19 000).

Названное постановление правительства, на наш взгляд, представляет правовую коллизию!

Дело в том, что в п. 1 (абзац второй) «Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации»[и] прямо и недвусмысленно говорится: «на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, определенные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности, настоящее Положение не распространяется». Эти органы, а их 9, перечислены в ст.13, главы III Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с дополнениями и изменениями). Следовательно, речь идет о частных охранных предприятиях (ЧОП), негосударственных органах осуществляющих частную детективную деятельность, занимающихся негласным сбором информации.

Использование технических средств для негласного контроля почтовых сообщений и отправлений приходит в противоречие со ст. 23 пункт 2 Конституции РФ обеспечивающей право на тайну переписки, и поэтому является коллизией в действующем законодательстве.

---

[218] Собрание законодательства Российской Федерации. № 12. 20 марта 2000. (Официальное издание).

[и] Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2000 г. № 214.

Возвращаясь к технической стороне вопроса перлюстрации корреспонденции необходимо отметить значительно возросший уровень науки и техники, что дает возможность предположить использование при перлюстрации корреспонденции в оперативных целях совершенно новых мультимедийных технологий: многослойных сканеров, цифровой аппаратуры с высокой разрешающей способностью и т.п.

Безусловно, что вся эта специальная аппаратура носит совершенно секретный характер.

Но в данный момент, нас привлекает не столько техническая часть этой деятельности, сколько правовая, и уроки истории нормативного регулирования оперативно-розыскной деятельности.

В силу засекреченности деятельности спецслужб нормативное регулирование ОРД практически не являлось предметом научных обсуждений в открытой печати и лишь в последнее время появились публикации, посвященные этому важному вопросу[219].

Известный исследователь, профессор Академии ФСБ РФ Шумилов А.Ю. выделяет в истории России три базовых периода правового регулирования оперативно-розыскной деятельности: 1) правовая регламентация сыскной работы в Российской империи (XVIII – начало XX века), 2) правовое регулирование ОРД в советский период (середина 1918 – август 1991 года), 3) правовое регулирование ОРД в современный период (с марта 1992 г. по настоящее время)[220].

Причем, по мнению вышеназванного автора, «за более чем семьдесят лет советской власти в нормативном регулировании негласной оперативной работы тоже можно выделить несколько самостоятельных этапов». Первый этап (середина 1918-1930 г.г.) – это период возникновения и становления правового регулирования ОРД. Субъектами ОРД являлись органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ, оперативно-розыскные подразделения рабоче-крестьянской милиции и уголовный розыск.

Для нормативных актов этого периода, характерен подход с классовых позиций и, во-вторых, широкое использование «царского» опыта. Вспомним, хотя бы поддержку и одобрение В.И. Ленина, известному дореволюционному перлюстратору писем И.Зыбину. Третья особенность этого периода в том, что большинство подзаконных инструкций регулирующих эту деятельность уже носит секретный характер. В открытом законодательстве лишь статья 93 УПК РСФСР 1923 года упоминает об одном из частных случаев принятия опера-

---

[219] См., например, журнал «Государство и право» 2005. № 3; Атмажитов В.М., Бобров В.Г. «Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики».

[220] «Уроки нормативного регулирования оперативно-розыскной деятельности отечественных спецслужб». В сб-ке: «Исторические чтения на Лубянке». ФСБ РФ. 1997. М-Великий Новгород. 1997. С.С. 61-62.

тивно-розыскных мер – о негласной проверке анонимных заявлений. И четвертая особенность, за оперативно-розыскной деятельностью (однако не за всей) был установлен надзор органов прокуратуры.

Второй этап, по мнению проф. Шумилова А.И. (1931-1952 г.г.) – период реакции и ее господства в правовом обеспечении ОРД. Точкой отчета выбрана дата принятия Инструкции по учету и агентурной разработке антисоветских и контрреволюционных элементов по линии Секретно-политического отдела, утвержденная приказом ОГПУ № 928/175 в июле 1931 года. Правовое регулирование ОРД строго проводилось в соответствии с карательной политикой партии. Произошла окончательная трансформация и закрепление в секретных инструкциях не правовых положений (прежде всего – о политическом преследовании и проведении «актов возмездия»). На практике фактически игнорировались «устаревшие» положения нормативных актов о прокурорском надзоре за негласной работой.

Третий этап (1953 – середина 1970-х годов), происходит постепенный отказ от порочной практики закрепления произвола в нормативных актах, регламентирующих ОРД. Органы госбезопасности были в очередной раз отделены от органов внутренних дел, в сентябре 1953 года произошла ликвидация Особого совещания при МВД СССР. Субъектами, осуществлявшими ОРД, являлись МГБ-КГБ при СМ СССР и МООП МВД СССР, соответственно формировались две различные нормативно-правовые ведомственные платформы, предназначенные регулировать единую по сути оперативно-розыскную деятельность.

Четвертый этап, по мнению того же исследователя, (середина 1970-х годов – август 1991 года) – это период стабилизации правового регулирования оперативно-розыскной деятельности и, одновременно, время подготовки «революционных» изменений ее правовой регламентации. Точкой его отсчета можно считать, достаточно условно, отрезок времени между принятием в МВД СССР Наставления по агентурной работе милиции (1974 г.) и в КГБ – Инструкции «Об оперативном учете в органах государственной безопасности» (1977).

Современный (или постсоветский) период правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в России можно назвать наиболее значительным. От правового регулирования негласной работы в основном на подзаконном уровне сделан резкий скачок на уровень законодательной регламентации. Началом является дата принятия Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» от 13 марта 1992 года, открыто регулировавшего тайную работу правоохранительных органов и спецслужб России[221].

---

[221] «Уроки нормативного регулирования оперативно-розыскной деятельности отечественных спецслужб». В сб-ке: «Исторические чтения на Лубянке». ФСБ РФ. 1997. М-Великий Новгород. 1997. С.С. 65-67.

Следующий закон об оперативно-розыскной деятельности был принят 12 августа 1995 года, который к настоящему времени тоже имеет много изменений и дополнений. «Легализация» законодательства об ОРД явилась импульсом для проведения научных, и, прежде всего, юридических исследований в этой области.

Возвращаясь к такому направлению ОРД, как перлюстрация корреспонденции необходимо отметить, что многие вопросы оперативно-розыскной деятельности, на наш взгляд, остаются неизученными и требуют дальнейшей научной проработки и осмысления. Порой отсутствие четких логически обоснованных формулировок в законе дает возможность двоякого толкования нормы права, вызывает теоретические споры специалистов. Все это требует совершенствования нормативно-правового регулирования в этой сфере.

Необходимо уточнить перечень оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий. В юридической печати отмечалось, что не все ясно и с условиями проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений и т.д. в случаях, «которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого преступления». Вопрос об условиях проведения ОРМ весьма деликатный с этической точки зрения требует законодательной проработки. Во-первых, из нормы (ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144, ч. 3, статья 8) следует, что ее применение возможно лишь в тех случаях, когда преступное деяние еще не произошло, а только может совершиться. Допустимо ли и правомерно ли проведение таких мероприятий (без предварительного получения соответствующего решения суда)... Во-вторых, правомерны ли уже проведенные оперативно-розыскные мероприятия, если дальнейшее их осуществление судом санкционировано не будет?

Возможно ли использование результатов таких мероприятий в процессе расследования по уголовному делу, а самое главное будут ли они иметь доказательственное значение[222]?

Исходя из этого, можно констатировать, что граница между превентивными оперативно-розыскными мероприятиями и политическим сыском достаточно хрупкая и эти вопросы требуют тщательной юридической проработки.

Ныне действующий уголовный кодекс РФ в статье 138 предусматривает уголовную ответственность за «нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», так как согласно ст. 23 Конституции Российской Федерации, ограничение пра-

---

[222] Журнал «Государство и право». 2005. № 3. С. 30.

ва на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения.

Подобная уголовная ответственность существовала и в советском законодательстве, в частности в ст. 135 УК РСФСР 1960 г. тоже говорилось о нарушении тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, подобная уголовная ответственность, как мы уже отмечали выше была и в дореволюционном законодательстве России.

Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, с объективной стороны состава преступления заключается в ознакомлении с их содержанием без согласия лица, которому эта информация принадлежит, а также отсутствии для такого ознакомления законных оснований.

Для квалификации действий конкретного лица, нарушающего тайну переписки и иных сообщений граждан, обязательным требованием является незаконность ознакомления с информацией, содержащейся в корреспонденции...[223]

Вопрос о нарушении тайны переписки, как мы убедились выше, является достаточно спорным в правовой науке.

Имеются и различные позиции по поводу способов совершения данного преступления. Ряд авторов считают, что объективная сторона преступления (ч. 1 ст. 138 УК РФ) выражается: а) в ознакомлении с почтово-телеграфной или радиокорреспонденцией или иными сообщениями граждан без их согласия; б) в прослушивании телефонных переговоров; в) в разглашении содержания такой корреспонденции... т.е. выделяются три способа – ознакомление, прослушивание, разглашение. Такой позиции придерживаются А.В. Наумов, А.В. Беляев и ряд других авторов (см. Журавлев М.П. Никулин С.И. «Российское уголовное право». Особенная часть. С. 104).

Другие авторы не указывают в качестве способа нарушения тайны переписки и иных сообщений разглашение содержания корреспонденции, переговоров (см. Козаченко И.Я., Незнамова З.А. Новоселов Г.П. «Уголовное право». Особенная часть. С. 153).

Таким образом, позиции авторов в уголовно-правовой науке достаточно спорные. Вместе с тем, от понимания способов совершения данного вида преступлений зависит правильное понимание того, в чем конкретно может выражаться нарушение тайны.

По мнению Мазурова В.А.: «Нарушение тайны переписки заключается в ознакомлении с информацией, зафиксированной в письменной фор-

---

[223] Мазуров В.А. «Тайна государственная, коммерческая, банковская, частной жизни» (Уголовно-правовая защита). Учебное пособие. М. 2003. С. 90.

ме, лицом, которому доверена передача письменного сообщения отправителем, без согласия последнего. Преступление считается оконченным с момента ознакомления»[224].

Обращает на себя внимание тот факт, что данная формулировка, в редакции автора обращена, прежде всего, на лиц которым доверена передача письменного сообщения отправителем, т.е. сотрудников почтово-телеграфной службы, тем самым исключаются работники спецслужб, которые тоже могут злоупотреблять своим служебным положением.

Справедливости ради, надо отметить, что объективная сторона в ч. 2 ст. 138 УК РФ характеризуется теми же незаконными действиями, что в ч. 1 ст. 138 УК РФ. Отличие данной части заключается в том, что действия совершаются лицом с использованием своего служебного положения или специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, т.е. по субъекту и способу совершения преступления. Эти средства определены уже в упоминавшемся выше ФЗ от 5 июля 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также Перечне видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 1 июля 1996 г.[225]

Указанные в Перечне технические средства, как правило, незаметны для окружающих, обладают компактностью, изготовлены в соответствии с новыми технологиями на секретных предприятиях, имеющих для их изготовления специальную лицензию.

Вопрос о том, что такое специальное техническое средство и возможно ли его признать таковым, когда оно используется совместно с распространенными бытовыми приборами, тоже является дискуссионным в уголовно-правовой науке.

Даже краткий экскурс в современное уголовно-правовое законодательство показывает, что вопросов, связанных с такой деликатной темой как перлюстрация корреспонденции больше, чем ответов. В значительной мере это связано с ограничением доступа к этой информации. Большинство подведомственных нормативных актов, регулирующих эту сферу деятельности оперативно-розыскных мероприятий носит совершенно секретный характер и не подлежит публичному оглашению. Примером может служить Указ Президента Российской Федерации № 891 от 1 сентября 1995 года «Об упорядочении организации и проведения оперативно-

---

[224] Мазуров В.А. «Тайна государственная, коммерческая, банковская, частной жизни» (Уголовно-правовая защита). Учебное пособие. М. 2003. С. 92.
[225] СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

розыскных мероприятий с использованием технических средств», где в п. 1 было установлено, что: «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений (подчеркнуто – А.С.) в интересах органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, возлагается на органы федеральной службы безопасности» имевший гриф «Для служебного пользования».

И лишь, через четыре года, в мае 1999 года, в соответствии с поручением Президента РФ, пометка «ДСП» была снята[226].

Что же понимается под **контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений** в современном, действующем законодательстве?

По формулировке законодателя контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений включает в себя (по мнению авторов учебника «Оперативно-розыскная деятельность». М. «Инфра-М». 2004. С. 346) две составляющие: действия по контролю и предмет такого контроля. В обобщенном смысле контроль предполагает **перлюстрацию корреспонденции** и отслеживание ее перемещения.

Законом установлено, что осмотр и вскрытие почтовых отправлений, осмотр их вложений, а также иные ограничения конституционных прав граждан, нарушающие тайну связи допускаются только на основании судебного решения.

В Федеральном Законе от 7 июля 2003 г. «О связи» в статье 63 «Тайна связи» устанавливается: **«На территории Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи… Операторы связи обязаны обеспечить соблюдение тайны связи. Осмотр почтовых отправлений лицами, не являющимися уполномоченными работниками оператора связи, вскрытие почтовых оправлений, осмотр вложений, ознакомление с информацией и документальной корреспонденцией, передаваемой по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, осуществляется только на основании решения суда, за исключением случаев, установленных федеральными законами»**[227].

Рассматриваемое оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ) должно проводиться лицами оперативно-розыскных органов МВД, ФСБ или специализированными подразделениями этих органов. Вскрытие и контроль почтовых отправлений (перлюстрация корреспонденции) осуществляется должностными лицами ОРО.

В случае обнаружения в почтовых отправлениях предметов и веществ, запрещенных к пересылке, организации федеральной почтовой свя-

---

[226] Собрание законодательства РФ. № 24, № 2954. 14 июня 1999. С.С. 53-40.
[227] Собрание законодательства РФ. № 24, № 2954. 14 июня 1999. С.С. 53-40.

зи вне зависимости от проведения ОРМ имеют право задерживать такие почтовые отправления[228].

Пункт 53 «Правил оказания услуг почтовой связи» дает исчерпывающий перечень предметов запрещенных к пересылке, к ним относятся: а) огнестрельное, сигнальное, пневматическое, газовое оружие, боеприпасы, холодное оружие (включая метательное), электрошоковые устройства и искровые разрядники, а также основные части огнестрельного оружия; б) наркотические средства, психотропные, сильнодействующие, радиоактивные, взрывчатые, ядовитые, едкие, легковоспламеняющиеся и другие опасные вещества; в) ядовитые животные и растения; г) денежные знаки Российской Федерации и иностранную валюту (за исключением пересылаемых Центральным банком Российской Федерации и его учреждениями); д) скоропортящиеся продукты питания; е) предметы и вещества, которые по своему характеру или из-за упаковки могут представлять опасность для почтовых работников, загрязнять или портить (повреждать) другие почтовые отправления и почтовое оборудование[229].

В случае обнаружения указанных предметов и веществ уведомляются сотрудники МВД или ФСБ, которые в присутствии руководителя организации федеральной почтовой связи или его заместителя производят изъятие запрещенных предметов с составлением акта, один экземпляр которого может направляться отправителю, если в это время по факту не проводятся оперативно-розыскные мероприятия. Примером, может служить следующий факт, имевший место на Урале.

11 августа 2004 г. в Екатеринбурге в Свердловском областном суде было проведено рассмотрение уголовного дела по обвинению жителя Екатеринбурга Алексея К. по ст. 205 ч. 1 УК РФ – угроза терроризма. Подсудимый обвиняется в том, что в 2002 году он запугивал работников иностранных екатеринбургских посольств, направляя туда конверты с белым порошком. При этом он утверждал, что в посылках находятся споры сибирской язвы.

Расследование действий подсудимого вело управление ФСБ по Свердловской области, в суд дело было передано 8 июля. По версии следствия, Алексей К. рассылал письма в Генеральное консульство США в Екатеринбурге, посольства Канады в Финляндии, Португалии, Германии и Бельгии. В них содержались угрозы в адрес сотрудников посольств США в

---

[228] «Оперативно-розыскная деятельность». Учебник, изд. 2-е дополн., под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. М. «Инфра-М». 2004. С. 347.

[229] Постановление Правительства РФ от 26 сентября 2000 г. № 725 (в кн. Комментарий к Таможенному кодексу Российской Федерации (постатейный, новая редакция). М. «Кнорус». 2003. С. 372.

Москве и консульства США в Екатеринбурге, а также граждан Канады в России или в любой из стран СНГ.

В ходе следствия выяснилось, что Алексей К. обиделся на некую гражданку Канады Леру Коган. Он общался с этой дамой по Интернету и договорился о бракосочетании для того, чтобы стать подданным Канады. За это он пообещал ей выслать $3 000. И свое обещание выполнил. Но тотчас же после этого Интернет-общение с будущей супругой прекратилось. Поняв, что виртуальная пассия его обманула, Алексей начал требовать от посольства Канады помощи в розыске мошенницы и возвращении денег. А для пущей оперативности, в случае отказа посольства, пообещал заразить дипломатов пяти стран спорами сибирской язвы.

Сотрудники посольств, получив конверты с белым порошком, обратились в ФСБ, которая, вскоре и выявила источник угроз. В ходе следствия было установлено, что действия обманутого «жениха» можно расценивать как угрозу совершения действий, создающих опасность жизни людей или причинения значительного имущественного ущерба. Что вполне подходит под квалификацию части 1 статьи 205 УК РФ («терроризм»). По этой статье подсудимый может быть осужден на срок от 5 до 10 лет[230].

Особое место в почтовом контроле занимает переписка осужденных. Законодатель допускает здесь ограничение конституционных прав, вводя понятие цензуры. Об этом, в частности, говорит ст. 91 действующего Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, которая гласит: «получаемая и отправляемая осужденными корреспонденция подвергается цензуре со стороны администрации исправительного учреждения. Переписка осужденного с судом, прокуратурой, вышестоящим органом уголовно-исполнительной системы, а также с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации, общественной наблюдательной комиссией, созданной в соответствии с законодательством Российской Федерации, Европейским Судом по правам человека цензуре не подлежит. Не подлежит цензуре и переписка осужденного с защитником, за исключением ряда случаев[231].

Посылки, передачи и бандероли тоже подвергаются досмотру (УИК, п. 4, ст. 90). Законом допускается и контроль за телефонными разговорами осужденных со стороны персонала исправительного учреждения (ст. 92 в ред. ФЗ от 08.12.2003. № 161-ФЗ).

---

[230] Газета «Город Е». 13 августа 2004. № 30/30.

[231] См. «Уголовно-исполнительный кодекс» в ред. ФЗ от 04.11.2004. № 129-ФЗ. Ст. 91.

Вместе с тем, необходимо отметить, что цензура корреспонденции осужденных не образует оперативно-розыскное мероприятие, а является мерой административного контроля за их перепиской[232].

Как уже отмечалось выше, с 1995 года контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений был возложен на органы ФСБ РФ. Это нашло отражение в Федеральном законе от 5 января 1999 г. № 6-ФЗ, в частности п. 9 статьи 6, где предусмотрены оперативно-розыскные мероприятия.

Анализ этой статьи показывает, что позднее, в 1999 году, список органов осуществлявших такой контроль был значительно расширен, и помимо ФСБ РФ этими функциями были наделены: «...органы внутренних дел, органы по контролю за оборотом наркотических и психотропных веществ в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность»[233].

Вместе с тем, в ряде положений закона об оперативно-розыскной деятельности имеются противоречивые суждения. Например, пункт 3 ст. 9, согласно предписаний «по требованию судьи ему могут представляться иные материалы, касающиеся оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий». Следовательно, с одной стороны, судья вправе запросить дополнительные оперативно-служебные документы, необходимые для принятия решения, а с другой – прямой обязанности представить такого рода документы законодатель не возложил на оперативно-розыскной орган, т.е. (он может их представить, а может и не представить). Вполне определенно здесь только одно, что записано в ч. 2 п. 3, ст. 9: «за исключением данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и о тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий». Другими словами, с учетом требования принципа конспирации материалы «исключительного содержания судье не представляются ни при каких обстоятельствах»[234].

Представляется, что это является коллизией в законодательстве и свидетельствует о наличии пробела в законе об оперативно-розыскной деятельности.

---

[232] «Оперативно-розыскная деятельность». Учебник, изд. 2-е дополн. М. «Инфра-М». 2004. С. 348.

[233] См. ФЗ от 30 декабря 1999 г. № 225-ФЗ и ФЗ от 30 июня 2003 г. № 86-ФЗ.

[234] Комментарии к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» с постатейным приложением норм. пр. актов и документов. 6-е изд. М. 2004. С. 134.

Не разработанным, на наш взгляд, является и вопрос о применении специальной техники, используемой при перлюстрации корреспонденции. В утвержденном правительством РФ от 1 июля 1996 г. № 770 Перечне видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, в пункте 5 указывается о «специальных технических средствах для негласного контроля почтовых сообщений и отправлений».

Что представляют из себя эти новые технические средства, основанные на использовании новейших технологий? Не являются ли они опасными при применении для здоровья человека? На этот вопрос нет ответа, поскольку ни суд, ни прокуратура не имеют права контролировать применение этих средств.

Что касается суда, об этом уже говорилось выше, но оказывается и прокуратура выведена из зоны контроля за применением этих технических средств.

Такой вывод можно сделать из анализа статьи 24 «Прокурорский надзор» Федерального закона «О федеральной службе безопасности» от 22 февраля 1995 года с дополнениями и изменениями[235], где говорится, что «Надзор за исполнением органами федеральной службы безопасности законов Российской Федерации осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и уполномоченные им прокуроры.

Сведения о лицах, оказывающих или оказывавших органам федеральной службы безопасности содействие на конфиденциальной основе, а также об организации, о тактике, методах и средствах осуществления деятельности органов федеральной службы безопасности в предмет прокурорского надзора не входят.

Таким образом, здоровье людей соприкасаемых с этой специальной техникой остается вне защиты со стороны государства, что в целом противоречит смыслу Конституции РФ.

В юридической литературе уже отмечалось, что не все ясно с условиями проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений, в случаях, «которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого преступления». Отмечается, что рассматриваемая норма Закона об ОРД (ч. 3 ст. 8) вызывает ряд вопросов. Например, из нормы следует, что ее применение возможно

---

[235] В ред. Федеральных законов от 30.12.1999 № 226-ФЗ, от 07.11.200 № 135-ФЗ, от 07.05.2002 № 49-ФЗ, от 25.07.2002 № 116-ФЗ, от 10.01.2003 № 4-ФЗ, от 30.06.2003 № 86-ФЗ, с изменениями внесенными Федеральным законом от 30.12.2001 № 194-ФЗ.

лишь в тех случаях, когда преступные деяния еще не произошли, а только могут совершиться. Допустимо ли и правомерно ли проведение таких мероприятий (без предварительного получения соответствующего решения суда), если тяжкое преступление уже совершено, и его раскрытие без их осуществления невозможно или затруднительно?

Во-вторых, правомерны ли уже проведенные оперативно-розыскные мероприятия, если дальнейшее их осуществление судом санкционировано не будет? Возможно ли использование результатов таких мероприятий в процессе расследования по уголовному делу? Будут ли они иметь доказательственное значение[236]?

Здесь обозначен лишь небольшой круг проблемных вопросов, связанных с оперативно-розыскными мероприятиями, на самом деле он достаточно широк, но это уже сфера научных исследований специалистов-юристов в области уголовного права и уголовного процесса.

Необходимо лишь отметить, что определенные затруднения на историческом пути исследования проблемы является засекреченность материала.

Сложность регулирования отношений по оперативно-розыскной деятельности (даже в историческом аспекте) прежде всего, связана, с тем, что они соприкасаются с понятием государственная тайна. Дуализм проблемы в том, что в открытом законодательстве проблема кажется неразрешимой, хотя с другой стороны в секретных, ведомственных инструкциях и подзаконных актах ее уже давно нет.

Стереотипы двойной морали и двойной нравственности, выработанные советским обществом по инерции продолжают оказывать давление и в наши дни.

И хотя, понятие государственная тайна в соответствии с действующим законодательством тоже имеет свои сроки давности и «не должна превышать 30 лет»[237], процесс рассекречивания архивных документов идет достаточно медленно, а это в свою очередь заставляет прибегать исследователей порой к сомнительным зарубежным источникам, что отдаляет от главной цели – установление исторической истины.

---

[236] Атмажитов В.Н., Бобров В.Г. «Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики». Журнал «Государство и право». 2005. № 3. С.С. 29-30.

[237] Статья 13 «Порядок рассекречивания сведений Федерального закона «О государственной тайне» (в ред. ФЗ от 6.10.1997 г. № 131-ФЗ, от 30.06.2003 г. № 86-ФЗ, от 11.11.2003 г. № 153-ФЗ).

Заключение

Политическая стабильность в любом тоталитарном государстве всегда определялась эффективностью деятельности спецслужб. Главным инструментом в работе которых являлся политический сыск. Одной из его важнейших целей являлось изучение настроений и мнений различных слоев населения общества, от высших эшелонов власти до рядовых обывателей. Арсенал средств политического сыска достаточно широк: от агентурной работы, до применения специальных технических средств позволяющих проникнуть в личную жизнь граждан. В данной работе, в историческом плане, рассмотрено, лишь только одно из направлений в работе спецслужб России и СССР – перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура.

Автор пытался не только констатировать факты такой деятельности, но и дать им правовую оценку. Поскольку от правового регулирования деятельности спецслужб, от того насколько четко определены задачи соответствующими органами власти и управления зависело успешное выполнение возложенных на них функций. Особенно наглядно это подтверждает история советского государства, когда накопление информации антисоветского содержания приводило в результате к уголовной ответственности конкретного фигуранта. Примером может служить диссидентское движение в СССР.

В докладе председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова для ЦК КПССС «О некоторых результатах превентивно-профилактической работы органов государственной безопасности», сделанному в октябре 1975 г., отмечается: «...что за период с 1967 по 1974 год по 70-й статье УК РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация) были осуждены 729 человек, а 69 984 человека получили предупреждение и отошли от антисоветской деятельности...»[238].

Нет сомнения, что доказательственная база по этим делам, была получена и в ходе тайного просмотра корреспонденции. Хотя легализовать материалы оперативно-розыскных мероприятий, как отмечается в правовой литературе, достаточно сложно. В литературе высказывались мнения и назывались конкретные факты о ликвидации антисоветских групп. За период с 1971 по 1974 г.г. благодаря профилактике было ликвидировано спецслужбами СССР – 1 839 таких групп, как только начинавшие формироваться[239].

---

[238] Материалы V международной конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра». М. 1996. С.С. 74-76.

[239] Макаревич Э. «Политический сыск». М., «Алгоритм». 2002. С. 15.

Анализ исследованных источников: архивных материалов, нормативно-правовой базы, рассекреченных инструкций, историко-правовой литературы, мемуаров по теме исследования убедил автора в том, что перлюстрации корреспонденции всегда, на всех этапах развития государства, уделялось большое внимание.

Особенно тотальный характер она приобретает в 1950-е годы прошлого столетия. Авторитарный режим руководителей советского государства держался на во всепроникающем контроле за умонастроением граждан СССР. Как свидетельствует бывший работник Управления МГБ по Читинской области, работавший в службе почтового контроля (П.К.) «...иногда дело доходило до того, что из 2 500 ежедневно проверяемых писем более половины конфисковывались. То есть более половины не доходило до адресата и становилось, таким образом, предметом политического сыска. Но я не помню случая, чтобы такая массовая конфискация писем вызывала хоть какую-то озабоченность начальства... По роду своей деятельности я не мог видеть всю технологию уничтожения людей (перлюстрированная корреспонденция поступала в оперативную разработку, на подозреваемого заводилось «наблюдательное дело» – А.С.), хотя свое начало она брала именно здесь, в отделении ПК, в этой пристройке (бункере) к станции Чита II»[240].

Если умножить количество писем проверяемых ПК на количество самих пунктов в СССР, то цифра будет достаточно впечатляющая, что в свою очередь свидетельствует о крупномасштабном возрождении политического сыска в условиях тоталитарного режима советского государства.

1. Как показало исследование, этимологическое значение понятий «перлюстрация корреспонденции» и «почтовая военная цензура» разное. Если второе понятие носит открытый, легальный характер, хотя сама деятельность окружена туманом служебной тайны, то первое понятие связано с совершенно секретной функцией государственного аппарата и составляет государственную тайну. Представляется, что можно выразиться так: «Почтовая военная цензура это легализованная форма перлюстрации в «особый» период, например в чрезвычайных условиях военного времени». Хотя и это определение в достаточной мере условно. Поскольку, как показал анализ архивных материалов органов государственной безопасности, почтовая военная цензура в СССР осуществлялась и в послевоенный период.

2. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура, ничего общего, кроме названия с почтовым ведомством не имеют. Это опе-

---

[240] Авзегер Л. «Я вскрывал ваши письма...(из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ)». М– Нью-Йорк, Альманах «Время и мы». 1980. С. 267.

ративно-профилактическая функция контрразведки в области политического сыска. Более того, и в царской России и в СССР устанавливалась уголовная ответственность почтовых работников за незаконное вскрытие почтовой корреспонденции, при этом всегда подчеркивалось, что эти действия являются не только нарушением международной почтовой конвенции, но и нарушением основных законов Российской империи, а в советский период Конституции СССР. Даже будучи уличенным в факте перлюстрации, государство никогда, ни в царской России, ни в СССР официально ее не признавало. В лучшем случае спецслужбы отказывались от каких-либо комментариев, а лица, разгласившие эту государственную тайну несли суровую уголовную ответственность.

3. Психология человека практически не подвержена течению времени. И триста лет назад, и в наше время люди с определенной опаской относились к «тайне личной переписки». «Проколы» спецслужб, становившиеся материалом печати и гласности, всегда сеяли недоверие к почтовой функции государства. И даже в советский период, наивные люди, свято верившие в Конституцию, с определенной долей скепсиса и недоверия относились к «тайне переписки, которая гарантировалась и охранялась законом». Не способствовали укреплению такой веры и опубликованные на Западе материалы перебежчиков, и откровения бывших работников КГБ, особенно в перестроечный период.

4. использование правил Государственного таможенного контроля, дающее право вскрывать почтовую корреспонденцию, в случае запрещенных почтовых вложений, например марок, семян или порошков... являлось еще одной уловкой государства, дающей возможность контрразведке оправдать свою деятельность по перлюстрации корреспонденции в случае «прокола», с целью избежания скандала и обвинения в нарушении Конституции.

5. В первые годы советской власти, как показывает анализ архивных источников и документов нормативно-правового характера, не было четкого разделения в понятиях «перлюстрация корреспонденции» и «почтовая военная цензура». Необходимо также отметить, что и в более поздних советских источниках, официальная власть старалась избегать одиозного слова «перлюстрация» или даже «вскрытие писем». Впрочем, и сами письма назывались на языке советских перлюстраторов «документы».

6. Исторический ракурс исследования дает возможность сравнить конституционные нормы по теме исследования. Нынешний состав норм Конституции РФ 1993 г. «тайны переписки» составлен разработчиками весьма своеобразно (ст. 23, п. 2). Если в ранее действующих Конституциях СССР И РСФСР прямо и недвусмысленно говорилось, что: «тайна переписки охраняется законом (ст. 128 Конституции СССР 1936 г., ст. 56 Кон-

ституции СССР 1977 г., ст. 54 Конституции РСФСР) и гарантируется государством» (выделено – А.С.), то ныне действующая Конституция РФ 1993 г. значительно ослабила императивность норм, сейчас мы лишь имеем право на «тайну переписки», впрочем, мы имеем такое же право «дышать атмосферным воздухом». Даже не юристу ясно, в чем различие между понятиями «гарантия» и «право». Снижение императивности нормы, превращает ее в фикцию, ни к чему не обязывающую государство.

Оперативно-техническая деятельность КГБ СССР фактически сводила на нет конституционную гарантию «тайны переписки». Статьи 128 Конституции СССР 1936 года, 56 Конституции СССР 1977 года, 54 Конституции РСФСР превращались в пустые юридические фикции[241], почему и так особо строго засекречивался этот вид деятельности советской контрразведки.

7. Постперестроечный период, создание в 1993 г. нового демократического государства – Российская Федерация, процесс переоценки ценностей, разрушение старых коммунистических стереотипов привели к частой, а порой и непродуманной реорганизации отечественных спецслужб. Ноябрь 1991 г. АФБ (Агентство федеральной безопасности), декабрь 1991 г. МБВД (Министерство безопасности и внутренних дел), январь 1992 г. МБ (Министерство безопасности), февраль 1994 г. ФСК (Федеральная служба контрразведки), апрель 1995 г. ФСБ (Федеральная служба безопасности). Все эти лихорадочные перетасовки могут свидетельствовать только об одном – отсутствии определенных целей и задач, поставленных правительством страны. В условиях политического хаоса не исключены случаи нарушения конституционных гарантий, охраняющих личные неимущественные права граждан, в том числе и право на тайну переписки.

8. В условиях эйфории демократических преобразований в России, отношение к такому одиозному понятию, как политический сыск в первой половине 90-х годов было резко отрицательным. Определенную озабоченность в обществе вызвало то обстоятельство, что слишком широкий круг правоохранительных органов практиковал проведение оперативно-розыскных мероприятий. Таких органов, проводивших оперативно-розыскную деятельность, насчитывалось девять. Все они перечислены в Законе РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, ст. 13.

---

[241] «Юридические фикции – особые приемы, при которых действительность подводится под определенную формулу, ей не соответствующую, чтобы затем из этой формулы сделать соответствующие выводы. Фикция противостоит истине, но выдается за истину...». См. Иванников И.А. «Толковый словарь по теории права». Ростов-на-Дону. «Феникс». 2005. С. 113.

Если, в советские времена перлюстрацию корреспонденции или проведение мероприятий по слуховому контролю могли проводить только органы государственной безопасности, в рамках своей компетенции, то в 1995 г. круг этих органов был значительно расширен. Полемика, возникшая в научных кругах и среди практических работников, привела к принятию разумного решения, в соответствии с Указом Президента РФ от 1 сентября 1995 г., № 891, почтовый контроль (ПК) был возложен на органы Федеральной службы безопасности (ФСБ РФ).

9. Сложным и неоднозначным является отношение к самому понятию политический сыск, поскольку он затрагивает не только нравственно-этическую сферу человека, но и связан с ограничением конституционных прав гражданина. Эта проблема имеет многоаспектный характер. С одной стороны, на гребне демократических преобразований, еще в августе 1991 г. было заявлено о ликвидации политического сыска. Кстати, ликвидация политического сыска в КГБ произошла простым способом. Сотрудников этого подразделения, не особо изменяя его структуру, всех оптом перевели в другое управление. Почти все они остались в тех же кабинетах...[242] Бывший узник Лефортово, министр МБ Виктор Баранников отмечал, что «после августа 1991 г. органы госбезопасности ни политическим сыском, ни тем, что можно было сравнить с политическим надзором, не занимались».

Вместе с тем, правительство страны столкнулось с ситуацией, суть которой заключалась в том, что невозможно эффективно управлять государством, не зная намерений своих граждан. Проблема эта не была новой, еще в императорской России бывший товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов писал: «Правительству приходится иметь дело не только с фактами, но и намерениями. Трудностями своевременного ознакомления с такими намерениями, в целях предупреждения преступлений, объясняется и трудность розыска, которая почти непонятна для рядового обывателя, вследствие того, что политический розыск оперирует не после, а до совершения преступления» (выделено – А.С.)[243].

10. Анализ изучаемой проблемы и проведенное исследование позволяют сделать вывод, что сыск, это не только или исключительно функция контрразведки, но и форма политической деятельности группировки лиц возглавляющей государственную власть. Он был, есть и будет, до тех пор, пока существует такое понятие как государство. Более того, мировой опыт подталкивает к нетрадиционному выводу: сыск в обществе, в циви-

[242] Стригин Е. «КГБ был, есть и будет (от МБ РФ до ФСК РФ (1994-1995 г.г.))». М. «Алгоритм». 2004. С. 77

[243] Курлов П.Г. «Гибель императорской России». М. «Современник». 1992. С. 121.

лизованных и информационных войнах, не подкрепленный сыском во власти, оставляет уязвимой политическую безопасность страны[244].

11. Актуальным является вопрос и о злоупотреблении политическим сыском. Недопустимо, например, в использовании его в борьбе с оппозицией. Представляется также, что политический сыск должен защищать государство, не только от подрывной деятельности иностранных разведок (это функция контрразведки), но и от подрывной деятельности его граждан, т.е. деятельности ослабляющей государство. Уже высказывались мнения, что будь в Российской Федерации эффективный политический сыск, не было бы такой проблемы, как режим Дудаева в Чечне. И не только в этом субъекте Федерации.

Целью политического сыска является обеспечение безопасности государства и как следствие этого незаконного изменения Конституции и незаконной смены власти.

В условиях все возрастающей угрозы терроризма в стране вновь встает на повестку дня вопрос о совершенствовании политического сыска. Несовершенство закона об оперативно-розыскной деятельности, наличие пробелов в законодательстве, неурегулированности некоторых видов отношений, лишает граждан надежной конституционной защиты в области личных неимущественных прав и требует дальнейшей правовой проработки.

Крупномасштабные акты международного терроризма потребовали от международного сообщества координации действий. Резолюция Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г. призвала все государства «найти возможность активизации и ускорения обмена оперативной информацией, особенно в действиях или передвижениях террористов или террористический сетей...». И здесь, не последнюю роль может сыграть как раз то, что в данном исследовании обозначено как политический сыск.

---

[244] Макаревич Э. «Политический сыск». М. «Алгоритм». 2002. С. 20.

Приложение

(схемы, документы, извлечения из российского законодательства)

Этапы реорганизации отечественных спецслужб.

Декабрь 1917 г. – **ВЧК** (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем) – Ф. Дзержинский, Я. Петерс.

Февраль 1922 г. – **ГПУ** (Государственное политическое управление) – Ф. Дзержинский.

Ноябрь 1923 г. – **ОГПУ** (Объединенное Государственное политическое управление) – Ф. Дзержинский, В. Менжинский.

Июль 1934 г. – **НКВД** (Народный комиссариат внутренних дел) – Г. Ягода, Н. Ежов, Л. Берия.

Апрель 1943 г. – **НКГБ** (Народный комиссариат государственной безопасности) – В. Абакумов, С. Игнатьев.

Март 1953 г. – **МВД** (Объединение МГБ И МВД) – С. Круглов.

Март 1954 г. – **КГБ** (Комитет Государственной безопасности) – И. Серов, А. Шелепин, В. Семичастный, Ю. Андропов, В. Федорчук, В. Чебриков, В. Крючков, В. Бакатин.

Ноябрь 1991 г. – **АФБ** (Агентство федеральной безопасности) – В. Иваненко.

Декабрь 1991 г. – **МБВД** (Министерство безопасности и внутренних дел) – В. Баранников.

Январь 1992 г. – **МБ** (Министерство безопасности) – В. Баранников, Н. Голушко.

Февраль 1994 г. – **ФСК** (Федеральная служба контрразведки) – И. Голушко, С. Степашин.

Апрель 1995 г. – **ФСБ** (Федеральная служба безопасности) – С. Степашин, М. Барсуков, И. Ковалев.

С 1991 г. принимались решения о поэтапном вычленении из головной организации службы внешней контрразведки, правительственной охраны, пограничников, правительственной связи.

Законодательство и иные архивные источники о перлюстрации корреспонденции и почтовой военной цензуре в советском государстве.

1.В докладе Реввоенсовету Республики начальник отдела военной цензуры Я. Грейер утверждал, что впервые при Советской власти военная цензура начала действовать 20 января 1918 г., когда приказом народных

комиссаров по военным делам и почт и телеграфов было учреждено Петроградское областное управление военного почтово-телеграфного и пограничного контроля.

2.Об упразднении института военных цензоров и военных почтово-телеграфных контрольных бюро.

№ 21

С 12-го января сего года институт военных цензоров в военных почтово-телеграфных контрольных бюро в Петрограде, Гельсингфорсе и при штабах: Московского, Казанского, Омского, Туркестанского, Иркутского и Приамурского военных округов упраздняется.

С тоже 12-го января число военных контролеров в военных почтово-телеграфных контрольных бюро в Петрограде, Гельсингфорсе и при штабах вышеуказанных военных округов сокращается до 10%.

Всех уволенных согласно настоящего приказа военных контролеров и цензоров удовлетворить содержанием по 15-е января сего года.

Военные цензоры и контролеры, уволенные за сокращением нормы в период с 1-го Декабря по 31-е Декабря 1917 года, подлежат удовлетворению содержанием по 31-е Декабря 1917 года.

Народный Комиссариат по военным делам: *Э. Склянский, К. Механошин.*

12-го Января 1918 г.

Распубликовано в № 8-ом Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 14 Января 1918 года.

СУ РСФСР. 1918. I отд. № 16. Ст. 230.

3.Приказы Народных Комиссаров по военным делам и почт и телеграфов.

293. О военном почтово-телеграфном контроле.

Центральное Военное Почтово-телеграфное Контрольное Бюро переименовать в Военный Почтово-телеграфный Контроль с подчинением его Народному Комиссариату по военным делам через Главного Комиссара Военного Почтово-телеграфного Контроля.

Подписали Члены коллегии Народного Комиссариата по военным делам: *Э. Склянский, Н. Подвойский.* Народный Комиссар почт и телеграфов *П. Прошьян.*

Распубликован в № 18-ом Газеты Рабочего и Крестьянского Правительства от 26 Января 1918 года.

СУ РСФСР. 1918. Iотд. № 19. Ст. 293.

294. Об упразднении военной цензуры печати.

Специальную военную цензуру печати со всеми учреждениями, ведающими оной, упразднить и все дела в кратчайший срок передать в Военный Почтово-телеграфный Контроль.

Подписали Члены коллегии Народного Комиссариата по военным делам: *Э. Склянский, Н. Подвойский*. Народный Комиссар почт и телеграфов *П. Прошьян*.

Распубликован в № 18-ом Газеты Рабочего и Крестьянского Правительства от 26 Января 1918 года.

СУ РСФСР. 1918. 1 отд. № 19. Ст. 294.

4.Летом 1918 г. перлюстрацию проводило, как и до октября 1917 г. Управление военного контроля. Представление об организации и размерах этой деятельности дает «Докладная записка о постановке дела военно-почтово-телеграфного контроля в Петрограде», подготовленная – начальнику Военно-цензурного отделения Григорьеву – осенью 1918 г. и подписанная А.А. Покровской (с 24 декабря 1918 г. начальник подотдела почтово-телеграфного и телефонного контроля Петроградского окружного военно-цензурного отделения).

5.«О военной цензуре» (Положение; приказ В-Рев. Сов. № 436) СУ РСФСР 1918 г. (декабрь), отд. 1; № 97, ст. 987.

6.Обзор И. Зорина «Перлюстрация корреспонденции при царизме» от 17 февраля 1919 г.

7.Приказ РВСР от 12 июля 1919 г. предусматривал новую структуру органов цензуры почт, телеграфов, радио и телефона. Намечалось восемь видов почтовой цензуры.

8.В марте 1919 г. были подготовлены подробные инструкции «для цензуирования международной корреспонденции», «для почтово-телеграфных военно-цензурных отделений (кроме Москвы и Петрограда)», «Схема движения писем в отделение ВЦ почт и телеграфов», «Правила цензуирования корреспонденции, идущей в Красную Армию», «Правила для контролеров военно-почтового контроля»…

9.По мере усиления роли ВЧК в политической жизни страны и сосредоточение в ее руках всех функций тайной полиции встал вопрос о передаче ей органов, занимавшихся перлюстрацией. Приказом РВСР от 10 августа 1920 г. функции Почтельконтроля были переданы особистам.

10. 9 августа 1921 г. совместным приказом РВС и ВЧК Управление военной цензуры Штаба РККА было передано в ведение ВЧК и стало подотделом военной цензуры Информационного отдела ВЧК.

11. С преобразованием ВЧК в ОГПУ работа по перлюстрации получила заметный размах. Этим теперь ведал отдел Политического контроля ОГПУ.

12. По Положению СНК о военной цензуре ВЧК от 21 октября 1921 г., «в целях сохранения военной тайны, предупреждения разглашения сведений о преступной деятельности шпионских контрреволюционных сил и ограждения политических, экономических и военных интересов

РСФСР...» Центральным органом объявлялся Подотдел военной цензуры Информационного отдела ВЧК. Новым, по сравнению с прежними положениями, являлось обязательное представление «на цензуру» ...почтово-телеграфной корреспонденции для просмотра (по соглашению ВЧК с Наркомпочтелем).

13. Вопросы перлюстрации решались обязательно при участии ЦК и ЦКК РКП(б). 9 октября 1922 г. комиссия Политбюро ЦК под председательством зав. отделом ЦК Я.А. Яковлева с участием зам. председателя ГПУ Г.Г. Ягоды и члена коллегии Наркомата почт и телеграфов А.Н. Николаева обсуждала вопрос «О военно-политической цензуре».

14. По положению 1940 г. о Главном военном цензоре при СНК СССР цензура осуществляла две функции: охрану государственных (военных, экономических и политических) тайн и политико-идеологический контроль, а также контроль внешней и внутренней почтовой и телеграфной переписки.

15. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) и Постановлением СНК СССР № 393-129 с.с. от 14 апреля 1943 г. ...в составе 6-го Управления НКГБ был организован отдел «В» – военная цензура и перлюстрация корреспонденции.

16. Кардинальное расширение и изменение структуры МГБ СССР произошло 4 мая 1946 г., когда решением Политбюро ЦК ВКП(б) – 51/IV ...в состав МГБ, также вошел Отдел «В», который занимался перлюстрацией корреспонденции.

17. В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР № 805-484 с.с. от 26 апреля 1955 г. был организован 6-й спецотдел (перлюстрация телеграфной и почтовой корреспонденции).

18. В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС и СМ СССР № 134-46 от 5 февраля 1960 г. «О внесении изменений в структуру КГБ при СМ СССР и его органов на местах и сокращении штатной численности» ...идеологией занималось 2-е Главное управление (контрразведка). Это продолжалось до 1967 г.

19. В 1965 г. Коллегия КГБ СССР обсудила состояние дел с перлюстрацией корреспонденции (ПК). Был подготовлен единый план службы ПК (операция «Алмаз») согласно которому основное внимание уделялось потоку исходящей международной корреспонденции. 28 ноября 1967 г. вступила в силу «Инструкция по негласному контролю почтово-телеграфных отправлений органами Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР».

20. Приказом КГБ при СМ СССР от 12 июля 1977 г. была утверждена «Инструкция по оперативному учету в КГБ при Совете Министров СССР», в том числе предусматривалась своя система учета у 6-го отдела

(перлюстрация корреспонденции) ОТУ (Оперативно-технического Управления КГБ:

— централизованная картотека инокорреспондентов (иностранных граждан, организаций, учреждений, осуществляющих почтово-телеграфную переписку);

— централизованная фототека почерков неизвестных отправителей, скрывающих свои адреса при направлении корреспонденции в зарубежные и капиталистические страны…

— учет зарубежных организаций и граждан капиталистических стран, от имени которых систематически направляются враждебным элементам в СССР посылки и материалы;

— учет советских граждан, ведущих переписку с инокорреспондентами.

21. К концу 1980-х г.г. структура КГБ СССР приобрела следующий вид: …оперативно-техническое управление.

22. 1 сентября 1995 г. был издан Указ Президента РФ № 891 возложивший контроль почтово-телеграфной и иной корреспонденции на органы Федеральной службы безопасности РФ.

Для служебного пользования

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Об упорядочении организации и проведения оперативно- розыскных мероприятий с использованием технических средств

В целях обеспечения гарантий соблюдения конституционных права и свобод граждан в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, усиления борьбы с преступностью и во исполнение Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» постановляю:

1. Установить, что контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений в интересах органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, возлагается на органы федеральной службы безопасности.

Президент
Российской Федерации Б. Ельцин

Москва, Кремль
1 сентября 1995 года
№ 891

Архивные материалы.

В основе работы использованы материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) г. Москва, Государственных архивов Свердловской, Пермской областей (ГАСО, ГАПО), Национального архива США (г. Вашингтон), бывших партийных архивов Свердловской, Пермской, Челябинской областей, иные Центров документации общественных организаций соответствующих областей, а также ведомственные архивы органов государственной безопасности (Центральный архив ФСБ РФ, г. Москва, архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области, г. Екатеринбург).

Частично привлечены неопубликованные материалы, являющиеся воспоминаниями ветеранов органов государственной безопасности, находящиеся в личном архиве автора.

Литература

1.Аксаков И.С. «Биография Ф.И. Тютчева». М. 1886.

2.Афанасьев В. «В.А. Жуковский». Серия ЖЗЛ. 1987.

3.Ансимов Н.Н. «Тайная политическая полиция самодержавия и Российская социал-демократия (1903-февраль 1917 г.г.)». Автореф. док. дисс. ист. наук. Екатеринбург. 1992.

4.Андреевский Г.В. «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху 1920-1930 г.г.». М. «Молодая гвардия». 2003.

5.Авзегер Леопольд «Я вскрывал ваши письма... (из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ). Москва – Нью-Йорк. Альманах «Время и мы». 1980.

6.Астрахан В.И. «Два свидетеля – два взгляда» (О работе Марфинской лаборатории МГБ ССР на рубеже 1940-х – 1950-х г.г.). В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке» ФСБ РФ. М. 2002.

7.Атмажитов В.М., Бодров В.Г. «Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и правктики». В журнале «Государство и право». № 3. 2005.

8.Бабаш А.В., Шанкин Г.П. «История криптографии». М. «Гелиос-АРБ». 2002.

9.«Былое». 1918. № 2 (30) февраль.

10. Барон Джон «КГБ сегодня – невидимые щупальца». СПб. «Петрополис». 1992.

11. Бабков В.В., Саканян Е.С. «Николай Владимирович Тимофеев-Песовский». М. «Памятники исторической мысли». 2002.

12. Витте С.Ю. Воспоминания. Т-3 (17 октября 1905-1911 г.г.). Изд-во соц.-эконом. лит-ры. М. 1960.

13. Вахрушева Н.А. «Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915-1917 г.г.). В сб-ке «Октябрь в Поволжье и Приуралье». Казань. 1972.

14. Вольхин А.И. «Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.». Дисс. док. ист. наук. Екатеринбург. 2001.

15. Горяева Т.М. «Политическая цензура в СССР в 1917-1991 г.г.». М. «РОСПЭН». 2002.

16. Грей Марина «Мой отец генерал Деникин». М. «Парад». 2003.

17. «Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918-1928 г.г.». СПб. 1995.

18. Газета «Известия» от 04.12.1993.

19. Газета «Город Е» от 13 августа 2004, Екатеринбург.

20. Газета «Правда» от 29 июня 1988.

21. Горшенёв А.П. «Личные конституционные права граждан». Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Саратов. 1972.

22. Деникин А.И. «Очерки русской смуты». М. «Айрис-Пресс». 2003.

23. Давидян И., Козлов В. «Частные письма эпохи гражданской войны (по материалам военной цензуры)». В книге «Неизвестная Россия, XX век». Вып. 2. М. 1992.

24. Ерошкин Н.П. «Россия под надзором». Журнал «Преподавание истории в школе» (январь-февраль 1966 г.), № 1.

25. Елинский В.И. «История уголовного сыска в России (X-начало XX в.в.)». М. «Инфра-М». 2004.

26. «Жандармы в России (Политический розыск в России XV-XX в.в.). СПб. 2002.

27. Журнал «Русская старина». 1900, октябрь-декабрь.

28. Жаров С.Н. «Обеспечение законности оперативно-розыскных мероприятий». Журнал «Правоведение». 2001. № 5.

29. Записка поданная А.Х. Бенкендорфом в январе 1826 г. Николаю I. Журнал «Русская старина». 1900. № 12.

30. Зайончковский П.А. «Правительственный аппарат самодержавия России в XIX в.». М. «Мысль». 1978.

31. Зенькович Н.Н. «Новости из Кремля, сэр». М. «Олма-Пресс». 2001.

32. Землянов В.М. «Своя контрразведка» (практическое пособие). Минск. «Харвест». 2002.

33. Исторический журнал «Красный архив». 1927. № 6 (25).

34. Измозик В.С. «Черные кабинеты в России (Политический сыск в России XV-XX в.в.). СПб. 2002.

35. Измозик В.С. «Черный кабинет» – к истории перлюстрации в России». Журнал «Родина». 2000. № 10.

36. «Известие Казанского военно-окружного комитета» от 20 августа 1917.

37. Измозик В.С. «Перлюстрация в первые годы советской власти». Журнал «Вопросы истории». 1995. № 8.

38. Измозик В.С. «Глаза и уши режима: государственный политический контроль за населением Советской России 1918-1928 г.г.». СПб. 1995.

39. Измозик В.С. «НЭП через замочную скважину». Журнал «Родина». 2001. № 8.

40. Измозик В.С. «Система государственной информации: создание и деятельность». В книге «Исторические чтения на Лубянке 1999 г.

(Отечественные спецслужбы в 1920-1930 г.г.)». М – Великий Новгород. 2000.

41. «Исторические чтения на Лубянке» ФСБ РФ. М – Великий Новгород. 2001.

42. «Исторические чтения на Лубянке» ФСБ РФ. М – Великий Новгород. 1999.

43. «История советских органов госбезопасности». М. 1977.

44. История специальной регистрации, учетов и архивов. Сб. «Исторический справочник – Спецорганы России в датах, цифрах, именах, приказах». М. Военно-историческое общество им. Я.К. Берзина. 2002.

45. Иванникова И.А. «Толковый словарь по теории права». Ростов-на Дону. «Феникс». 2005.

46. Кодан С.В. «Управление политической ссылкой в Сибирь (1826-1856 г.г.). Иркутск. 1980.

47. Кристофер Эндрю, Олег Гордиевский «КГБ – история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева». «Nota Bene». 1990.

48. Канн Дэвид «Война кодов и шифров. История четырех тысячелетий криптографии». М. «Рипол Классик». 2004.

49. Коровин В.В. «история отечественных органов безопасности» (учебное пособие). М. «Норма». 1998.

50. Кудрявцев В., Трусов А. «Политическая юстиция в СССР». М. «Наука». 2000.

51. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». 6-е изд. дополн. и перераб. М. 2004.

52. Колпакиди А.И., Серяков М.Л. «Щит и меч». Энциклопедический справочник. М. «Олма-пресс». СПб. «Нева». 2002.

53. Ковалев Б.Н. «Слухи и сплетни российской глубинки». В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке» ФСБ РФ. 2001.

54. Красавчикова Л.О. «Право гражданина на тайну личной переписки». Сб-к науч. трудов «Социальное управление и право». Свердловск. 1977.

55. Курлов П.Г. «Гибель императорской России». М. «Современник». 1992.

56. Комментарий к Таможенному кодексу Российской Федерации (постатейный) (новая редакция). М. «Кнорус». 2003.

57. Кошель П. «История российского сыска». М. «Молодая гвардия». 2005.

58. Левченко И.Е. «Цензура как общественное явление». Автореф. канд. дисс. Екатеринбург. 1995.

59. Лазаревский Н.И. «Лекции по русскому государственному праву». Т-1. «Конституционное право». СПб. 1910.

60. Макаревич Э. «Политический сыск». М. «Алгоритм». 2002.

61. Майский С. «Черный кабинет» из воспоминаний бывшего цензора». Петроград. 1922.

62. Медведев Ж.А. «Тайна переписки охраняется законом». Лондон. «Macmillan». 1972.

63. Мазуров В.А. «Тайна государственная, коммерческая, банковская, частной жизни (уголовно-правовая защита)» (учебное пособие). М. 2003.

64. Медведев Жорес, Медведев Рой «Солженицын и Сахаров – два пророка». М. «Время». 2004.

65. Органы и войска МВД России (краткий исторический очерк). Объединенная ред. МВД РФ. М. 1996.

66. Осоргин М.А. «Охранное отделение и его секреты». М. 1917.

67. Оржеховский И.В. «Самодержавие против революционной России (1826-1880 г.г.)». М. «Мысль». 1982.

68. Октябрь в Поволжье и Приуралье (источники и вопросы историографии). Казань. 1972.

69. «Оперативно-розыскная деятельность». Учебник, изд. 2-е дополн., под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. М. «Инфра-М». 2004.

70. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. «Толковый словарь русского языка». М. «АЗЪ». 1996. 3-е изд., стереотип.

71. «Охранка» (воспоминание руководителей политического сыска). М. «Новое литературное обозрение». Т. т. 1, 2. 2004.

72. Панарин И. «Информационная война XXI века: готова ли к ней Россия?». Журнал «Власть». 2002. № 2.

73. Предтеченский А.В. «О перлюстрации писем в начале XIX века». Журнал «Красный архив». 1927. № 6.

74. ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Изд. III. Т. 2. № 730.

75. Перегудова З.И. «Политический сыск в России 1880-1917 г.г.». М. «Роспэн». 2000.

76. Предисловие М.Н. Покровского к Сборнику солдатских писем. М-Л. 1927.

77. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2000 г. № 214.

78. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 сентября 2000 г. № 725 (в кн. Комментарий к Таможенному кодексу РФ (постатейный, новая редакция). М. «Кнорус». 2003).

79. Пожаров А.И. «Некоторые аспекты деятельности органов госбезопасности СССР в 1950-е – первой половине 1960-х г.г.». В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке» ФСБ РФ. М – Великий Новгород. 1999.

80. Петрухин И.Л. «Личная жизнь: пределы вмешательства». М. «Юрид. лит-ра». 1989.

81. Прохоров Д.П. «Сколько стоит продать Родину». СПб – М. «Нева». 2005.

82. Российское законодательство X-XX в.в. М. 1986. «Юрнд. лит-ра». Т. 4.

83. Рууд Ч., Степанов С. «Фонтанка – 16: политический сыск при царях». М. «Мысль». 1999.

84. Роуан Р. «Разведка и контрразведка». М. 1937.

85. Решетовская Н. «В споре сос временем». М. «АПН». 1975.

86. Ронин Р. «Своя разведка (практическое пособие)». Минск. «Харвест». 1998.

87. Рэддэвей П. «Советология и диссидентство: новые источники протеста». Сб-к V Международной конференции: «КГБ: вчера, сегодня, завтра». М. 1996.

88. Рудинский Ф.Н. «Теоретические проблемы личных конституционных прав и свобод советских граждан». Автореф. док. дисс. юрнд. наук. М. 1980.

89. Сизиков М.И. «Государство и право России в период утверждения абсолютизма (конец XVII – первая половина XVIII века)». М. 1994.

90. «Секреты черного кабинета». Российская газета. 1994. № 64.

91. Спиридович А. «Записки жандарма». М. 1991 (репринтное издание).

92. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР – СЦ РСФСР. 1918. Отд. 1. № 97. Ст. 987.

93. Смыкалин А.С. «Колонии и тюрьмы в Советской России». Екатеринбург. 1997.

94. Собрание законодательства Российской Федерации № 12 от 20 марта 2000 (официальное издание).

95. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

96. Собрание законодательства Российской Федерации. 14 июля 1999. № 24.

97. Стригин Е. «КГБ был, есть и будет (от МБ РФ до ФСК РФ) 1994-1995 г.г.». М. «Алгоритм». 2004.

98. Смыкалин А.С. «Формы политического контроля в советском государстве (правовой аспект)». В сб-ке «Право и общество: от конфликта к консенсусу». СПб. 2004.

99. Смыкалин А.С. «Почтовая военная цензура в годы Великой Отечественной войны». В кн. «Государство, право, война». СПб. 2005.

100. Сырых В.М. «Н.В. Крыленко – идеолог советского правосудия». М. «Российская академия правосудия». 2003.

101. Тютюнник Л.И. «Департамент полиции в борьбе с революционным движением на рубеже XIX-XX в.в.». Дисс. канд.ист.наук. М. 1986.

102. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». СПб. 1912.

103. «Уроки нормативного регулирования оперативно-розыскной деятельности отечественных спецслужб». В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке» ФСБ РФ. М – Великий Новгород. 1997.

104. Уголовно-исполнительный кодекс. В ред. ФЗ от 04.11.2004. № 129-ФЗ. Ст. 91.

105. Федотов М.А. «Гласность и цензура: возможность сосуществования». Журнал «Советское государство и право». 1989. № 7.

106. Федеральный закон «О связи». М. 2004.

107. Чукарев А.Г. «Перлюстрация как метод осведомления в III-м отделении. Отделение во второй четверти XIX века». Российский исторический журнал. 1998. № 3.

108. Черняев В.Ю. «К изучению эпистолярных источников начала XX в. (контроль почтовой переписки). В сб-ке «Проблемы отечественной истории». М-Л. 1976.

109. Чертопруд С. «Андропов и КГБ». М. «Яуза», «Эксмо». 2004.

110. Чертопруд С. «НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны (неизвестные страницы)». М. «Яуза» «Эксмо». 2005.

111. Шумилов А.Ю. «Уроки истории нормативного регулирования оперативно-розыскной деятельности отечественных спецслужб». В сб-ке «Исторические чтения на Лубянке» ФСБ РФ. М – Великий Новгород. 1997.

Основные нормативные акты, используемые в работе.

1.Конституция Российской Федерации 1993 г. М., 2000 г.

2.Конституция (Основной закон) Союза Советских социалистических республик 1936 г. Справочник «Советские Конституции» под общей ред. чл.-корреспондента АН СССР П.С. Ромашкина. М., Госюриздат. 1963 г.

3.Конституция (Основной закон) СССР 1977 г. М., 1977 г.

4.Конституция (основной закон) РСФСР 1978 г., М., 1978 г.

5.Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» (принят Государственной Думой 22 февраля 1995 г.). М., Изд-во «Элит». 2004 г.

6.Федеральный закон «О государственной тайне» (в редакции Федеральных законов от 6 октября 1997 г. № 131-ФЗ, от 30 июня 2003 г. № 86-ФЗ, от 11 ноября 2003 г. № 153-ФЗ). М., «Ось-89». 2004 г.

7.Федеральный закон «О связи» от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (с учетом Федерального закона от 23.12.2003 г. № 186-ФЗ). М., «Книга-сервис». 2004.

8.Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 04.11.2004 № 129-ФЗ). Екатеринбург, ИД «УралЮрИздат». 2005.

9.Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), изд. III, 1881, Т. 2, № 730.

10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб, 1912.

11. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства (СУ РСФСР). «Положение о военной цензуре». 1918, отд. I, № 97, ст. 987.

12. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

13. Постановление Правительства Российской Федерации № 1292 «Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию» от 10 марта 2000 г. № 214.

14. Указ Президента Российской Федерации № 891 от 1 сентября 1995 г. «Об упорядочении организаций и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств».

15. Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ) 1995 г. № 33, ст. 3349 «Перечень специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности».

16. Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ) от 14 июля 1999 г. № 24, № 2934 (О снятии грифа «ДСП»).

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 сентября 2000 г. № 725 (новая редакция, Таможенный кодекс Российской Федерации, п. 23).

18. Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 1999 г. № 225-ФЗ.

19. Федеральный закон Российской Федерации от 30 июня 2003 г. № 86-ФЗ.

20. Собрание Постановлений Правительства СССР (СП СССР) 1971, № 10, ст. 83.

21. Федеральный закон Российской Федерации от 04 ноября 2004 г. № 129-ФЗ.

22. Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.

23. Собрание законодательства Российской Федерации № 12 от 20 марта 2000 г. (официальное издание).

24. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2000 г. № 214.

25. Собрание законодательства Российской Федерации от 14 июля 1999 г. № 24, № 2954.

26. Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 33, ст. 3349.

27. «Уголовно-исполнительный кодекс» (в редакции Федерального закона от 04.11.2004 г. № 129-ФЗ, ст. 91).

28. Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 1999 г. № 225-ФЗ.

29. Федеральный закон Российской Федерации от 30 июня 2003 г. № 86-ФЗ.

30. Федеральный закон Российской Федерации в редакции от 06 октября 1997 г. № 131-ФЗ.

Сов. секретно.

СЕКРЕТАРЮ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)
тов. АНДРИАНОВУ.

СПЕЦ. СООБЩЕНИЕ
о необеспечении подачи корреспонденции на пункты
Военной Цензуры органами НКС

составлено 18/XI-1941 г.

В соответствии с решением Комитета Обороны и указаний НКС на Свердловское Обл. Управление Связи возложено:

а) подача всей исходящей корреспонденции через пункт «ВЦ»;

б) 100% направление исходящей корреспонденции, идущей в Действующую Кр. Армию и Военно-морской флот на военно-сортировочный пункт, а отсюда на ВЦ;

в) отсортировка корреспонденции, адресованной в Москву, с обязательной подачей ее на пункты ВЦ.

Опыт работы показал, что отдельные учреждения связи Свердловской области это указание не выполняют, например:

1. Обследованием Первоуральского пункта ВЦ установлено, что корреспонденция, исходящая в области объявленные на военном положении, начальником Первоуральской конторы связи полностью на пункт ВЦ не подается. Так например: из общего числа писем, отправляемых конторой связи за 30/Х-с/г оказалось недоставленной ВЦ этой корреспонденции в количестве 210 писем.

Кроме того, не осуществлялась также сто процентная отсортировка корреспонденции, исходящей в ДКА и ВМФ (см. акт обследования от 30/Х-с/г.).

2. Начальник Шалинской районной к-ры Связи контроль над поступлением корреспонденции из ведомственных ему почтовых отделений связи не осуществлял, в результате корреспонденция из почтовых отделений Дуван, Роща, Н. Баская, Тепляки, Шайтанка, Н. Село миновала ВЦ, а из других отделений, как-то: Сарга, Сабик, Илим, Унь, ст. Утка корреспонденция поступала нерегулярно. Контрольные сроки движения корреспонденции не выполнялись, имелась задержка до 3-х суток (см. акт обследования от 28/Х-с/г.).

3. В результате проведенной нами проверки на ст. Свердловск была перехвачена корреспонденция, исходящая из районов области. В числе

этой корреспонденции было обнаружено 694 отправлений, адресованных в Действующую Кр. Армию и Военно-морской флот, которые не были выделены в отдельные пос/пакеты и не направлены на военно-сортировочный пункт...

В целях устранения указанных ненормальностей по всем этим вопросам мы информировали нач-ка Обл.Управл.Связи тов. ЭКШТАТ и его заместителя т. НАУМОВА, однако эти нарушения продолжаются. Поэтому со своей стороны считаем необходимым понудить нач-ка Обл.Управ.Связи к выполнению:

1. Полностью обеспечить подачу всей исходящей корреспонденции, на пункты ВЦ.

2. Тоже полностью обеспечить подачу всей исходящей корреспонденции, идущей в действующую Красную Армию и Военно-Морской флот на военно-сортировочный пункт.

3. Обеспечить 100% отсортировку и подачу ВЦ корреспонденции, адресованиую в Москву.

4. Повести решительную борьбу с нарушителями установленного порядка направления корреспонденции на ВЦ, а также по засылке писем.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКВД по С/О
Ст. Майор Госуд. Безопасности
(БОРЩЕВ)
НАЧАЛЬНИК 2 СПЕЦОТДЕЛА УНКВД по С/О
Лейтенант Госуд. Безопасности
(ЗОЛЬНИКОВ)
«22» ноября 1941 г.
г. Свердловск.

Сов. секретно.

УПОЛНОМОЧЕННОМУ КОМИССИИ ПАРТ. КОНТРОЛЯ
тов. МИРОНОВУ.

СПРАВКА
о необеспечении подачи корреспонденции на пункты Военной Цензуры органами НКС

Составлена 18/XI-1941 г.

В соответствии с решением Комитета Обороны и указаний НКС на Свердловское Обл. Управление Связи возложено:

а) подача всей исходящей корреспонденции через пункт «ВЦ»;

б) 100% направление исходящей корреспонденции, идущей в Действующую Кр. Армию и Военно-морской флот на военно-сортировочный пункт, а отсюда на ВЦ;

в) отсортировка корреспонденции, адресованной в Москву, с обязательной подачей ее на пункты ВЦ.

Опыт работы показал, что отдельные учреждения связи Свердловской области это указание не выполняют, например:

1. Обследованием Первоуральского пункта ВЦ установлено, что корреспонденция, исходящая в области объявленные на военном положении, начальником Первоуральской конторы связи полностью на пункт ВЦ не подается. Так например: из общего числа документов, отправляемых конторой Связи за 30/X-с/г оказалось недоставленной ВЦ этой корреспонденции в количестве 210 документов.

Кроме того, не осуществлялась также сто процентная отсортировка корреспонденции, исходящей в ДКА и ВМФ (см. акт обследования от 30/X-с/г).

2. Начальник Шалинской районной к-ры Связи контроль над поступлением корреспонденции из ведомственных ему почтовых отделений связи не осуществлял, в результате корреспонденция из почтовых отделений Дуван, Роща, Н. Баская, Тепляки, Шайтанка, Н. Село миновала ВЦ, а из других отделений, как-то: Сарга, Сабик, Илим, Унь, ст. Утка корреспонденция поступала нерегулярно. Контрольные сроки движения корреспонденции невыполнялись, имелась задержка до 3-х суток (см. акт обследования от 28/X-с/г.).

3. В результате произведенной нами проверки на ст. Свердловск была перехвачена корреспонденция, исходящая из районов области. В числе этой

корреспонденции, исходящая из районов области. В числе этой корреспонденции было обнаружено 694 отправлений, адресованных в Действующую Кр. Армию и Военно-морской флот, которые не были выделены в отдельные пос/пакеты и не направлены на военно-сортировочный пункт.

Означенная корреспонденция исходила:

а)	из	Камышлова	-	123	отправления
б)	-/-	Туринска и Сл. Туринска	-	103	-/-
в)	-/-	Тавды	-	85	-/-
г)	-/-	Егоршино	-	124	-/-
д)	-/-	Сухоложья	-	93	-/-
е)	-/-	Н-Тагила	-	180	-/-
ж)	-/-	Алапаевска	-	42	-/-
з)	-/-	др. районов	-	130	-/-

(см. акты обследования от 31/X и 3/XI-с/г).

4. При вторичной проверке корреспонденции, исходящей из районов выяснилось нарушение установленного порядка в отношении воинской корреспонденции: Невьянской, Исовской, Красноуральской, Егоршинской, Алапаевской, Н-Тагильской, Серовской и Ивдельской районными конторами связи.

Этой же проверкой обнаружена корреспонденция, исходящая в области, объявленные на военном положении и особенно в Москву и Ленинград без наличия на ней штампов ВЦ, что также свидетельствует, что эта корреспонденция на пункты ВЦ не доставлялась. Такой корреспонденции было обнаружено 1073 отправления (см. акт обследования от 5/XI-с/г).

Выезжавшими работниками 2 Спецотдела в Тавдинскую, Ирбитскую, Туринскую и Камышловскую к-ры Связи для внезапной проверки приготовленной к отправке корреспонденции установлено, что работники НКС также неполностью подают корреспонденцию на пункт ВЦ, исходящую в области объявленные на военном положении (см. акты проверки от 10, 11, 12 и 13/XI-с/г).

5. Нарушение порядка направления корреспонденции, исходящей в ДКА и ВМФ кроме районных контор связи, допускается и Свердловским почтамтом.

Актами от 8/XI- и 9/XI-с/г установлено, что поступившая корреспонденция в жел.дор.отделение для сортировки по вагонам и сдачи в поезда и исходящая в области объявленные на военном положении, не вся имела гриф ВЦ.

Непроверенной военной цензурой корреспонденции, обнаружено 270 отправлений (см. акт от 8 и 9/XI-с/г).

6. Корреспонденция почтового отделения связи ст. Ощепково, которая подведомственна Пышминской к-ре отправлялась в поездах, минуя

пункт ВЦ или корреспонденция, следуемая из Азанки в Тавдинскую к-ру Связи работниками почтового вагона не выгружалась и не доставлялась на ВЦ (см. акты от 10/XI-с/г).

7. Наблюдались многократные случаи, когда Камышловская к-ра Связи засылала в г. Свердловск корреспонденцию, адресованную в Дальневосточный край. Эта корреспонденция из Камышлова направляется в Свердловск, откуда обратно через Камышлов следует на восток, что является прямым нарушением условия быстрейшей доставки корреспонденции адресату.

8. Со стороны работников районных контор связи имеют место нарушения в отношении воинской корреспонденции и другого порядка, а именно:

Вместо направления некоторой воинской корреспонденции в Ярославль и Ростов н/Д, таковая направляется в Свердловск и наоборот, корреспонденция, подлежащая отправке в Свердловск, направляется в Ярославль (см акты от 12/XI – по Свердловску и Туринску).

9. Произведенной проверкой корреспонденции на ст. Свердовск, поступившей из районов области за 16 и 17 ноября с/г обнаружено, что корреспонденция, исходящая в Действующую Кр. Армию и подлежащая отправлению на военно-сортировочный пункт в гор. Свердловск НКС полностью на пункт ВЦ не представлялась, а именно:

Сухоложской к-рой связи 60 отправлений

Н-Сергинской к-рой связи 18 отправлений

П-Уральской к-рой связи 29 отправлений

Другими райконторами связи 73 отправлений

Всего не представлено 180 отправлений.

Кроме того, минуя пункты ВЦ работниками НКС было направлено непроверенной корреспонденции, исходящей в области объявленные на военном положении:

Н-Тагильской райконторой связи 218 отправлений

Серовской райконторой связи 40 отправлений

Н-Ляпинской райконторой связи 45 отправлений

Невьянской райконторой связи 35 отправлений

Другими райконторами связи 314 отправлений

В целях устранения указанных ненормальностей по всем этим вопросам информировали нач-ка Обл.Управл.Связи тов. ЭКШТАТ и его заместителя т. НАУМОВА, однако эти нарушения продолжаются. Поэтому со своей стороны считаем необходимым понудить нач-ка обл. Управ. Связи к выполнению:

1. Полностью обеспечить подачу всей входящей и исходящей корреспонденции на пункты ВЦ.

2. Тоже полностью обеспечить подачу всей исходящей корреспонденции, идущей в действующую Красную Армию и Военно-Морской флот на военно-сортировочный пункт.

3. Обеспечить 100% отсортировку и подачу ВЦ корреспонденции, адресованную в Москву.

4. Повести решительную борьбу с нарушителями установленного порядка направления корреспонденции на ВЦ, а также по засылке писем.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКВД по С/О
Ст. Майор Госуд. Безопасности
(БОРЩЕВ)
НАЧАЛЬНИК 2 СПЕЦОТДЕЛА УНКВД по С/О
Лейтенант Госуд. Безопасности
(ЗОЛЬНИКОВ)
«22» ноября 1941 г.
г. Свердловск.

Сов. секретно.

СЕКРЕТАРЮ СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВКП(б)
тов. НАВОЗОВУ.
УПОЛНОМОЧЕННОМУ КОМИССИИ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ
тов. МИРОНОВУ.

СПЕЦЗАПИСКА
По вопросу срыва своевременной подачи корреспонденции Свердл. обл. Управлением НКСвязи на пункты военной цензуры.

Несмотря на решение бюро Обкома ВКП(б) обязывающее н-ка Свердловского Областного Управления НКСвязи т. ЭКШТАТ и его местных органов принятие решительных мер к налаживанию четкой работы связи, однако до настоящего времени со стороны местных органов связи продолжают иметь место факты нарушения установленного порядка потока корреспонденции из нашей области.

Основными недочетами являются:

1) Значительное количество корреспонденции продолжает проходить минуя пункты военной цензуры.

2) Местные органы НКСвязи корремпонденцию полностью на пункты военной цензуры не доставляют.

3) Отмечается систематическая засылка корреспонденции органами НКСвязи, что лишает военную цензуру возможности обрабатывать ее.

4) Необеспечение органами НКСвязи 100% отсортировки и подачи корреспонденции, идущей в Действующую Красную Армию и Военно-морской флот на военно-сортировочные пункты, а отсюда военной цензуре.

5) Также отмечается недопустимая медлительность в продвижении корреспонденции.

Все это в общей сложности создает ненормальность в работе и приводит к значительному проценту пропуска корреспонденции без проверки военной цензурой, о чем свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении данные, полученные в результате проведенных обследований периферийных пунктов военной цензуры и изучения порядка потока корреспонденции из нашей области.

Положение в январе месяце 1942 г. не улучшилось, в подтверждение чего приводим следующие факты:

1. По Ачитской Райконторе связи 12/I-с/г, при вскрытии пост/пакетов, направляемых в гор. Казань ВПСП, оказались заадресованные письма, идущие в Архангельскую, Калининскую и Ивановскую области.

На Афанасьевском разъезде Ачитского района, в течение двух месяцев не очищался от корреспонденции почтовый ящик, а когда его в январе месяце с/г вскрыли, то оказалось, что в нем находилось около 200 писем, датированных с 17 октября 1941 года.

2. По Красноуфимской Райконторе связи корреспонденция, адресованная в ДКА и ВМФ гор. Казань, Ярославль, Ростов Н/Дону и Хабаровск направлялась без указания адреса вообще, не говоря уже о ВПСП. Или корреспонденция исходящая в ДКА конторой связи направлялась в гор. Казань без указания на ярлыке для ВПСП. Корреспонденция, адресованная в полевые почты от общей массы писем для ВПСП не отсортировывалась.

3. 11/I-1942 г., поступившая в ЦСП корреспонденция из отделения Н-Тагильской конторы связи, в количестве 1915 отправлений, было обнаружено, что 125 писем, идущих в ДКА, не были выделены из общей массы писем и не доставлены на ВПСП гор. Свердловск.

4. Алапаевская контора связи направив корреспонденцию своего района с адресом «Свердловск ВПСП» из 531 отправления абсолютное большинство оказалось засланной или не имеющей никакого отношения к воинской корреспонденции.

5. 14/I-1942 г., при проверке корреспонденции, исходящей из Ревдинского района в адрес ППС ДКА, оказалось, что воинская корреспонденция собрана за двое суток и вместо того, чтобы направить в гор. Казань, была заслана в отдел сортировки Свердловского ЖДО, т.е. совершенно в противоположную сторону.

6. 17/I-1942 г., на Свердловский пункт ВЦ отделом сортировки Главпочтамта была подана корреспонденция, в числе которой обнаружено 127 отправлений, исходящих от населения Н-Салдинского района, идущих в гор. Москву, несмотря на то, что эти письма были обработаны на месте Н-Салдинским пунктом ВЦ и не имели никакого отношения к гор. Свердловску.

7. Ряд предприятий НКСвязи Свердловской области (Зайковская, Режевская и Березовская конторы связи корреспонденцию, исходящую в зону объявленную на военном положении, в частности в Москву и Ленинград, направляют вместо ВЦ непосредственно по назначению.

23-24/I-1942 г., в порядке проверки на ст. Свердловск ЖДО правильности направления корреспонденции Полевской и Асбестовской Райконторами связи также установлено, что названные конторы связи вместо того, чтобы корреспонденцию, идущую в области объявленные на военном положении, в частности с адресом Москву и Ленинград, направлять через пункты военной цензуры, продолжают слать непосредственно до адресных мест, минуя ВЦ.

Почтовые отделения гор. Свердловска, как правило, не проводят 100% отсортировки воинской корреспонденции, идущей в ДКА, вместе с

другой корреспонденцией направляется вместо ВПСП гор. Свердловска в отдел сортировки ЖДО ст. Свердловск, там она отсортировывается и только после этого попадает на ВПСП, в результате чего происходит ее замедление в продвижении от отделений связи до ВПСП на двое суток, а исходящая из районов области до 5 суток.

Кроме того, одной из причин прохождения корреспонденции в Москву и Ленинград минуя ВЦ является, что через отдел перевозок почт ст. Свердловск проходит большое количество корреспонденции, исходящей из областей, расположенных восточнее Свердловской области, адресованной в области объявленные на военном положении, не проверенной военной цензурой в местах ее отправления (такой корреспонденции, не проверенной ВЦ, проходит до 7.000 в сутки) в отделе перевозок почты ст. Свердловск, корреспонденция подвергается пересортировке и последующей заделке в пост/пакеты и направляется уже в места ее назначения.

В целях предотвращения этого явления мы поставили вопрос перед Областным Управлением НКСвязи о подаче этой корреспонденции ВЦ.

Областное Управление НКСвязи этого вопроса не решило мотивируя тем, что это будет являться вторичной подачей корреспонденции и неизбежно вызовет замедление ее доставкой ее адресату, по этой причине указанная корреспонденция проходит минуя ВЦ.

Прошу Вашего вмешательства, так как подобное состояние с корреспонденцией, проходящей через ВЦ, явно ненормально и противоречит решению ГКО о 100% пропуске ее обязательно через пункты ВЦ.

НАЧАЛЬННК УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО С/О
Ст. Майор Госуд. Безопасности
(БОРЩЕВ)

«2» февраля 1942 г.
№ 70669
гор. Свердловск.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

СЕКРЕТАРЮ СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВКП(б)
тов. АНДРИАНОВУ.

Здесь.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ
Управления НКВД по Свердловской области

По материалам Военной Цензуры с
1 по 15 апреля 1943 года.

В корреспонденции, идущей от населения Свердловской области в Действующую Красную Армию, а также и в другие области Советского Союза, за указанный период имели место, наряду с положительными и патриотическими сообщениями, ряд сообщений о продовольственных затруднениях населения, необеспеченности жильем и отсутствия должной помощи семьям военнослужащих со стороны районных и сельских организаций.

Эвакуированное население продолжает жаловаться на необеспеченность и тяжелые жизненные условия, а также на бездушное отношение к ним со стороны местных руководителей.

Из сельско-хозяйственных районов области пишут о больших налогах, как натуральных так и денежных и о трудностях уплаты их.

Приводим сравнительную таблицу цифровых данных, отрицательных сообщений, отмеченных военной цензурой в корреспонденции, исходящей от населения гор. Свердловска и частично области.

НАИМЕНОВАНИЕ СООБЩЕНИЙ	Количество	
	за II половину марта месяца 1943 г.	за I половину апреля месяца 1943 г.
О дороговизне и продзатруднениях	39.593	33.354
Жалобы на удержание из зарплаты	1.722	918
Жалобы на налоги	742	1.293
О плохих квартирных условиях	1.662	1.198
О недостатке топлива	1.742	1.121
Об эпидемических заболеваниях	549	675
Жалобы эвакуированных	1.137	754
Жалобы семей военнослужащих	1.228	943
Упаднические и панические	1.040	927
Национальная рознь и вражда	28	41
О дезертирстве	86	150
О недостатках на фабриках и заводах	102	108
в сельском хозяйстве	3.562	3.387
ВСЕГО:	53.193	44.869
Общее количество прочитанной корреспонденции	942.130	870.043
Процент отмеченных отрицательных сообщений к количеству прочитанной корреспонденции.	5,6	5,15

Ниже приводятся характерные выписки из писем отрицательного характера.

1. О ПРОДЗАТРУДНЕНИЯХ

Гр. ПИДЖАКОВА из ... сельсовета дер. ЕРЕМИНО Ирбитского района в ДКА – ПИДЖАКОВУ.

... «Вот с 20 февраля нет у меня хлеба, ребята просят есть, а я что им дам, кроме картошки. Только достану где кусок хлеба разделю ребятам, а сама думаю ладно так, но чувствую, что скоро мое здоровье изменит мне. В голове шумит как в машине, руки падают, за что не возьмусь. Силы много исходит. Прошло пять дней, а мне все еще не выдали паек, послал бы письмо в сельсовет, да в Собес...»

Гр. ЗАЕНННКОВА из Перебровского сельсовета Покровского района в ДКА – ПИЧУГИНУ.

... «Скажу, как живет твоя семья. Ваня у нас Нюра ходила проведать вашу семью. Она пришла, они сидят за столом и едят пропастину и гложут кости, как собачата... собирают конские ноги и едят их, больше ничего нет. Картошки нет, хлеба четвертый месяц не видят, они как собачата. Ваня нельзя ли как похлопотать, чтобы детям дали паек. Они сидят и голодом и холодом. Ваня твоего хлеба осталось 100 килограмм, они не отдают, сами съедят твой хлеб. Ваня твои дети как собачата им и хлеба не дают...»

Гр. МАШКОВА из гор. РЕВДЫ (Рабочий поселок ул. Чкалова 16) в ДКА - МАШКОВУ.

... «Живем очень плохо, по суткам сидим голодом и видимо придется помирать с голода, а на меня внимания не обращают, что красноармейская семья. Люди все на детей получают, а мне ничего нет и не смотрят что вас там трое, а я сама болею. Хоть бы ты похлопотал, что либо, выслал на военкомат и может быть, мне и помогли бы. Я очень болею, а питания нет, а умирать не охота...»

Гр. ВАСЬКОВА из дер. Кудай Волковского сельсовета Ирбитского района в ДКА – ВАСЬКОВУ.

... «Не знаю Миша до каких пор будут над нами так издеваться над красноармейцами. Это только мученье, а не жизнь. Вы бойцы защищаете родину, а в тылу над нами издеваются. Неужели ни откуда нельзя выдать пайка детям. Голодные ходят в школу это я считаю не верно. Надо писать в Центр. Комитет Партии. Миша поговори со своим командиром и напиши может быть что выйдет...»

Гр. ЕЛИСЕЕВА из Добринского сельсовета Таборинского района в ДКА – ЕЛИСЕЕВУ.

... «Мы живем плохо, хлеба в колхозе совсем не дали. Еще и тебе сообщаю, что нам давали паек, но сейчас отказали, пропадаем с голода...»

2. ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ.

О крайне тяжелом положении и необеспеченности сообщает АМЕЛИНА из гор. Тавды (ул. Калинина дом № 54) в ДКА - АМЕЛИНУ.

... «Гриша напиши на райком, как капитан и орденоносец, тебя скорей послушают и дадут нам квартиру. Гриша мы сейчас живем у людей и валяемся на полу, спим где и собака и блохи. У нас уже появилась по всему телу чесотка. У Бори чесотка на руках уже волдыри стали, и вши завелись. Мама лежит в больнице и пролежит еще месяц. Гриша милый помоги нам скорей а то мамы нет и мы двое с Борей, нас уже тетенька ругает, что не уходим долго и почти выгоняет. Гриша еще прошу тебя напиши на райком и попроси, чтобы нам сироткам помогли: Гриша ведь у нас ничего не осталось в чем вышли в том и остались. Сейчас уже скоро месяц, как сгорели и все в одном ходим в грязном и вшивом и есть нечего...»

Гр. ЗАЙЦЕВА из гор. Свердловска (ул. Молотова 18) пишет сужу в ДКА об издевательствах над ней со стороны руководства предприятия.

... «Не хотела тебя огорчать, но приходится. Пахнин добился своего. Он под маркой сокращения штатов уволил меня. Угрожает выгнать Лиличку из садика. Ты на фронте защищаешь родину, а твою семью выбросили за борт оставили без работы, лишили права пользоваться столовой, выключили ребенка с 1-го апреля из садика. Вообще поступили как с женой фронтовика. Попробуй сейчас остаться без столовой (денег мне не хватает) учти, что Рыжик не против меня, но Пахнин готов с лица земли стереть. Он уборщицу поставил воспитательницей, а меня уволил по сокращению штата. Напиши в Политотдел УралВО, чтобы его стеганули. Пусть меня вызовут я все расскажу...»

Об отсутствии помощи сообщает гр. ХАРЧЕНКОВА из гор. Свердловска (Жел.дор.техникум бар. № 1 кв. 8) в ДКА – ХАРЧЕНКОВУ.

... «Ты пишешь чем помог райсобес, я ходила целую неделю просила бирку на обувь и на одежду, хоть бы на ребят дали, а то у Томы ботиночек нет и штанишек теплых и платьишек и т.д. У меня туфель нет, а базаре если купить денег много надо, а где я возьму такие деньги. Райсобес ничем не помогает...»

Об этом же пишет и гр. ХРОМЧЕНКО из дер. Грязнуха Обуховского сельсовета Камышловского района в ДКА – ОДИНЦОВУ.

… «У нас двое детей и я за них пособие получала 100 р., а теперь не получаю – отказали. Раз он не с вами, то он должен издыхать без пайка и пособия. Нет такого права и они не могли так сделать. Никакой помощи нет – двое детей и пособие не получаю, это что же такое. По ихнему получается, что ты не есть мне муж, что детей не признают. У людей мужья на фронте и пользуются всем, а я имею двух детей и мне на детей пособия не дают, за то что жили мы с тобой 11 лет, а сейчас не признают…»

О бездушном отношении к жалобам военнослужащих сообщает гр. ГОЛОВКО из. Гор. Тавда… в ДКА – ГОЛОВКО.

… «Как мы живем, даже стыдно так жить, оборвались как говорится до нога. Лохмотьев и то у нас нет. Жуть берет, когда подумаешь про дальнейшее существование. Если еще продлится злосчастная война, то пожалуй нам первым сдобровать, а насчет харчей живем одной картошкой. Хлеба, что называется не видим по целому месяцу все правительственные постановления о помощи многосемейным и семьям красноармейцев идут на смарку. Наше колхозное начальство во главе с председателем Николаевским идут против всяких законов и прямо нагло мстят многосемейным, да еще семьям красноармейцев, а комендант тоже смотрит на все безразлично лишь бы ему было молоко, да масло. Так выходит, что только тем хорошо, кто умеет пресмыкаться, а все правительственные льготы семьям красноармейцев совершенно не выполняются…»

2. ПОЛОЖЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ.

О трудных жизненных условиях в связи с бездушным отношением местных руководителей к эвакуированным сообщает гр. ЛАТЫШЕВА из села АКИПЕРЕЕВО Н. Салдинского района в ДКА – ЛАТЫШЕВУ.

… «Петя мы умираем с голоду, как быть я уже не первое письмо пишу. К кому обратиться посоветуй, у нас есть заработанные дни в колхозе и нам ничего еще не давали и не дают, то, что нам принадлежит получить. Грозят что если будете приставать отберем и 400 грамм хлеба. Только и слышим эти угрозы. Ведь мы государственный паек получаем и неужели мы не заслужили. Отец 45 летний стаж имел, умер около станка и какой то колхоз задолжных за 5 лет, будет грозить что он отберет 400 грамм хлеба. Я ничего не получаю. Петя напиши, у нас уже нечего менять как быть, чтобы Алик не погиб. Мы не получаем пособие ни откуда и как быть. Пускай мне колхоз хотя в неделю какой-нибудь килограмм муки дает. Пусть мои заработанные дни отдадут. Всем семьям фронтовиков помощь дают, а нам заработанное не дают, загнали в проклятое место и издеваются над эвакуированными, ни соли ничего кроме 400 грамм хлеба. Мы

же не заключенные и не пленные у Гитлера, что над нами издеваться. Пишут в газетах помощь фронтовикам, а тут не помощь, а издевательства над бедными матерями и женами фронтовиков...»

СОЗАНАТОВА из дер. Потаскуево Тугулымского района пишет о своем крайне тяжелом положении.

... «я не знаю, когда будет возможность встретиться с тобой наверно твоей семьи не будет. Положение совершенно безвыходное, жизни совершенно нет. Валя более с голоду, вот уже 5 сутки не встает. Работы нет на месте, а ехать куда либо нет возможности потому что сидим босиком. Писала в райвоенкомат ответа нет. Что делать, я не знаю. Гера сын еле еле ходит, потому что очень сильное малокровие потому что нет никаких продуктов нет даже хлеба... мама дай кушать, а кушать нечего дать. Отвлекаю чем нибудь, но учти желудок ничем не отвлечешь. Что еще писать не знаю. Твоя радость, мне как матери двух детей, очень интересна, но хотя тебя и повысили в звании, но а помощи как военнослужащим нет, так что мне твое звание, когда я и дети накануне смерти. Неужели ты не можешь заступиться и добиться хотя бы минимальной помощи для семьи...»

Об издевательствах со стороны местных органов и отсутствие помощи сообщает гр. СИМОНЕНКО из гор. Свердловска (ул. Ильича д. 5) в ДКА – СИМОНЕНКО.

... «Теперь я в ужасных материальных условиях и помощи, как семье фронтовика никакой, а в милиции тем более ничего не добьешься. БОРОДИН даже говорить не хочет и слушать. Что мне теперь делать и куда обращаться, я прямо больше не в состоянии, что либо сделать. Вася я тебя прошу от имени Томы, чтобы ты написал письмо, как защитник, фронтовик хотя бы в НКО с просьбой помочь семье выехать и куда указать и откуда и по каким обстоятельствам. А может что сделаешь и сам сходишь к командованию и объяснишь может оно и поможет, а то я не знаю как быть, так как жить с больным ребенком в Свердловске очень трудно. Я была везде и нигде ничего не добьешься, везде гонят и не слушают. Вася я все скрывала и не хотела беспокоить тебя, а теперь вынуждена писать и хотела, чтобы ты это все знал...»

Гр. ПЕРЕВЕРЗЕВА из с. РОМАНОВО Серовского района пишет в ДКА – АВДЕЕВУ об отсутствии какой либо помощи.

... «Помощи никакой ни откуда не имею, потому что никакого абсолютно внимания не обращают, несмотря на то, что эвакуированные и семьи военнослужащего. Обращают внимание на тех у кого мужья находятся при своих семьях. Как жить дальше не знаю. Прошу возможно вы

мне поможете чем нибудь. Не посчитайте за трудность дайте отчет. Ходить совершенно не в чем, ни из обуви, ни из одежды ничего нет, а главное в питанием плохо...»

4. ЖАЛОБЫ НА НАЛОГИ.

О несправедливом обложении налогом сообщает гр. Кроликова из деревни Колесово Махневского района в ДКА – КРОЛИКОВУ.

... «Я еще не работаю, потому что обувать нечего. Ваня на это не смотрит наше начальство, что мы совсем разуты и раздеты и Вас у меня 4 помогаете защищать родину. – два сына и 2 зятя, а мне за вас никакой льготы нет, а только и грозят мне судом. Спрашивают с меня военный налог, а где я возьму, когда мне за вас ничего не дают, а мне 54 года и еще на моем обеспечении школьница 13 лет и ей нужна обувь и одежда...»

О том же пишет и гр. СТАРКОВА из села Екатериненка Ивдельского района в ДКА – СТАРКОВУ.

... «Коля, вероятно мне придется посудиться вот из-за чего. На маму военный налог наложили в сумме 450 рублей. Я не буду платить, пускай судят. Ведь они подумали бы на кого накладывают, ведь она из годов вышла и вот уже как год не работает. Два сына, два зятя в армии дочь на военном заводе работает. Она осталась с одним сыном инвалидом 1 группы, я 94 руб. получаю вот и все на это и живем. Паша маме справку выслал о льготах но они ее не во что не принимают. Ну что же пусть судят хоть засадят меня все равно. Прошу разрешить этот вопрос...»

Гр. КУЛТЫШЕВА из дер. Шмаково Ирбитского района так же пишет о несправедливом обложении налогом матери военнослужащего.

... «Вот у нас был военный налог наложен на бабушку 600 руб. и мы не платили, так как этого права нет облагать 78 летнюю старуху. Кто то защищает родину от врага, а дома в тылу безобразничают, а она старуха, где возьмет. Ведь надо помогать нашим матерям и старушкам, а они в тылу вредят. Так вот папочка я прошу это дело направить в военкомат так как вы сын этой старой старушки и защищаете родину, а твою мать обкладывают налогами, а где она возьмет...»

Об отсутствии средств для оплаты налогов сообщает гр. ПИМЕНОВА из В-Сергинского завода Н. Сергинского района в ДКА – ПИМЕНОВУ.

... «приподнесли налог платить за 1940 год мяса 64 килограмма но где их взять. Приходится последнюю корову вести, выхода больше нет

никакого. Несмотря на то, что нас семьи 12 человек ничего во внимание не берут, что все красноармейцы и вот Алеша наше положение какое...»

По существу изложенных материалов нами производятся проверки и по всем заслуживающим внимания фактам принимаются оперативные меры. По вопросам необеспеченности семей военнослужащих и эвакуированного населения нашими периферийными органами принимаются меры по оказанию необходимой помощи.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО С/О
КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ III-го РАНГА
(БОРЩЕВ)
«21» IV-43 г.
г. Свердловск.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Н-ку Отдела «В» НКГБ СССР
полковнику госбезопасности
тов. Смородинскому
гор. Москва

СПЕЦСООБЩЕНИЕ
Управления НКГБ по С/области

По переписке военно-служащих
эстонских воинских частей
расположенных в Камышловских лагерях
Свердловской области, по материалам
Военной цензуры.

В течение декабря месяца 1943 года Военной цензурой области зарегистрировано значительное количество жалоб и отрицательных сообщений в переписке идущей из эстонских воинских частей расположенных в камышловских лагерях Свердловской области.

Жалобы эти касаются главным образом плохого питания, обмундирования, медицинского обслуживания и антисанитарного состояния в расположении частей.

Ниже приводятся выписки из таких писем:

1. Военнослужащий МАЛЮТИН П.П. 04930 гор. Камышлов пишет в Молотовскую область МАЛЮТИНОЙ:

... «Я живу очень и очень плохо. Мы живем в землянках, нас очень много, страшная теснота, очень много грязи и вшей. Питание очень плохое, кормят мороженой капустой да каши одна ложка, от меня только остался один труп, да кости, очень я ослаб, не знаю, что будет со мной дальше. Вспомните моя дорогая семья, как я принимаю такую муку, я думаю Вам дойдет до сердца...»

2. Военно-служащий ШЛЫК П.П. 49587-Я гор. Камышлов пишет в Омскую область ШЛЫКУ:

... «Живем плохо. Гоняют здорово, кормят плохо. Приварок, как приехали, всегда одна капуста, да и то несоленая, а в обед каши дают 2 ложки. День занимаемся в учебном поле. Мороз трещит, а мы учимся. Я уже обморозил ноги, да болт в руках пальцы. Ничего никогда не просыхает, все мокрые, а живем в землянках, холодно, дров нет, ...сами ходим в лес за дровами...»

3. Военно-служащий КОСТУБ П.П. 14725-Э гор. Камышлов пишет в Свердловскую область ДВОРНИКОВОЙ:

... «Насчет питания неважно, дают очень жидко, хлеба дают 600 грамм. Я уже очень исхудал. В бане был 2... ноября, так что очень беспокоят сороконожки. Я бы... рад скорей на фронт...»

4. Военно-служащий КОЧЕРГИН П/П 49587-Е гор. Камышлов пишет в город Иркутск СТЕПАНОВОЙ:

... «Приходится тащить на себе миномет в разобранном виде, а он тяжел и я через 500 метров задыхаюсь и... а это здесь во внимание не принимается. Питание одна вода в капустой, точно одна ложка каши... 650 грамм хлеба в день, без жиров, без сахара. Неполная норма вызывает истощение, упадок сил, делает флегматичным, неповоротливым и ленивым, а занятия на морозе 10 часов – собачий аппетит в продрогшем организме... есть нечего...»

5. Военно-служащий ГЖАЛОВИКОВ П/П 49587-Е пишет в Омскую область ОСТЯКОВОЙ:

... «Жизнь моя, вы наверное знаете, что плохая. Кормят нас плохо, хлеба дают 600 грамм, нальют поварешку ...ного супа вместо чая выпьешь и все. Вот я Вам сообщаю какое у нас питание. Прямо я замер, едва таскаю ноги гоняют сильно и строгость. Некоторые уже знобятся... знобят, а дальше что из нас будет, вот какие мы фронтовики...»

6. Военно-служащий САМАРОВ ... ПОРОШИНО пишет в Алтайский край САМАРОВОЙ:

... «Живу очень плохо. Одет очень плохо во всем летнем и в ботинках, очень холодно. У нас болезнь очень опасная, ходит тиф, незнаю перенесу эту болезнь или нет, здоровье плохое...»

7. Военно-служащий АБАКУМОВ 2-я окружная школа гор. Камышлов пишет в город Ирбит АБАКУМОВОЙ:

... «Я живу не очень важно, кормят 650 грамм хлеба, баланда из капустницы, так что едва ноги таскаешь, да еще хотят делать марш 50 км. Занимаемся не очень-то хорошо потому, что весь день на улице...»

8. Военно-служащий СЕРБОЕВ п/о Порошино П.П. 24806-Ш пишет в Челябинскую область СЕРБОЕВОЙ:

... «Обмундирование плохое, правду сказать, за свой счет покупать для меня слишком дорого. Иногда между другими людьми причиняет это

даже большую боль, чего я не привык переживать, но думаю это ненадолго...»

9. Военно-служащий ПАСТАНОГОВ П/П 36351 «В» гор. Камышлов пишет в гор. Молотов ПАСТАНОГОВОЙ:

... «Трудная каша мне досталась. Сердце не дает бегать с поля и на поле, на занятие не могу угнаться иду до поту, слабость левой руки не дает нести винтовку, почти выпадает. На занятии поднять ее не успеваю. Начальство не верит, что я лечил ее электричеством, говорят, что не хочешь. Хлеба дают 650 грамм, кипятку почти не бывает. Люди, мне кажется не такие, как в ту гражданскую войну, теряется хлеб, табак, один с другим грубят...»

10. Военно-служащий БОРОВСКИХ П/П 1725-«Ю» гор. КАМЫШЛОВ пишет в Молотовскую область НАЗАРОВОЙ:

... «Я живу в землянке, 120 человек, воровство ужасное, чуть не каждый день режут наволочки. Обмуидирование старое: шапка старая, шинель старая, ботинки починенные, штаны свои ношу, выдают только летние, порятох нет, фуфайку пока не бросаю. Робим и учимся, заставляют ходить по дрова, по воду, заставляют мести и мыть пол. В баню сходил только одни раз...»

11. Военно служащий МОНАСТЫРОВ 11-я окружная школа снайперов гор. Камышлов пишет в Свердловскую область – СОНАСТЫРОВЙ:

... «Живу немного похуже, так как с 9-й нормы мА съехали на 3 норму. Масло и сахар уже давно не дают, готовят из одних овощей. Валенок не дают... износились, приходится носить ботинки с одной портянкой. Занимаемся с утра... на улице, в помещении одна печка и очень холодно...»

12. Военно-служащий КРУГЛОВ П/П 49587-К гор. Камышлов пишет в гор. Челябинск КРУГЛОВОЙ:

... «Попал я в лыжный батальон. ... Помещаемся в землянке. Сыро, холодновато... нельзя сказать чтобы были очень сыты. Хлеба... 700 грамм, суп с капустой, в обед суп с той же капустой и каша, в ужин тоже, что и утром. Спим как свиньи на соломе и общих нарах. Почитать ничего не сыщешь. Чтобы не скучно было поем «Мне в холодной землянке тепло». ...недели не раздевался и не разувался, потому что невозможно, иначе засохнешь. Плохо то, что совсем не дают табаку и купить его негде. Хотел бросить да не удалось, силы воли нехватает...»

13. Военно-служащий ШУЛЕПОВ П.П. 49587-Я гор. Камышлов пишет в Свердловскую область ЛОЖКИНУ:

… «Мама, знаешь сама, как живут в армии. Мама уже ознобился и ничего не помогает, ознобил ноги, уши, руки. Потому изнобился что в ботинках один носок, портянки и те сырые и грязные, а рукавицы изорвались. Починял я их не раз, но уже починять нечего, так и хожу в опорках…»

14. Военно-служащий ШАЙДУРОВ П.П. 36851 «Г» гор. Камышлов пишет в Свердловскую область ШАЙДУРОВОЙ:

… «Сообщу о себе… живу плохо, дали нам все обмуидирование… уже солдаты, но только маленькие все очень худые. Мама, теперь тебе меня совсем не узнать потому, что я очень худой, совсем не похожу на себя какой был и все худые. Очень уж ноги подгибаются здесь кормят плохо. Если хлеб получила приезжай ко мне, хоть я еще поем ладом, а то, наверное больше не придется так есть, как дома ел…»

15. Военнослужащий МАРКОВ П.П. 14725 гор. Камышлов пишет в город Ревду МАРКОВУ:

… «Гоша, я пишу Вас о своей веселой жизни – лежу на нарах и смотрю в котелок, в котелке вижу дно сквозь густоту борща. С утра получаем 200 грамм и заводим тарарам, почему второго не дают. Можно описывать все, в жизни и хорошее и плохое, жить можно, но ходить не захочешь…»

16. Военнослужащий ВОРОНОВ П.П. 24806 гор. Камышлов пишет в гор. Таборы Свердловской области – ВОРОНОВОЙ:

… «В настоящее время живу плохо, кормят плохо – утром 350 грамм хлеба, да поллитра супу, в обед 350 гр. Хлеба, чекушку супу и чекушку каши, а вечером только чекушку супу. Здоровье неважное, температура 39 – это от простуды. Ходнм в ботинках, в одних шинельках и в шлемах, сильно холодно. Живем хуже чем в Серове, там хоть думали вернемся через 3 месяца, а сейчас наверное совсем не вернемся…»

Серия «К» Совершенно секретно
экз. № 2

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА «В» МИНИСТЕРСТВА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ

тов. ГРИБОВУ.

гор. МОСКВА.

МЕСЯЧНЫЙ ОТЧЕТ.

О работе отделения и пунктов «ПК» отдела «В»
Управления МГБ по Свердловской области
За ИЮЛЬ месяц 1949 года.

РАБОТА ОТДЕЛЕНИЯ «ПК» гор. СВЕРДЛОВСКА.

I. Количество прочитанных документов	-	140800
В том числе исходящих от военнослужащих	-	7672
а) Количество исходящей корреспонденции поступившей в отделение..	-	941097
б) % прочитанной исходящей корреспонденции к общему числу поступившей в отделение..	-	15%
в) % прочитанной корреспонденции в гор. Свердловске и области к общему количеству исходящей из Свердловской области...	-	5,4%
II. Количество документов подвергнутых «К»	-	117
В том числе:		
а) С разглашением военной и государственной тайны..........	-	55
б) С разглашением режима лагерей, провокационные сообщения, резкие отрицательные высказывания и другие....	-	41
в) «Святые письма»..	-	21
III. Количество документов отобранных для оперативного использования..	-	180
В ТОМ ЧИСЛЕ		
а) С подозрением на условность переписки.........................	-	28
б) С резкими антисоветскими высказываниями....................	-	2
в) С разглашением важнейшей государственной тайны.........	-	33
г) О пребывании в плену и связях с немцами......................	-	11
д) Переписка сектантов...	-	11

е) Переписка преступников скрывающихся от преследования и об укрывательстве их…………………………………………..	-	43
ж) Переписка преступников совершивших побег из тюрем…	-	2
з) О подделке документов и паспортов………………………..	-	4
и) Об укрывательстве оружия………………………………….	-	2
к) Р а з н ы е…………………………………………………..	-	44
IV. Количество зарегистрированных и отобранных документов для тематической информации……………………	-	

В ТОМ ЧИСЛЕ:	Зарегистрировано	Отобрано
а) Отрицательные высказывания среди рабочих и ИТР о срыве выполнения планов предприятиями, авариях на производстве, высоком браке в производстве и неудовлетворительном руководстве предприятиями…………………………………………	92	29
б) Жалобы рабочих на несвоевременную выплату заработной платы на предприятиях, низкую зарплату, и неудовлетворительные материально-бытовые условия………………………………………	458	44
в) Отрицательные высказывания среди военнослужащих по поводу неудовлетворительного питания и обмундирования, жалобы на тяжесть службы и военной дисциплины и т.п…………………	86	23
г) Жалобы молодых специалистов, окончивших ВУЗы, техникумы и рабочих окончивших ремесленные училища и школы ФЗО по вопросу использования их не по специальности и на плохие материально-бытовые условия………………………..	30	7
д) Отрицательные высказывания среди населения гор. Свердповска о состоянии общественного питания и советской торговли………………………..	344	33
е) Отрицательные сообщения учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ о состоянии учебного процесса и неудовлетворительных бытовых условиях………………………………………………..	39	7
ж) Отрицательные высказывания среди сельского населения пригородных районов по вопросу об уборке урожая и о сельскохозяйственном налоге….	25	3
з) Р а з н ы е……………………………………………	87	27

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Наиболее характерные выписки об отрицательных высказываниях средн военнослужащих направлены для информации и оперативного использования отделам контрразведки МГБ и МВД.

2) Подлинные документы, разглашающие государственную тайну по стройкам и заводам спецназначения нами для оперативного использования направлены отделу «К» УМГБ.

3) По документам, отобранным для тематической информации составлены спецсообщения на имя Секретаря Свердловского Обкома ВКП(б).

V. Использование материалов «ПК»		
1. Направлено для оперативного использования		
В ОРГАНЫ МГБ.		
а) Меморандумов………………………………………………..	-	82
б) Документов с меморандумами………………………………	-	92
В ОРГАНЫ МВД.		
а) Меморандумов………………………………………………..	-	6
б) Документов с меморандумами………………………………	-	нет.
2. Выпущено спецсообщений на имя Секретаря Свердловского Обкома ВКП(б).		
а) Об отрицательных высказываниях среди рабочих и инженерно-технических работников Уралмашзавода, Министерства тяжелого машиностроения по вопросу о неудовлетворительной работы завода, а также с жалобами на низкие заработки и тяжелые условия жизни в связи с этим	-	1
б) Об отрицательных высказываниях среди рабочих и инженерно-технических работников Уралхиммашзавода, Министерства машиностроения и приборостроения по вопросу режима работы на заводе, существующей практике штурмовщины, а также жалобах рабочих на низкие заработки и неудовлетворительные материально-бытовые условия……	-	1
По этим же вопросам направлены спецсообщения отделу «В» МГБ СССР………………………………………………………	-	2
Всего в июле месяце с/г. выпущено и направлено спецсообщений.	-	4
VI. РАБОТА ОТБОРКИ.		
1. Всего просмотрено документов	-	1930505
2. Количество объектовых заданий	-	661
3. Количество отобранных документов	-	3415
4. Количество задержанных а/с анонимок и листовок	-	нет
5. Количество выявленных авторов антисоветских анонимок и листовок…………………………………………………………	-	нет

Литер «А» Совершенно секретно
экз. № 2

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА «В» МИНИСТЕРСТВА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ

тов. ГРИБОВУ.

гор. МОСКВА.

МЕСЯЧНЫЙ ОТЧЕТ.

О работе отделения Военной цензуры № 22
Министерства Государственной Безопасности Союза СССР.
За ИЮЛЬ месяц 1949 года.

1. Всего поступило корреспонденции	-	2632 кг.
2. Всего обработано корреспонденции	-	471092 шт.
В том числе корреспонденции адресованной в Советскую Армию.	-	471092 шт.
ИЗ НИХ:		
По Свердловской области	-	74381
По Тюменской области	-	42207
По Омской области	-	45445
По Челябинской области	-	38206
По Молотовской области	-	38109
По Курганской области	-	15037
По Новосибирской области	-	47839
По Иркутской области	-	794
По Томской области	-	9966
По Кемеровской области	-	34006
По Красноярскому краю	-	3488
По Алтайскому краю	-	52661
По Казахской ССР	-	37461
Прочим областям	-	31493

II. Обработано национальной корреспонденции.

а)	На татарском языке	- 11809	д)	На узбекском языке	-	90
б)	На казахском языке	- 2222	е)	На ойротском языке	-	75
в)	На украинском языке	- 801	ж)	На хакасском языке	-	8
г)	На немецком языке	- 93				

Итого: 15098

III. Направлено в другие органы для цензурирования.

№№ ПП	На каком языке	Куда (город)	Количество
1.	На чувашском	Германия ОВЦ № 15	545
2.	На удмуртском	Германия ОВЦ № 15	482
3.	На таджикском	Германия ОВЦ № 15	122
4.	На марийском	Харьков	436
5.	На молдавском	Харьков	38
6.	На армянском	Харьков	19
7.	На мордовском	Рязань	42
8.	На еврейском	Рязань	2
9.	На эстонском	Ленинград	1
10.	На коми	Минск	53
		Итого:	1740

IV. Количество писем с изъятыми текстами адресованных в Советскую Армию	-	7904
Из них:		
По Свердловской области	-	821
По Тюменской области	-	377
По Омской области	-	851
По Челябинской области	-	628
По Молотовской области	-	599
По Курганской области	-	738
По Новосибирской области	-	653
По Иркутской области	-	3
По Томской области	-	199
По Кемеровской области	-	365
По Красноярскому краю	-	172
По Алтайскому краю	-	1390
По Казахской ССР	-	672
Прочим областям	-	436

V. Количество писем, подвергнутых «К» адресованных в Советскую Армию	-	3029
Из них:		
По Свердловской области	-	287
По Тюменской области	-	155
По Омской области	-	210
По Челябинской области	-	224
По Молотовской области	-	223
По Курганской области	-	290
По Новосибирской области	-	218
По Иркутской области	-	-
По Томской области	-	54
По Кемеровской области	-	114
По Красноярскому краю	-	54
По Алтайскому краю	-	469
По Казахской ССР	-	356
Прочим областям	-	178

VIII. Использование материалов Военной цензурой.		
1. Выписано меморандумов	-	714
2. Направлено в органы МВД и МГБ меморандумов «К» документов с меморандумами	- - 	243 470
3. ОКР МГБ УРАЛВО: меморандумов «К» документов с меморандумами	- -	нет. 1
4. Прокуратура: Выписок из писем и спецсообщений	-	нет.
5. Направлено спецсообщений:		
а) Секретарю Свердловского Областного Комитета ВКП(б)		
О жалобах семей военнослужащих на материально бытовые условиях	-	1
б) Начальнику Управления МГБ по Алтайскому краю.		
Об отрицательных сообщениях колхозников Алтайского края по вопросу об организационно-хозяйственных неполадках в колхозах	-	1
Об отрицательных высказываниях и жалобах среди колхозников Алтайского края на тяжесть выполнения налогов и поставок продуктов животноводства…………..	-	1
О высказываниях среди населения Алтайского края, по вопросу о бандитизме и грабежах………………………….	-	1
в) Начальнику Управления МГБ по Челябинской обл.		
Об отрицательных высказываниях среди населения по вопросу заболеваемости крупного рогатого скота «Сибирской язвой»………………………………………….	-	1
г) Начальнику Управления МГБ по Молотовской обл.		
Об отрицательных сообщениях колхозников Молотовской области по вопросу, об организационно-хозяйственных неполадках в колхозах……………………………………….	-	1
д) Министру Государственной Безопасности Башкирской АССР.		
Об отрицательных высказываниях среди населения Башкирской АССР, по вопросу заболеваемости крупного рогатого скота «Сибирской язвой»…………………………	-	1
е) По всем этим же вопросам составлено и направлено спецсообщений отделу «В» МГБ СССР…………………….	-	7
Всего за ИЮЛЬ месяц составлено и направлено спецсообщений………………………………………………	-	14

X. Контроль качества обработки корреспонденции.

1. По группе читки.

Кто проводил проверку	Количество проведенных проверок	Количество проверенных цензоров	Количество перепроверенных писем	Обнаружено дефектов
Начальник отделения	67	40	1692	-
Зам.нач.отделения	31	19	1351	-
Ст.опер.уполномочен.	17	13	532	-
Оперуполномоченный	70	16	3165	-
Пом.оперуполномоч.	574	51	30877	26
ИТОГО	759	-	37617	26

Обнаружены следующие дефекты.

1. Пропуск нежелательных сообщений а) Пропуск по «А» текст писем подлежащих «К»	-	11
И з н и х:		
О продовольственных затруднениях………………………..	-	1
О бандитизме и грабежах……………………………………	-	1
О выселении из колхоза за невыработанные трудодни…..	-	1
О стихийных бедствиях………………………………………	-	2
О деятельности сектантских групп………………………….	-	1
Жалобы семей военнослужащих на материально-бытовые условия………………………………………………………..	-	3
О разглашении военной тайны………………………………	-	1

Иные отчеты пунктов «ПК»
Свердловской области по материалам Архива Управления ФСБ РФ по СО

Документ 1.

Наименование пунктов «ПК»	Кол-во исходящей корреспонденции, поступившей на пункт «ПК»	Кол-во прочитанной корреспонденции	% прочитанной корреспонденции к общему кол-ву поступившему на пункт	Кол-во документов отобранных для оперисполь-зования	Кол-во документов отобранных для информации	Кол-во «К» документов	Примечание
Тагильский	224 000	7 000	3	3	13	2	
Серовский	30 100	2 990	9,9	3	5	14	
Каменск-Уральский	78 222	3 727	5	2	9	11	
Краснотурьинский	86 120	3 391	5	1	-	1	
ИТОГО:	418 442	17 108	4,1	9	27	28	

II. Количество документов подвергнутых «К»	-	84
В ТОМ ЧИСЛЕ:		
а) С религиозной пропагандой и анонимки религиозного содержания…………………………………………………	-	63
б) По оперативным соображениям…………………………	-	11
в) Разглашение государственной и военной тайны……….	-	2
г) С провокационными сообщениями (о режиме в лагерях и прочими)…………………………………………………….	-	8
III. Количество документов отобранных для оперативного использования	-	56
IV. Количество документов, отобранных для тематической информации	-	39
В ТОМ ЧИСЛЕ:		
а) Отрицательные высказывания о состоянии торговли хлебом………………………………………………………	-	16
б) Жалобы рабочих на плохие материальные условия…….	-	10
в) Жалобы учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ…	-	6
г) Р а з н ы е………………………………………………...	-	7

V. Использовано материалов «ПК»		
1. Направлено для оперативного использования		
В ОРГАНЫ МГБ.		
а) Документов..	-	16
б) Меморандумов..	-	38
В ОРГАНЫ МВД.		
а) Документов..	-	нет.
б) Меморандумов..	-	нет.
VI. Работа отборки.		
1. Всего просмотрено документов	-	1824324
2. Количество объектовых заданий	-	2671
3. Отобрано документов по заданиям оперативных отделов...	-	6200
4. Количество обнаруженных анонимок и листовок	-	46
ИЗ НИХ:		
а) Антисоветского содержания	-	2
б) Религиозного содержания	-	44
5. Выявлено авторов анонимных документов	-	нет
6. Заведено наблюдательных дел за перепиской	-	2
7. Передано наблюдательных дел в оперативные отделы для дальнейшей разработки..	-	2
IX. Контроль качества работы.		
1. Количество документов, повторно проверенных за отборщиками...	-	73944
ИЗ НИХ:		
а) Оперуполномоченным...	-	18000
б) Пом. оперуполномоченными.................................	-	19896
в) Контролерами I категории (ст. пунктов «ПК»)............	-	36048
2. Количество обнаруженных объектовых документов пропущенных по «А»..	-	нет
3. Количество проверенных документов после технической обработки..	-	16027
4. Количество выявленных дефектов............................	-	1
ПРИМЕЧАНИЕ: Ст. пункта «ПК» в гор. Североуральске, допустившая дефект строго предупреждена начальником Горотдела МГБ.		

ПРИМЕЧАНИЕ:

1.Серовский пункт «ПК» с 15 июля временно закрыт на месяц.

2.Во всех остальных 12 пунктах «ПК» Свердловской области проводилась читка документов подозрительных по внешним данным: т.е. без обратных адресов или с адресом до востребования, с искаженными почерками, с почерками подозрительными по сходству с почерками авторов анонимных а/с документов.

VIII. Использование материалов Военной цензуры.		
1. Выписано меморандумов	-	771
2. Направлено в органы МВД и МГБ меморандумов «К» документов с меморандумами	- -	358 412
3. ОКР МГБ УРАЛВО: меморандумов «К» документов с меморандумами	- -	1 нет.
4. Прокуратура: Выписок из писем и спецсообщений	-	нет.
5. Направлено спецсообщений:		
а) Начальнику Управления МГБ по Алтайскому краю.		
Об отрицательных сообщениях колхозников Алтайского края по вопросу неудовлетворительной работы правлений и председателей колхозов и отдельных колхозах края.	-	1
б) Начальнику Управления МГБ по Курганской области.		
Об отрицательных высказываниях колхозников Курганской области о ходе весеннего сева	-	1
в) Начальнику Управления МГБ по Молотовской области.		
Об отрицательных сообщениях колхозников Молотовской области о ходе весеннего сева.	-	1
г) По всем этим же вопросам составлено и направлено спецсообщений отделу «В» МГБ СССР……………………	-	3
Всего за ИЮНЬ месяц составлено и направлено спецсообщений………………………………………………	-	6

Документ 2.

по Красноярскому краю	-	85
по Алтайскому краю	-	407
по Казахской ССР	-	281
Прочим областям	-	120

X. Контроль качества обработки корреспонденции.

1. По группе читки.

Кто проводил проверку	Количество проведенных проверок	Количество проверенных цензоров	Количество перепроверенных писем	Обнаружено дефектов
Начальник отделения	62	32	1613	2
Зам.нач.отделения	18	15	642	2
Ст.опер.уполномочен.	2	2	45	-
Оперуполномоченный	69	10	2311	-
Пом.оперуполномоч.	521	55	28544	16
ИТОГО	672	-	33155	20

Обнаружены следующие дефекты.

1. Пропуск нежелательных сообщений: а) Пропуск по «А» текст писем подлежащих «К»	-	4
Из них:		
О продовольственных затруднениях	-	2
О хулиганстве и грабежах	-	1
Религиозно-пропагандистский	-	1
б) Пропущено писем из которых следовало изъять текст.	-	6
в) Пропущено писем с частичным национальным текстом.	-	1
г) Не зарегистрировано отсутствие фото и справок	-	9

ТЕХНИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПЕРЛЮСТРАЦИИ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

При перлюстрации корреспонденции использовались следующие технические приемы: 1) мощное просвечивание и фотографирование письма без вскрытия конверта (чтобы читать полученные таким образом копии нужен был некоторый навык, ибо строки выявляются частично перевернутыми и наложенными друг на друга); 2) временное (секунд на 30) опрозрачивание конверта при обрызгивании его специальным спреем (РК 705. IA-4...); 3) грубое вскрытие с последующей заменой поврежденного конверта и с фабрикацией имеющихся на оригинале печатей и надписей; 4) ловкое вытягивание навернутого текста на раздвоенную костяную спицу через маленькую щель в углу конверта; 5) осторожное вскрытие и предельно осмотрительное запечатывание послания; 6) использование людей обладающих уникальным даром, чтением текста с использованием кожного зрения.

Несомненно, существуют и другие оригинальные способы перлюстрации корреспонденции, которые являются в настоящее время совершенно секретными.

Нежное вскрывание конвертов издавна осуществлялось с помощью изящных костяных инструментов и обычного водяного пара. Инструкция рекомендовала употреблять плоскую подогреваемую снизу поверхность на которую размещали увлажненную промокательную бумагу, выделяющую при последующем нагреве размягчающий клей пар. Поверх всего этого и клали вскрываемое письмо.

В параллельном варианте увлажненные полоски промокательной бумаги или поролона возлагались только на заклеенные поверхности, а для создания пара прибегали к помощи обычного утюга. Иногда использовалась и струя пара исходящая из носика кипящего чайника.

Если было подозрение, что отправитель употребил невидимые чернила, извлеченное послание тщательно размещалось между двумя под-

вергшимися обработке горячим паром листками бумаги и данный «бутерброд» устанавливался под пресс с тем, чтобы задействованная «химия» перенеслась на копию-подложку, с которой можно было работать для выявления тайнописи. Что важно, оригинал при этом внешне не менялся. Сняв информацию и скопировав письмо, конверт тщательно запечатывался, при помощи мятных ватных тампонов и прозрачного (но не силикатного!) клея.

Совершенно секретно

Н-ку Отдела «В» НКГБ СССР
полковнику госбезопасности
тов. Смородинскому
гор. Москва

СПЕЦСООБЩЕНИЕ
Управления НКГБ по Свердловской области
По переписке польских граждан
в польские войсковые части
сформированные на территории СССР по
материалам Военной цензуры.

При просмотре переписки идущей в польские воинские части от поляков проживающих в Свердловской области – Военной цензурой отмечены, наряду с положительными и ряд отрицательных и антисоветских сообщений и высказываний.

Также в этой переписке имеется значительное количество писем с жалобами на тяжелые материально-бытовые и продовольственные условия жизни.

Ниже приводятся выписки из таких писем поляков:

1. Гр-ка ШУТРА М.Ф. Свердловская область, Реж ст. Хлих Костоусовский рудник пишет в П.П. 66843/с ШУТРА С.Ю.

… «Что касается помощи нам, то на наши просьбы никто не отвечает. Нас все забыли, кто здоровый того взяли в армию, а которые остались могут погибать – это никого не касается, т.к. мы остались совершенно без опеки. Это подлая из подлых дум В. Василевской, которая хочет погубить уничтожить и растоптать весь польский народ находящийся в СССР. Пока она существует будет издеваться, но придет и на нее время. Боже помоги

польскому крестьянскому народу. Помоги, чтобы, чтобы наша католическая... воскресла. И чтобы те кто из этих мучеников... останутся могли жить в свободной без цепей... отчизне. У нас уже все... забрали, сделали нас самыми несчастными на свете, только одного забрать не могут души поляка... И если погибать будем, то как поляки мученики... Прошу тебя это письмо носи при себе, так как... Неужели заграницей о нас забыли. Неужели на этих.. повлиять нельзя... почитай письмо всем товарищам...»

2. Гр-ка ЧУПИК Х. Свердловская обл. Пышминский р-н, Чупинская почта Чупино № 38 МИЦИК Х.

... «Ждем момента нашего освобождения, но кажется, что это не так скоро будет. Перспектива не особенно хорошая для нас, – не в нашу пользу. Вы, это знаете ты и Владек, ничего хорошего не выигрываете. ... Дела наши не очень хорошие по Вашей части. Ты читаешь газеты и знаешь какая должна быть Польша. ... Граница должна быть такой, как в 1939... Мы должны принадлежать Р...»

3. Гр-ка БУЛАНДА Мария из Свердловской области, Исовский р-н... пишет в П.П. 63444 «И» БУЛАНДА П.

... «Не видать конца нашего страдания. Мы истощали и устали. Приближаются уже последние минуты нашей жизни. Наши невинные дети погибают от голода. ... Помощи никакой...»

7. Гр-ка БОЧАР А.И. Свердловская область... пишет в П.П. № 89479 БОЧАР Б.П.

... «Эта проклятая почта и холерская жидовская цензура съедают письма. Мы все в отчаянии. Мы прекрасно понимаем, что делается. Мы знаем как погибают наши, как мучают поляков. У нас сердце разрывается на кусочки. О, если-бы мы могли на самом деле мстить за все тем, кто несет смерть полякам. Мало им того, что здесь многие погибли без фронта, им этого не хватает, остальных решили уничтожить на фронте, а мы и наши сироты здесь пропадем. Мы все в отчаянии. О нас никто не думает. Не думают о том, что дети гибнут от голода и о том, что наших отцов, мужей и братьев без вопросов убивают. Еврейские подлецы пусть сами подставляют свои головы. Мы прекрасно знаем, кто этим руководит. Никто им ничего хорошего не желает. Я пишу это не только тебе, а всем пишу и цензура пусть им расскажет. Пусть знают, что у нас в сердцах делается, что мы думаем о них. Ты ведь знаешь о том, что здесь есть люди, которые если-бы могли заплатили бы им за все. Мы ведь знаем, кого они послали воевать, как они говорят за Польшу... Мы в отчаянии. Погибаем здесь от голода. Наши сироты по 4-5 дней хлеба не кушают. Нас всех на фронт, а

паршивых жидов кормят в конторах. Дорогой Бронек, мы здесь погибаем, так как нечего есть, а никто ничего не дает. Войны не думают кончать, а Вас на фронт послали. А Польша для кого будет. Для Ванды ВАСИЛЕВСКОЙ, Бернинга и жидов. Чтобы тех, кто нас сделал сиротами – осиротил, столько лет мучили предсмертные судороги, сколько они нас мучают... И еще по радио дразнят нас эти идиоты...»

8. Гр-ка ХЛИХ-ШУЛИРА... из Свердловской области гор. Реж Костоусовский рудник пишет в П.П. 66843/С ШУЛИРА С.

... «Ваши «успехи» мы чувствуем. Нам хлеба урезали и Вам наверное. Нам дают ½ кг, и маме 200 гр. И Вас выкормят как нитки будете... У нас часто много новостей, но правды в этом мало. Напиши ты нам если что либо знаешь. Нам ведь правды не говорят. С каждым днем все скучнее и хуже, к смерти ближе, а почему ты сам знаешь. Ты ведь знаешь где мы живем под какой властью (опекой). Эта сволочь (В. Василевская) нам с Вами очки втирает. Сволочи. Нашу кровь пьют и брата на брата в бой гонят. Я все знаю только говорить нам нельзя. Но мне уже все равно. Хватит этой нищеты и издевательства – не переживу этого. Ведь уже 4-й год так живем. Боже помоги нам пережить эти муки... Дай бог видеться в свободной от никого независящей Польше...»

9. Гр-ка ТКАЧУК из Свердловской области р-н Реж ст. Костоусово пишет в П.П. 67690 «А» ЛЕВКОВИЧ.

... «Дорогой сын, ты за чужих свою грудь наставляешь. Слишком дорого стоит нам возвращение. Мы все знаем, знаем как дорого платите за каждую пядь земли, а эти здесь еще хлеб урезали: у иждивенцев 100 грамм, а у рабочих 200 грамм. Здесь не сладко. Коли можешь, то подумай как нас отсюда вырвать... Коли получишь это письмо, подумай о несчастных женщинах, которые ждут чтобы смиловались над ними. Коли переживу, то дождусь этого, что ты нас отсюда вывезешь. Я отблагодарю тебя так как ты спасешь нас от смерти. Я уже плохо вижу и еле держусь на ногах...»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1292 Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежит лицензированию

В соответствии с федеральными законами «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», а также Указом Президента Российской Федерации от 9 января 1996 г. № 21 «О мерах по упорядочению разработки, производства, реализации, приобретения в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы, а также использования специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 3, ст. 153) Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Утвердить прилагаемые:

Положение о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации;

список видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию.

УТВЕРЖДЕНО
постановлением Правительства
Российской Федерации
от 10 марта 2000 г.
№ 214

ПОЛОЖЕНИЕ
о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации

1. Настоящее Положение устанавливает порядок ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации юридическими лицами, не уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности, специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (далее именуются – специальные технические средства).

На органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, определенные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», настоящее положение на распространяется.

2. Порядок ввоза в Российскую Федерацию (вывоза из Российской Федерации) предусматривает:

лицензирование ввоза в российскую Федерацию (вывоза из Российской Федерации) специальных технических средств;

таможенный контроль и таможенное оформление ввозимых в Российскую Федерацию (вывозимых из Российской Федерации) специальных технических средств.

УТВЕРЖДЕН
постановлением Правительства
Российской Федерации
от 10 марта 2000 г.
№ 214

СПИСОК
видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию

	Код ТН ВЭД СНГ
1. Специальные технические средства для негласного получения и регистрации акустической информации:	
-системы проводлой связи, предназначенные для негласного получения и регистрации акустической информации; -радиоаппаратура, предназначенная для негласного получения и регистрации акустической информации.	из 8517 50; из 8517 80 900; из 8525 10 900; из 8525 20 990; из 8527
2. Специальные технические средства для негласного визуального наблюдения и документирования:	
а) фотокамеры, обладающие по крайней мере одним из следующих признаков: -закамуфлированные под бытовые предметы; -имеющие вынесенный зрачок входа (PIN-HOLE); -без визира; -с вынесенными органами управления камерой;	из 9006 51 000; из 9006 52 000; из 9006 53 100
б) телевизионные и видеокамеры, обладающие по крайней мере одним из следующих признаков: -закамуфлированные под бытовые предметы; -имеющие вынесенный зрачок входа (PIN-HOLE); -работающие при низкой освещенности объекта (0,01 лк и менее) или при освещенности на приемном элементе 0,0001 лк и менее;	из 8525 30; из 8525 40
в) комплекс аппаратуры передачи видеоизображения по кабельным, радио и оптическим линиям связи.	из 8517 50; из 8517 80 900; из 8525 10 900; из 8525 20 990; из 8527
3. Специальные технические средства для негласного про-	

слушивания телефонных переговоров: -системы проводной связи, предназначенные для негласного прослушивания телефонных переговоров; -радиоаппаратура, предназначенная для негласного прослушивания телефонных переговоров.	из 8517 50; из 8517 80 900; из 8525 10 900; из 8525 20 990; из 8527
4. Специальные технические средства для негласного перехвата и регистрации информации с технических каналов связи.	из 8471; из 8517 50; из 8517 80 900; из 8524 31 000; из 8524 40 100; из 8524 91 100; из 8527 из 9022 19 000
5. Специальные технические средства для негласного контроля почтовых сообщений и отправлений.	
6. Специальные технические средства для негласного исследования предметов и документов: -переносная малогабаритная рентгеноскопическая и рентгенотелевизионная аппаратура.	из 9022 19 000
7. Специальные технические средства для негласного проникновения и обследования помещений, транспортных средств и других объектов: -средства для вскрытия запирающих устройств; -переносная малогабаритная рентгеноскопическая и рентгенотелевизионная аппаратура.	из 8301 70 000; из 9022 19 000 из 8526 10 900; из 8526 91
8. Специальные технические средства для негласного контроля за перемещением транспортных средств и других объектов.	из 8471; из 8505 90 100;
9. Специальные технические средства для негласного получения (изменения, уничтожения) информации с технических средств ее хранения, обработки и передачи.	из 8517 50; из 8517 80 900; из 8524 31 000; из 8524 40 100; из 8524 91 100; из 8527
10. Специальные технические средства для негласной идентификации личности: -многоканальные регистраторы психофизиологических реакций человека.	из 9019 10 900

А.С. Смыкалин

**ПЕРЛЮСТРАЦИЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
И ПОЧТОВАЯ ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА В РОССИИ И СССР**

Монография

в авторской редакции

Подписано в печать 10.09.2015
Формат 60х90/16. Усл.печ. л. 16,75.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1

ООО «Русайнс»
127015, Москва, Кедрова 14, стр. 2
Тел.: +7(495) 741-4628
E-mail: autor@ru-science.com
http://ru-science.com